

АКАДЕМИЯ МАГИИ

МАРИНА ЕФИМИНЮК

НЕИДЕАЛЬНАЯ
ЧАРЛИ ТЭЙР

Annotation

У дочери королевского посла идеальным должно быть все: произношение, увлечения, репутация и даже душевные порывы. Увы, но моя жизнь – полный бардак! В семнадцать лет я обручилась с другом семьи, а в двадцать – влюбилась по-настоящему... не в жениха.

С парнем из северного Норсента у нас мало общего, но рядом с ним я могу быть собой, неидеальной и с дурным произношением. Да и познакомились мы своеобразно: на празднике в академии я продала ему свой первый поцелуй.

- [Марина Владимировна Ефиминюк](#)

- - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
-

Марина Владимировна Ефиминюк

Неидеальная Чарли Тэйр

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Ефиминюк М. В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Пролог

Связь с реальностью я начала терять сразу после слова «помолвка», а к серьезной фразе «обручальная нить» окончательно перестала соображать. Пришлось сосредоточиться на сложнейшей задаче, от чего именно стоит скончаться: от смущения, волнения или огромного счастья, которое просто неспособно уместиться в груди семнадцатилетней девушки и не начать удушать.

– Зная, что ваш сын будет рядом с Шарлоттой, я отпускаю ее в Ос-Арэт со спокойной душой, – сказала мама Чейсам.

– Лилия, он непременно присмотрит за нашей принцессой, – в своей обычной манере прокудахтал Энтон Чейс. – Глаз не спустит! Так ведь, Алекс?

Тяжелые, требовательные интонации в голосе мужчины неприятно резанули слух.

– Конечно, отец, – спокойно согласился Александр и послал моей матери вежливую улыбку. Очевидно, он давно привык, что Чейс-старший давил абсолютно на всех в радиусе трех шагов, как огромная надгробная плита.

Некоторое время мы ели в натянутом молчании, словно все боялись задать вопрос, который витал в воздухе, но никем озвучен не был. Самой смелой оказалась мачеха Алекса. После смены блюд она прихлебнула вино и вежливо спросила, обращаясь к моим родителям:

– Что ж, когда случится счастливое событие? Когда проведем ритуал и дети завяжут обручальную нить, а мы породнимся?

За столом возникла пауза. Кажется, даже лакеи, расставляющие чистые тарелки, на мгновение замерли, ожидая ответа.

Родители переглянулись.

– Торопиться некуда, – проговорил папа. – Шарлотте только семнадцать. Она никогда не жила самостоятельно. Стоит дождаться двадцатого дня рождения.

– Три года? – удивился Энтон Чейс, и весьма неприятно, чего не пытался скрыть хотя бы из вежливости. – Не долго ли?

– Что скажешь, дочь? – спросил отец.

Неожиданно абсолютно все взрослые посмотрели на меня. В панике, ища подсказку, я обернулась к Алексу. С непроницаемым видом тот разглядывал нетронутую изысканную закуску на фарфоровой тарелке. Помогать с правильным ответом никто не торопился, а мозги по-прежнему отказывались выходить из коматозного состояния.

– Я не знаю, как лучше поступить, – вынужденно призналась родителям.

Неожиданно Алекс поднял пронзительно-синие глаза и пригвоздил меня к мягкой спинке стула острым, как шило, взглядом.

– Не хочешь помолвки, Шарлотта?

Стоило взять секундную паузу и мысленно примерить роль невесты: не жмет ли, не болтается или, может, сидит как влитая. Но я боялась, что очнусь от причудливого сна, не успев дать согласие, и страшно расстроюсь.

– Хочу! – выпалила со рвением, совершенно недостойным воспитанной девушки. – Хоть через неделю!

Я точно провалила экзамен на адекватность и наконец-то решила, что правильнее издохнуть от неловкости, чем лопнуть от счастья. Это было второе по важности решение после согласия нестись под свадебную арку, не расплетая кос и не меняя платья.

На выразительное лицо Александра набежала тень досады, но он быстро зачихал чувства в зад... за пазуху и сделал глубокий глоток вина.

– Видишь, Гатри, – с улыбкой обратилась мама к отцу. – Если дети хотят завязать нить, не вижу смысла противиться и тянуть. Все равно мы не станем проводить брачный обряд раньше, чем Шарлотта окончит Ос-Арэт. Высшее образование в приоритете. Согласны, Энтон?

Энтон Чейс как раз считал обратное, о чем не раз высказывался в самой резкой манере, но спорить не стал:

– Конечно, вы правы, Лилия.

Высшее образование в магической академии, платье за ужином, непринужденная надменность – мама считала, что в ее дочери все должно быть идеальным, как в ней. Наплевать, что дара мне досталось чуть больше чем с гулькин нос и в Ос-Арэте я собиралась изучать не заклятия высшей магии, как все нормальные студенты, а древние

языки. Идеально для бездарного отпрыска знаменитого королевского посла! Все как любит мама.

Впрочем, для печали причин не было. Если судить по конкурсу эссе, нас таких, бездарностей благородных кровей, оказалось немало. Даже перебор, учитывая, что я только чудом не провалила испытание.

– Превосходно! На следующей неделе проведем обряд обручения! – решил абсолютно за всех Энтон Чейс и поднял бокал, как-то разом превратив обычный ужин в праздничный. – Ты рад, сын?

– Я в восторге, – ответил тот таким ровным голосом, что ровнее только мраморные полы в холле нашего особняка.

Неожиданно я почувствовала, что начинаю задыхаться от фантазий о семейной жизни, а еще немножко – от духоты в столовой, и страшно обрадовалась, когда нас с Алексом выставили на улицу подышать свежим воздухом. Если он хотел остаться за столом, а не нарезать круги по засыпанным мелким гравием садовым дорожкам, то вида не подал. Поднялся, вкрадчивым жестом указал на раскрытые двустворчатые двери.

Мы вышли в неловком молчании и некоторое время тащились по украшенному фонариками саду. Каблуки увязали в злосчастном гравии, приходилось слегка балансировать руками, чтобы не потерять равновесие. Я не отказалась бы от поддержки, но Алекс не торопился помогать в этой принудительно-добровольной прогулке.

Вдруг он резко остановился, и я едва не наскочила на широкую спину, подчеркнутую пиджаком модного кроя. Испуганно отпрянув, принялась нервно тереть ленту на платье.

В прошлом мы пару раз оставались наедине, но после того как слова «помолвка» и «обручальная нить» были произнесены, как связующие заклятия черной магии, казалось, все полностью изменилось. Теперь Алекс смотрел мне в глаза, а не над левым плечом, словно за спиной, даже если я стояла на фоне каменной стены, всегда было что-то поинтереснее раздражающей Чарли Тэйр.

– Ты действительно хочешь обручение через неделю? – вдруг спросил он с ледяными интонациями. – Не понимаешь, почему твой отец предложил повременить?

Рядом с Александром Чейсом я всегда испытывала ощутимые проблемы с речью и умственными способностями. Уверена, он считал

меня непроходимой тупицей и занозой в зад... пальце. Но больше тупицей.

– А? – естественно, блеснула я умением формулировать мысли и облекать их в умные фразы.

В его лице проявилась злость. Он начал стремительно и неизбежно наступать, заставляя меня пятиться. Я вовсе не боялась Алекса! Просто не ожидала, что он захочет сузить расстояние между нами, обычно такое же широкое, как большой каньон Шай-Эра. Отходила и отходила, пока не уперлась спиной в шершавый ствол старой яблони. Приложилась сильно, ойкнула от неожиданности. От удара на голову и за шиворот посыпалась труха.

Александр резко склонился, фактически касаясь горячими губами моих пересохших губ. От его дыхания пахло вином. Глаза казались практически черными.

– Какого дьявола ты не отказалась от обручения, маленькая идиотка? – зло прошипел он. – Хочешь, чтобы я на тебе женился?

– Ты знаешь о моих чувствах, – беспомощно проблеяла я, словно извиняясь, что не считала идею выйти замуж за неприкасаемого Александра Чейса паршивой. – Я люблю тебя!

Он выпрямился, сунул руки в карманы, посмотрел на меня с убийственным высокомерием.

– Что? – Уголок красивого рта дернулся в издевательской усмешке.

– Люблю! Я... тебя...

Боже, я уже ненавидела себя за неуместное порывистое признание и хотела затолкать его обратно в глотку, желательно вместе с языком.

– Я должен тебя поблагодарить? Спасибо, – насмешливо и надменно проговорил он, словно на паперти бросил монетку нищему. – Давай-ка мы договоримся, дорогая Шарлотта. Раз ты мечтаешь побыть моей невестой до окончания учебы – побудь, но на многое не рассчитывай. Я как-нибудь потерплю тебя на семейных приемах, но не собираюсь с тобой ни возиться, ни нянчиться. И уж тем более не планирую жениться. Это ясно?

Я судорожно кивнула, потому как от потрясения просто-напросто оказалась неспособна говорить.

– Ты неплохая, Шарлотта, даже если совершенно мне не нравишься. Просто постарайся оставаться очень, очень незаметной,

моя милая ужасная невеста. – Александр аккуратно заправил мне за ухо золотистый локон, вообще-то выпущенный нарочно, для красоты. – Не хотелось бы делать тебя глубоко несчастной. Хорошо?

Он развернулся и энергичным шагом направился к дому, под его ногами зашелестел гравий. Я судорожно прижала к груди ладонь и перевела дыхание, вдруг осознав, что чуть не свалилась в обморок от нехватки воздуха. Или все-таки от ошеломления? Колени предательски дрожали и подгибались. На травку под яблоней, что ли, лечь и немножко прийти в себя?

Однажды после очередной безобразной сцены, устроенной Алексом на приеме родителей, его мачеха Ирэна деликатно назвала пасынка «эмоционально незрелым». И плеснула в свою чашку с кофе приличную порцию коньяка. Сейчас мне открылось печальное знание, которое я собиралась, как знамя, пронести через всю жизнь...

Незрелыми в нашем саду были только сливы и яблоки, а Александр Чейс являлся полным, безнадежным, законченным придурком!

Глава 1

Принцесса продает поцелуй

Не то чтобы я ждала чудес на новогоднем балу в академии, но на такой *душераздирающий* сюрприз тоже не рассчитывала... Под праздничной аркой из еловых ветвей Алекс открыто целовался с девушкой в скромном платье. Для человека, еще в карете беспрерывно ворчавшего, как его раздражают детские танцульки, он неплохо проводил время, гораздо лучше меня. Вдохновенно, эффектно и с огоньком.

Вернее, с огоньками. С еловых ветвей на них с той студенткой сыпались серебристые снежинки, вуалью окутывали стройные фигуры, слившиеся в объятиях. Пространство искрило, вспыхивало в свете магических ламп. Красивая сцена, словно сворованная со страниц книги...

К сожалению, во всех любовных романах, что мне довелось прочесть, у главного мужского персонажа обязательно имелась навязанная семьей невеста. Будь эта девица трижды неплохим человеком, ее в равной степени ненавидели и герой, и автор, и читатели. В истории Александра Чейса, звездного выпускника Ос-Арэта, бесящей невестой-дурой была я.

Увы.

Мне оставалось в полной разладице с собой и со здравым смыслом гипнотизировать парочку под новогодней аркой и игнорировать неуместную мысль, что неугодных невест на людях не целовали. За закрытыми дверьми, в дальнем уголке и в темноте, впрочем, тоже. Никто и никогда! Жених – по понятной причине плохой переносимости, способной свести его в могилу. Другие парни – из страха огрести неприятности. Мы не девушки – ведьмы, пробуждающие в мужчинах древнейший инстинкт! К сожалению, не охотника и защитника, а самосохранения.

– Выскочка Эридан совсем свихнулась! – со злым смешком проговорила Гвендолен, считающая себя даже не королевой, а хозяйкой академии. Наверное, справедливо, потому что ректор приходился ей родным дядькой.

– Что Александр в ней нашел? Она же стипендиатка и зубрила! – поддакнула подруга Гвендолен.

– Хуже только какая-нибудь северянка! – решительно согласилась другая.

Все верно, если хотите подружиться с ректорской племянницей, обругайте северян! В начале учебного года в Ос-Арэт по обмену приехала дюжина студентов из Норсента. С первоуродного языка название их королевства переводилось как «северный полуостров». Просто, без фантазии и изысков. Зато они сами простыми отнюдь не были. Кричаще не походили на нас, держались отстраненно и холодно, словно в своем Норсенте отморозили доброжелательность и хорошие манеры.

Парни носили длинные волосы, наверное, чтобы не замерзать в родных холодах, и у всех в шевелюрах были вкрапления тонких разноцветных прядей, светившихся на солнце. Говорили, их цвет зависел от стихии, которой подчинялся дар, но спрашивать об этом напрямую считалось неприличным. Вернее, очень личным, почти интимным. Никто же не спрашивает у девушек размер верхнего обхвата, за такое нахальство можно и по физиономии получить. В случае с магией у северян происходила похожая история.

Осенью мне пришлось переводить азрийский манускрипт в паре с северянкой Рэдмин. Я так отчаянно старалась не таращиться на огненно-рыжие полосы в ее темной шевелюре, что в итоге все время тарасилась. Она не осталась в долгу и без стеснения рассмотрела горящую у меня под кожей обручальную нить.

– Было больно завязывать? – громко спросила она, наплевав, что в библиотеке можно разговаривать только уважительным шепотом, а еще лучше – языком жестов. И уж точно не стоило осквернять резковатым северным акцентом святую тишину этого храма старинных фолиантов! В трети из них рассказывалось о большой магической войне с Норсентом, случившейся чуть больше века назад.

– Да, – неожиданно для себя призналась я, не отрывая взгляда от словаря.

– Говорят, это дурная примета, – добавила она, видимо, из любопытства посмотреть на мою реакцию.

– Люди вообще часто говорят чушь. – Я дернула плечом и кивнула: – Ты будешь переводить свою часть или мне все сделать

самой?..

Голос ректорской племянницы вернул меня в реальность, на шумный бал, где Алекс выкинул очередной фортель.

– Слышала, парни с факультета высшей магии снова на кого-то поспорили, – злословила она. – Уверена, Александр целует эту голодранку ради выигрыша!

– Думаете, собирается соблазнить?! – с восторгом подхватила одна из ее подружек. Странно, как не взвизгнула.

И что-то – прости господи! – так задрали дурацкими сплетнями...

– Эй! Гвендолен! – резко окликнула я, не в силах слушать скудоумное перешептывание.

Она как ни в чем не бывало обернулась и даже состроила удивленный вид, будто только-только меня заметила.

– Что тебе, Шарлотта?

– Перестань нести в мир чушь и займись своими делами, – посоветовала я. – У тебя их всегда очень много.

Лед в моем голосе можно было дробить в крошево и раскладывать по небьющимся бокалам, в которых на балу подавали дрянной сладкий пунш. Его пили только непуганые первокурсники. Третий год пошел, как я по незнанию попробовала, и до сих пор вспоминаю с содроганием.

– Мне кажется, я сейчас как раз занимаюсь своими делами, – ехидно улыбнулась Гвендолен.

– Выходит, ты считала себя подружкой Алекса, а он забыл сказать, что вы расстались? Может, записку прислал, но ты пропустила? – не обращая внимания на то, что она пошла красными пятнами, продолжала я. – Почтовую шкатулку с утра проверила?

– Не пойму, Тэйр, тебе нравится наблюдать, как жених целует голь подзаборную?

– Целуй он тебя, все было бы в порядке? – задала я резонный вопрос. – Так?

– Между прочим, я за тебя переживаю, а ты всегда ведешь себя, как змеюка подколотная! – обиделась Гвендолен.

– Стараюсь, девочки, вам соответствовать, – улыбнулась я одними губами.

Вообще-то, с первородного языка Ос-Арэт переводилось как «змеиная башня», и название прекрасно отражало внутреннее

содержание.

– Не язык, а жало! – выругалась Гвендолен и, оскорбленная до глубины души, повернулась ко мне смелым вырезом на спине, а к подругам – расшитым жемчугом фасадом.

Началось бурное обсуждение, но до меня не доносилось ни слова – сплетницы закрылись пологом тишины. Владей я подобным заклятием, спряталась бы в собственный кокон и от души выругалась. Природа наградила меня талантом к изучению языков, но сильно обделила магическими способностями. Унизительное интимное представление Алекса приходилось переживать с непринужденной надменностью в лице и без единого бранного словечка. Именно они, портовые ругательства, застряли в горле горьким комом, а вовсе не слезы. Знаю точно!

А парочка между тем нашла в себе силы прервать бесконечно-бесконтрольный поцелуй и теперь зачарованно смотрела глаза в глаза. Они не замечали ни зрителей, ни шумной музыки, ни – понятное дело! – невесты, нервно мнущейся в сторонке, и вдруг вновь качнулись навстречу друг другу. Оказалось, что это был не конец, а только антракт перед вторым актом!

– Да вы издеваетесь... – пробормотала я себе под нос.

Надо было что-то делать, чтобы не выглядеть измученной сироткой. Вернее, несчастной измученной сироткой. Для начала – повернулась к новогодней арке затылком и с самым независимым видом направилась в бальный зал. Пусть все думают, что у меня там свидание.

Из раскрытых дверей неслась известная мелодия из музыкального спектакля, второй сезон подряд собирающего аншлаги в королевском театре. Виднелась высоченная елка, украшенная мерцающей алой звездой и иллюзорными горящими свечами, по виду совершенно не отличимыми от настоящих. Вокруг нее танцевали пары.

Если пересечь этот зал, то можно выйти на главную лестницу, по случаю праздника застеленную зеленым ковром, а оттуда спуститься в холл и незаметно дернуть домой. В экипаже Алекса... Он как-нибудь найдет способ добраться до родового поместья посреди ночи. Очень морозной ночи! Уверена, в Ос-Арэте никогда таких холодов не видели. Похоже, северяне привезли вместе с собой из Норсента. И не

верилось, что зима задержалась за Крушвейской скалистой грядой и пришла всего пару-тройку недель назад.

Задумавшись, я едва не врезалась в одного из этих «очень морозных» людей. Перед самым носом вырос камзол цвета темного кофе с золотым шитьем на лацканах. Едва успела затормозить. Он пах чем-то льдистым, строгим и очень приятным. Не камзол, а его владелец.

Я кивнула с вежливой улыбкой и обошла препятствие по дуге. Парню следовало изобразить фонарный столб, но неожиданно он оказался подвижен и вдруг сжал мой локоть:

– Чарли!

Не знаю, что из случившегося поразило больше всего. Имя, которым меня называли только очень близкие друзья, но никогда – собственный жених? Сексуальный голос с едва уловимым акцентом, растягивающий гласные в этом имени? Или же мурашки, возникшие от прикосновения теплых мужских пальцев, аккуратно, но между тем уверенно сжимающих руку в том месте, где заканчивалась длинная перчатка.

Нас представляли в день приезда северян в Ос-Арэт, когда я проводила экскурсию по замку, но его имя давным-давно выветрилось из головы. Парень не выглядел мощным, как некоторые из его земляков, однако за счет роста и разворота плеч заставлял чувствовать себя хрупкой. В темных волосах, опрятно открывающих лицо, виднелись тонкие светлые пряди. Взглядом я невольно зацепилась за маленький золотой шарик, вставленный в свод правого уха, и только потом посмотрела в светло-карие глаза. Теплые и внимательные.

Неожиданно в голову пришла мысль, что северянин не шелохнулся, пока я его разглядывала. Подобным образом ведут себя с настороженными котятами, чтобы не испугать до паралича хвоста. Хвоста у меня не было, а паралич от удивления едва не случился.

– Потанцуй со мной, – произнес он и без лишних намеков отпустил мою руку.

– Я не танцую.

– И все же... – в обволакивающем голосе вдруг появились властные интонации.

Я немедленно вздернула подбородок, приготовившись – так сказать – источать надменность, но в разноцветной толпе краем глаза

заметила элегантный черный смокинг Алекса и выпалила:

– Чудно! Будем танцевать!

Честное слово, лучше плясать под елкой с парнем из Норсента – в смысле, возле елки, – чем наблюдать, как жених с высокомерной миной и большой помпой ведет на танцевальный паркет свое новое увлечение. Пусть видит, что я тоже веселюсь!

– Идем уже веселиться?

Господи, я сказала это вслух...

Уголки чувственного рта у парня дернулись и поползли вверх, но улыбка так и не появилась.

– В смысле, пока еще музыка играет, – выкрутилась я, хотя было очевидно, что на балах играли, что называется, до последнего танцора.

– Раз ты боишься, что нам не хватит музыки...

Как будто небрежно он положил на мою поясницу ладонь и увлек к раскрытым дверям бальной залы. Я так остро ощущала его руку, что с трудом сдерживалась, чтобы не выгнуться.

Едва мы добрались до танцевальной площадки, аккуратно лавируя среди кружащих людей, как мелодия оборвалась, и зал мигом превратился в гудящий рой. На нас действительно не хватило музыки! Это было настолько нелепо, что захотелось истерично хихикнуть. Останавливало лишь то, что я никогда и ни при каких обстоятельствах не хихикала.

Приглашенный небольшой оркестр, спрятанный на балконе второго этажа, взял паузу. На стенах начали разгораться магические светильники. В ожидании следующего танца рассыпались пары, пространство наполнилось светом, а мы остались стоять у всех на виду возле праздничной елки. Надо было продержаться пару минуточек в неудобном молчании, но плясать с человеком, имя которого никак не можешь выудить из головы, казалось неловким.

– Я не помню, как тебя зовут, – сама от себя не ожидая, призналась я.

– Даже не сомневался, принцесса, – ответил он на языке центрального Норсента, произнеся прозвище «принцесса» с такой непередаваемой интонацией, что захотелось огрызнуться на портово-сапожном диалекте. Остановил языковой барьер, впрочем, быстро исчезающий при нужном градусе раздражения.

– Ты же в курсе, что я тебя понимаю? – сухо спросила я.

– Конечно.

В его глазах плескался смех. Подозреваю, что разница в возрасте у нас была года три, как с Алексом, но меня не покидало ощущение, будто парень с северного полуострова старше на две жизни.

– Ноэль Коэн, – представился он.

– Шарлотта, – зачем-то ответила я и поспешно добавила: – Тэйр.

– Помню.

Раз высокомерие на него не действовало, оставалось нахальное дружелюбие, презираемое северянами:

– В таком случае пожмем руки?

– Не утруждайся хорошими манерами, – хмыкнул он. – Они тебе и так поперек горла.

Ноэль оказался прав настолько, что невольно напрашивался вопрос:

– Ты что, за мной наблюдал?

– Тебя подводит умение держать лицо.

– Неужели?

– Сейчас тоже.

Только собралась выдать колкую фразу и почти ее придумала, как с балкона хлынула незнакомая бархатная мелодия. С изумлением я поняла, что сделала головокружительный разворот на цыпочках и оказалась ловко пойманной то ли в объятия, то ли в капкан.

Ноэль танцевал вообще не по канону! К таким хореографическим вывертам не готовят ни жизнь, ни учитель танцев, ни мама, любящая следить за уроками и придираться к любой мелочи. Он двигался медленно, держался на ничтожном расстоянии и смотрел исключительно на меня, а не расточал скучающие взгляды по сторонам или на девушек рядом, как это обычно делал Алекс. От непривычки, что партнер всем телом и каждым мельчайшим жестом давал понять, что сосредоточен на мне, а не на мысли, как сбежать к подавальщику за бокалом с крепким спиртным, захотелось одновременно моргать, дергать глазом и кусать губы. Такое разнообразие нервных тиков, растеряться недолго!

Пока я разбиралась в собственной душевной организации и пыталась ее обратно переорганизовать, паршивая действительность вернулась. Ноэль поднял голову. Взгляд нацелился на кого-то за моей

спиной и мгновенно заледенел. Следующая фраза разодрала в клочья хрупкое волшебство момента:

– Ты сегодня одна? Без своего... *сопроводителя*.

– Жениха, – с прохладцей поправила я, решив, что он забыл, как это слово произносится на шай-эрском.

Недолго музыка играла! В смысле, меланхоличная мелодия по-прежнему лилась со стороны балкона, но все встало на свои места. Мы неизбежно заговорили об Александре. Программу обмена студентами с Норсентом курировал его отец, и, видимо, северянин чего-то хотел от моего будущего свекра или вообще от обоих Чейсов.

– Ты здесь без него? – с нажимом повторил Ноэль.

– С ним, – вздохнула я, мысленно поклявшись, что теперь точно навсегда разочаруюсь во всех мужчинах, кроме папы, и никому не дам шанса притвориться приличным человеком. – Александр сейчас очень занят.

– Настолько, что не знает о споре? – Его акцент стал заметнее, речь звучала резче.

Перед мысленным взором вновь возник страстный поцелуй под новогодней аркой, омытый дождем из серебристых блесток. Увидела как наяву, во всех красках и подробностях, а ведь только-только удалось изгнать образ из сознания!

– Полагаю, он знает, – сухо вымолвила я.

– И твоему *сопроводителю* плевать, что парни спорят на деньги, кто из них этим вечером... – Ноэль запнулся, словно подбирал слова помягче, – соблазнит девушку, с которой он обручен?

До меня мгновенно дошел смысл сказанного, но от замешательства на некоторое время пропал дар речи. Даже к лучшему, ведь ответить вежливо все равно не удалось бы. Однажды Алекс заявил, что не собирается со мной нянчиться, и эти годы именно так он поступал, демонстрируя потрясающую верность собственному слову. Даже сегодня предпочел устроить собственное представление для взрослых, нежели остановить абсурдный спор.

Мама говорила, что в любой ситуации леди следует красиво улыбаться, но у меня теория вечно расходилась с практикой. Фальшивая улыбка красивой не удавалась. Вот и сейчас криво растянула губы, легла, как пристроченная.

– Сколько сегодня за меня дают?

– Сорок динаров, – не моргнув глазом, ответил Ноэль.

– Оказывается, я дорого стою, – мрачно пошутила я. – Говорят, на других ставки были поменьше.

Неожиданно стало ясно, что мы замерли на месте и мешали остальным парам перемещаться по танцевальной площадке. Ладонь Ноэля по-прежнему лежала на моей спине, я все еще цеплялась за его широкое крепкое плечо и чувствовала под пальцами гладкую дорожную ткань сюртука. Следовало расцепить руки, отойти на шаг, но ни один из нас не пошевелился.

– И что, Ноэль Коэн, ты решил победить в этом споре?

– Нет.

– Вера не позволяет быть азартным? – съязвила я, хотя нападать на северянина было сродни тому, как рубить голову гонцу с дурной вестью. В общем, ужасно глупо.

– Я не делаю ставок на девушек, – спокойно ответил он.

– Если ты проходишь мимо, то для чего вмешался? – спросила я. – Не то чтобы я не могла сама за себя постоять, просто любопытно.

Он что-то ответил на родном языке, однако использовал совершенно незнакомые речевые обороты. Вообще-то, в Норсенте существовало около десяти разных диалектов, слишком много для небольшого полуострова, но нам преподавали лишь тот, на котором говорила королевская семья, простой и текучий. Это никак не мешало мне говорить с чудовищным акцентом и пропускать половину предлогов.

– Переведи, – потребовала я.

– Не выношу, когда унижают принцесс.

– Ты ведь сказал что-то другое, – не поверила я.

– Если не уверена, то стоит попытаться и выяснить, – не стал отпираться он, но и не подтвердил догадку.

– Мне не настолько интересно, чтобы бежать за словарем.

Мы пытливо смотрели в глаза и, наверное, со стороны напоминали Алекса с той стипендиаткой. Оставалось разве что качнуться навстречу.

Музыка между тем неохотно заканчивалась: сначала долго стихала, потом ударила последними звенящими нотами, и наступила тишина. Разом вспыхнули магические лампы, на свечах, украшающих новогоднее дерево, вытянулись иллюзорные язычки пламени.

– Спасибо за танец. – Ноэль опустил руки и отступил.

Мы сухо попрощались, и я даже успела промаршировать к выходу, когда в сознании всплыла четкая и острая мысль. Обычно на людях Алекс старался вести себя осмотрительно, и я терпеливо ждала, когда он осознает, как сильно во мне нуждался. Похоже, он больше не хотел стараться, а меня до смерти задрало ждать.

Я окинула шумный зал быстрым взглядом, пытаюсь в толпе отыскать фигуру в коричневом сюртуке. Ноэль успел исчезнуть из поля зрения, и его пришлось искать. Недолго, правда. Компания северян обнаружилась возле злосчастной новогодней арки. Вообще, их было сложно не заметить: все как на подбор – высокого роста, атлетически сложенные и одеты пусть дорого, но не по здешней моде. Еще они обладали особенным талантом, находясь в шумной толпе, подчеркнуто держаться особняком.

Ноэль заметил меня издалека и, не выпуская из вида, наблюдал за решительным возвращением. Знаю, что некоторые тушуются под чужим пристальным взглядом, не понимают, куда деть руки, и в коленях будто появляются шарниры, но в меня с детства вбили умение гордо нести себя миру. Наверное, со стороны выглядело так, будто пигалица-блондинка вдруг снизошла до нежеланных на балу гостей из Норсента.

– Добрый вечер, – чопорно поздоровалась я. Оставалось только книксен сделать. Уверена, учитель этикета пришел бы в полный восторг от идеальных манер, но Ноэль с друзьями не особенно оценили. Снижать градус неловкости он не торопился. Наоборот, вопросительно изогнул бровь, не понимая, что, собственно, мне понадобилось.

– Мы можем поговорить? – Я окинула его друзей-здоровяков быстрым взглядом. – Вдвоем.

Остаться наедине в грохочущем музыкой, смехом и голосами коридоре было невозможно, мы просто отошли к слепому окну. В стеклах отражался свет, а теперь и наши фигуры, чуточку размытые, похожие на призраки и как будто не совсем реальные.

Неожиданно вспомнился декабрьский вечер, когда в Ос-Арэте наконец-то пошел первый снег. Тогда в пустом коридоре сквозь полуслепое окно мы с Ноэлем следили за плавным падением белых хлопьев, напоминающих перья из ангельских крыльев. Точнее, я

следила за долгожданным снегопадом, призванным укрыть обнаженную и незащищенную перед морозами землю, а он, видимо, насмотревшись на снег еще в Норсенте, в оконном отражении смотрел на меня. Изучал так пристально и сосредоточенно, что становилось неловко. Просто тот случай затерся в памяти суетой экзаменационной декады.

– Можешь поставить полог? – попросила я.

Секундой позже мы словно оказались в глухой закрытой комнате с прозрачными стенами.

– Говори, – кивнул Ноэль.

– Давай ты соблазнишь меня...

Лицо северянина окаменело, но на горле нервно дернулся кадык. Наверное, такую реакцию можно было считать нечеловеческим удивлением.

– Не по-настоящему, конечно! – быстро оговорила я и, неизбежно начиная краснеть, коротко рассказала план: – Просто притворимся. Ты меня... кхм... поцелуешь. Мы заберем деньги и поделим пополам.

– На булавки не хватает, принцесса? – как-то слишком нехорошо для хорошей затеи усмехнулся Ноэль.

– Булавки нынче очень дорогие, – согласилась я. – Так что скажешь?

– Нет, – без тени сомнений отказался он от чести стать первым мужчиной, который меня поцелует.

За двадцать динаров, прошу заметить! По-моему, весьма достойное предложение.

– Почему? Боишься последствий? Не хочешь связываться со мной из-за Алекса Чейса? Тебе не нравлюсь именно я? Даже за деньги?! – выпалила вопросы на одном дыхании.

– Нет, – снова повторил Ноэль, стараясь подавить ироничную улыбку. Точно ироничную! Она отражалась в светло-карих глазах.

– Господи, ты всегда такой многословный?

– Я не волнуюсь из-за последствий, и мне точно нет дела до твоего парня, – мирно пояснил он, нарочито избегая называть Алекса тем, кем он являлся на самом деле: паршивым женихом из поучительной сказки для юных девушек, не умеющих держать фантазии в узде. – А ты?

– Я осознаю последствия этого предложения и готова к ним, – стараясь говорить спокойно, ведь размеренность придавала словам вес, произнесла я. – Понимаю, что люди будут судачить, но в Ос-Арэте все время о ком-нибудь злословят. Сплетней больше, сплетней меньше. Через неделю начнутся каникулы, а после них случится какой-нибудь грандиозный скандал и о новогоднем бале вообще никто не вспомнит. Что до Алекса – он никак не отреагирует. У нас... партнерские отношения.

Все-таки выбор слов имеет значение! Как ловко удалось описать то, что жениху на меня начхать, не прикрываясь батистовым платочком.

– Но ты все равно очень хочешь досадить этому своему партнеру, – сделал совершенно правильный вывод Ноэль.

Я уже упоминала, что он казался старше меня не на три года, а на две жизни? Наверняка на северном полуострове души людей хранили в глиняных горшках, а потом раздавали новорожденным со всем багажом знаний. Конечно, никогда о таком не слышала, но другого объяснения с лету придумать не удалось.

– Дело даже не в Алексее... Я бешусь от одной мысли, что кто-то посмел на меня сделать ставку! Если не отберу у них все деньги, то взорвусь от злости. Я имею право на моральную компенсацию! – нахально заявила я, а потом, чтобы быть справедливой, добавила с меньшим пафосом: – Хотя ты прав, Алексу тоже хочется досадить.

– Убедила, – совершенно неожиданно сдался Ноэль.

Полог спал, нас вновь обступили звуки праздника.

– Кстати, – понизив голос и приблизившись к нему на шаг, вымолвила я заговорщицким тоном, – если нужны доказательства, то мы можем подняться к тебе в общежитие. Или я отдам ключ от своей комнаты в пансионе. Этого ведь будет достаточно?

– Как ты попадешь домой без ключа? – кажется, искренне заинтересовался Ноэль.

– У меня есть запасной.

– Да ты все продумала! – издевательски протянул он.

– Пойдем под арку? – кивнула я в сторону пустующей новогодней арки.

Вообще-то, по традиции считалось, что она исполняла желания. Если встать под еловые ветви и душевно попросить высшие силы

помочь, то в течение года загаданное обязательно случилось. Или нет, как обычно происходило у меня. Возможно, стоило пожелать что-то другое, а не традиционное «хочу, чтобы Алекс в меня влюбился».

– Зачем? – вопросом на вопрос ответил Ноэль.

– Там нас все увидят.

– Здесь тоже неплохо видно.

Без предупреждений самоуверенным жестом он взял меня за подбородок и заставил поднять голову. Онемев от паники, я зажмурилась, невольно сжала кулаки. В голове пронеслась испуганная мысль, что прямо сейчас меня впервые поцелует мужчина! Из обычного человека я превратилась в звонкую натянутую струну, приготовилась к поцелую... Но ничего не произошло.

Я открыла глаза. Ноэль с интересом разглядывал мое пылающее лицо.

– Ты будешь что-нибудь делать или я поехала домой?

– Расслабься, принцесса, – улыбнулся он и в следующий момент прижался приоткрытыми мягкими губами к моему напряженному рту.

Короткий поцелуй, длившийся не больше пары секунд, показался таким самоуверенным, что у меня перехватило дыхание и споткнулось сердце – все сразу. Напоследок Ноэль, дразня, провел кончиком языка по моим по-прежнему сжатым губам, словно запечатывая их для чужих поцелуев, и отстранился.

Сама не понимаю, отчего испытывала такое потрясение и смущение. Щеки пылали, губы горели, будто их натерли жгучим перцем. Сердце колотилось, как взбесившееся, а в такт ему в голове стучала дурацкая мысль, что у меня случился первый в жизни поцелуй.

Не с Алексом Чейсом.

За деньги.

Проклятие!

– Эй? – тихо позвал Ноэль, заглядывая мне в лицо.

– Все отлично! – выпалила я и, освобождаясь, аккуратно отвела его руку. – Ты очень хорошо целуешься.

– Находишь? – усмехнулся он.

Господи, что я несу? Интересно, я теперь всегда буду лепетать чушь после поцелуев с мужчиной или можно надеяться, что это временное помутнение рассудка, вызванное неопытностью?

– Давай отдам тебе ключ от пансиона, – быстро проговорила я. – В смысле, от комнаты в пансионе.

– Решила ко мне не подниматься? – любезно уточнил он.

– Пожалуй, ограничимся ключом.

Стараясь не встречаться с ним взглядом, я полезла в болтающуюся на золотой цепочке бальную сумочку и принялась в ней ковыряться, пытаюсь вытащить из-под девчачьей ерунды резной ключ.

– Чарли...

Неожиданно большая теплая ладонь накрыла мои нервные руки, вынуждая прекратить суетливое копошение. Я подняла голову, наверняка пунцовой физиономией сливаясь с красной портьерой на окне.

– Что?

– Не торопись, – попросил Ноэль. – Хочешь что-нибудь?

Еще немножечко поцелуев. От души благодарю.

Честное слово, когда он спрашивал, настойчиво и будто бы заботливо, так сильно хотелось... предложить второй акт, что я предпочла вообще не открывать рот и многозначительно промолчать. «Многозначительно», естественно, только у себя в голове.

– Отвратительный пунш, кислую воду с лимоном, – принялся перечислять он, – бренди, карету и тихо сбежать домой?

Удивительно, но от дружеского подтрунивания нервозность как рукой сняло.

– Вода с лимоном была бы кстати, – послала облегченную улыбку.

– Хорошо, – кивнул он. – Подождешь меня минуту?

– Конечно.

Невольно я проследила за Ноэлем, направляющимся в сторону столовой, где были накрыты столы с угощениями и напитками. Он двигался свободно и уверенно, вынуждал людей расступаться, а не лавировал в толпе, пытаюсь избежать столкновения. В этом они с Алексом даже были похожи.

Мысль о женихе так неприятно резанула, что я вернулась в реальность и наконец ощутила обступающие со всех сторон любопытные взгляды. Северяне тоже посматривали. Вдруг один из парней, блондин с выбритыми висками, отсалютовал маленькой кожаной фляжкой и, не сводя с меня оценивающего взгляда, сделал глоток.

Ноэль прав: необязательно забираться под новогоднюю арку, чтобы оказаться в центре внимания. Уверена, что без лишних плясок и обмена ключами вся академия решит, будто меня удалось соблазнить ровнехонько в коридоре за красной портьерой. Или в сплетнях окажется, что мы соблюли приличия и закрылись в кабинете высшей магии, где творили разные бесчинства, помимо самой высшей магии. Наверняка обнаружатся свидетели соращения, своими глазами разврата не видевшие, но слышавшие подробности от кого-нибудь честного и достойного всяческого доверия.

Осознавая, что была о себе слишком хорошего мнения, когда считала, будто способна пережить последствия публичного лобзания с северянином, я поступила как настоящая девчонка: на минуточку решительно сбежала в дамскую комнату. Правда, в женском убежище, куда уходили, чтобы избавиться от бардака на голове и в голове, оказалось едва ли не многолюднее, чем в коридоре. Чужие разговоры очищающей мысли медитации ничуть не способствовали.

С независимым видом я подошла к длинной каменной столешнице с десятком небольших углублений-раковин. Стянула надоевшие перчатки, опустила руки в чашу, немедленно наполнившуюся чуть тепленькой водой. Под прозрачной толщей на запястье издевательски ярко светилась обручальная нить...

– Тэйр! – позвала меня одна из однокурсниц.

С баночкой карминового блеска в руках она смотрела на меня через отражение в зеркале. Накрашена у нее была только нижняя губа.

– Что? – спросила я и убрала руки из чаши, отчего та начала стремительно пустеть.

– Слышала, Алекс Чейс целовался со стипендиаткой.

– Завидуешь?

– А должна? – дерзко ответила она.

– Не знаю, – пожала плечами. – Ты мне скажи.

С презрительным видом я схватила с каменной столешницы намокшие перчатки, вышла из уборной и обнаружила у противоположной стены Ноэля, сложившего руки на груди. Было очевидно, что вряд ли он дожидался, когда дамская комната освободится от – так сказать – дам, чтобы нырнуть в кабинку.

Я пересекла коридор и остановилась на расстоянии вытянутой руки, не вторгаясь в его личное пространство и не позволяя нарушить

свое.

– Ты меня не дождалась, – резюмировал Ноэль.

– И теперь ты меня преследуешь?

Понятия не имею, почему из сумятицы мыслей выловила самую странную.

– Это было бы по-настоящему жутко, принцесса, – отозвался он, вновь перейдя на насмешливый тон, и протянул на ладони кожаный кошель с перевязанной шнурком горловиной. – Держи.

Я оглянулась через плечо, проверяя, не таращатся ли на нас, но коридор на удивление был пуст, а дверь дамской комнаты не шелохнулась.

– Что это?

– Твоя моральная компенсация, – пояснил Ноэль. – Парни решили, что были неправы, когда сделали ставки, и просто отдали тебе всю сумму.

– Ты у них отобрал, что ли?!

– Решил, на сегодня с тебя достаточно потрясений, – ловко уклонившись от объяснений, сказал он.

– Оставь их себе, – после паузы предложила я.

– То есть ты уже досадила жениху. Цель достигнута?

Впервые используя слово «жених», Ноэль бросил остро-режущий взгляд на мою руку с серебряной нитью, и я подавила дурацкое желание сцепить пальцы за спиной или же нехитро натянуть промокшие перчатки.

– Просто мы с тобой договорились их поделить. Я отдаю свою часть... – беспомощно попыталась оправдаться.

– Не знаю, как у шай-эрцев, принцесса, у нас чаевые принято оставлять только лакеям и подавальщикам, а я себя ни к тем, ни к другим не причисляю. – Он вложил тяжелый кошелек мне в руку. – Купи своему жениху какой-нибудь дорогой подарок. Не знаю... коробку галькоу? Счастливой смены времен.

Его слова беспрерывно крутились в голове, когда я возвращалась в пансион в карете Алекса, между делом «забыв» самого Алекса в замке. В середине осени перед магическим турниром я привезла из столицы коробку шариков галькоу, редкого природного энергетика. Снадобье стоило баснословных денег, способных даже маму, потомственную транжиру, привести в нервный трепет, но жених

прилюдно отказался от подарка, и коробка в сердцах полетела в мусорную корзину на глазах у команды по боевой магии.

Услышать из уст северянина намеков на обидный эпизод оказалось неожиданно неприятным. Разозлившись, я швырнула кошель на подоконник, но на полпути к выходу – в смысле, через жалкий десяток шагов – во мне проснулся куркуль. Я вернулась и забрала деньги, решив все, вплоть до последнего сантима, отдать на благотворительность. Зря, что ли, продала первый поцелуй? Но пока туда-сюда металась за динарами, умудрилась посеять бальные перчатки и на себе проверила пословицу, утверждающую, что золотые монеты даже в трескучий мороз греют озябшие руки. Ничего подобного! Народные изречения врут хуже анекдотических небылиц.

Ночью я снова в самых причудливых формах переживала события, случившиеся на празднике. Мы с Ноэлем, одетые в исподнее, целовались посреди пустой танцевальной площадки. Неожиданно из-за праздничной ели выскочил Алекс с горящими ревностью глазами и желанием свернуть северянину шею. Мне, наверное, тоже. Однако узнать, чем закончилось дело, не удалось. Из реальности в замечательный сон проник насквозь простуженный, но смутно знакомый женский голос:

– Чарли Тэйр, немедленно поднимайся!

Следом с меня сдернули одеяло.

– Я проспала экзамен?!

В панике я подскочила на кровати, как-то разом вспомнила, что экзамен по северному диалекту только в понедельник, и наконец обнаружила Зою Терри, застывшую в изножье кровати.

Как истинная отличница факультета бытовой магии до Нового года подруга успела абсолютно все: успешно закрыть экзаменационную декаду, смотаться с однокурсницами на каток и подхватить горловую жабу, из-за которой и пропустила вчерашнее веселье. Кудри у Зои торчали в разные стороны, горло было перемотано платком в цветочек, а руки воинственно уперты в бока. Для больной, еще вчера порывавшейся написать завещание на конспекты по теории заклятий, она выглядела исключительно живенько.

– Кто ты, восставший после лихорадки демон, и куда ты дел мою любимую подругу? – недовольно буркнула я.

– То есть, Чарли Тэйр, ты не отрицаешь, что мы подруги? – Голос у нее скрипел, как несмазанные шестерни. Хотя, пожалуй, даже хуже.

– Если за сегодняшнее утро ничего не поменялось, – согласилась я.

– Тогда почему я узнаю от Хлои, что вчера ты целовалась с умопомрачительным северянином?!

– Кто такая Хлоя? – Я моргнула, хотя больше заинтересовалась тем, каким образом подруга на одном дыхании произнесла слово «умопомрачительный» и не оговорила.

– С кем именно из северян ты целовалась, вопроса не возникает? – прищурилась она и указала в меня пальцем: – Из чего я делаю вывод, что это правда!

– Господи, да ты по утрам гений дедукции! – растирая лицо ладонями, проворчала я.

Официально заявляю, что подобные разговоры с человеком, пережившим резкое пробуждение, следует приравнять к жестоким преступлениям.

– Я в гневе, что грандиозную новость принесли какие-то академические сплетницы, заглянувшие к нам на завтрак! – возмущалась Зои, рискуя сорвать едва-едва обретенный голос. – Что тебе помешало рассказать об этом вчера ночью?

– Ты спала, – напомнила я.

– А сегодня утром? У тебя было целое утро!

– Спала я.

– Справедливо, – поутихла подруга.

Неожиданно в комнату заглянула Вербена Вествуд, черноволосая, остроглазая студентка из комнаты в конце коридора.

– Зои, ты почему не в кровати? – строгим голосом спросила она и тут же без особых церемоний обратилась ко мне: – Так что, Чарли, у тебя роман с горячим северянином?

– Нет! – открестилась я от любых романтических притязаний. – Мы просто...

Взгляд невольно упал на секретер, где на стопке учебников и словарей лежал кожаный кошелек, полный золотых динаров.

– Они просто целовались на глазах у половины Ос-Арэта, – просипела Зои.

– А я-то надеялась, что он познакомит нас со своими приятелями и мы устроим тройное свидание. – Вербена печально вздохнула и указала Зои: – Отправляйся в кровать и прими настойку, которую я тебе вчера принесла!

Вообще-то, она училась на зверомага и лучше всего разбиралась в лечении домашних химер и крупного рогатого скота (в прямом смысле слова, а не парней). Однако в прошлом году ей каким-то чудом удалось избавить мадам Прудо от приступа подагры, и Вербена уверовала в собственные силы... С тех пор мы боялись даже чихать, чтобы случайно не навлечь на свою голову и прочие здоровые части тела целительницу животных с неумным энтузиазмом самопальной знахарки.

– Целитель запретил мне пить непроверенные самодельные снадобья, – соврала Зои исключительно из чувства самосохранения. – Сказал, у меня очень слабое здоровье.

– Какое же оно непроверенное? – оскорбилась Вербена. – Оно на мадам Прудо проверено! И, между прочим, спасло ее...

Хотелось добавить «спасибо, господи боже», но из чувства справедливости и чуточку от беспокойства за здоровье Зои я напомнила:

– Спасло от приступа подагры.

– Моя настойка помогает от всех болезней! – отрезала создательница подозрительного снадобья.

– Она ее втирала в ногу!

– Вот и Зои пусть вотрет! – сердито велела она. – Снаружи!

– Ты сказала пить, – жалобно просипела несчастная больная, испуганно схватившись за перевязанное горло.

– Перепутала... С целителями такое иногда случается. – Вербена пожала плечами, скрылась в коридоре и оттуда крикнула: – Зои Терри, отправляйся в постель!

Та действительно решила вернуться к себе и даже предприняла отчаянную попытку выйти за дверь, но не пожалела остатков голоса и объявила:

– Я так тобой горжусь, Чарли!

– За публичный поцелуй? – усомнилась я.

– За то, что он был не с Алексом Чейсом! Надеюсь, теперь этот твой же-ни-шок будет кусать локти!

В прошлом году Зои посещала собрания клуба брошенных невест, хотя сама ни разу в жизни ни с кем не встречалась. Через пару недель она с умным видом заявила, что в Алекса я влюблена только по привычке. Раз чувства ненастоящие, то боль от них тоже фантомная. Мне искренне нравилась теория, но она не объяснила, почему от фальшивой боли с души воротило ничуть не меньше, чем от реальной.

После нашествия любопытных подружек спать расхотелось. Я обвела комнату унылым взглядом. В спальне царил настоящий бардак: бальное платье свисало со спинки плюшевого кресла и совершенно не гармонировало с бутылочно-зеленым цветом обивки. Туфли валялись на сером шерстяном ковре, шелковые чулки растянулись тут же. Один был прилично, вернее, неприлично погрызен...

– Прикончу, сволочь! – выругалась я на домовика, вскочила с кровати, но в домашние туфли ногами не попала, а встала на ледяной пол. – Тварь ты блохастая!

Справедливо говоря, к домашним духам, умеющим принимать вид всевозможной мелкой живности, блохи не прилипали, но в детстве именно так нянюшка называла матушкину химеру, на пару лет застрявшую в форме визгливого пуделя. Сейчас я знала бранные словечки позабористее, а в то время ругательство «тварь блохастая» казалось самым грязным из всех возможных.

Потом химера превратилась в беззубую змею и уползла. Все были в шоке: избавиться от разноликой домашней зверюшки было весьма проблематично, но с моей родительницей не смогла жить даже магическая тварь. Когда мама начинала вычитывать мораль, мне тоже хотелось превратиться во что-нибудь юркое и уползти.

Ругаясь сквозь зубы, я опустила на колени и глянула под кровать. На тапочках сидел облезлый дымчатый кот с круглыми, совсем не кошачьими ушами и недобро щурил единственный желтый глаз (второй был затянут бельмом). По-крысиному голый хвост нервно ходил туда-сюда. Казалось, домовик никак не мог решить, кем хотел обратиться: кошкой или мышкой, а потому выбрал нечто среднее. В общем, уши были чудны, а хвост – ужасен.

– Отдай тапки, паршивец! – буркнула я.

Кот широко раскрыл пасть, продемонстрировав единственный верхний клык, и зашипел. Абсолютно беззвучно. Материальную

форму духи принимать умели, но с музыкальным сопровождением возникала загвоздка: они все были немые как рыбы.

– То есть не отдашь? Тогда... подавись!

Связываться с нечистью себе дороже. Разозлится и прольет чернила на какой-нибудь очень нужный учебник! Я поднялась с колен, отряхнула ладони и босиком пошлепала в ванную.

– Только платью не дери! – прежде чем закрыться, попросила у домовика. – Вернусь и уберу его в шкаф!

Ножки стульев в моей комнате давным-давно были оплетены красными нитями и даже завязаны бантиками для красоты. Нормальной нечистью этот жест принимался за искреннее извинение жильца, но у нас дух был с характером. В смысле, с придурью. Постоянно являл лик страшного крысокота, что-нибудь в назидание портил и плевать хотел, что горничные по выходным не проводили уборку. Полагаю, домовик давно впал в старческий маразм, особняку-то почти полвека!

Все спальни здесь были обставлены одинаково и без излишнего изыска: добротная мебель, ширма, однотонные обивки. В особенно сильные морозы теплые жилы в старых стенах начинали стывать, становилось прохладно, как сейчас, но зато в просторных комнатах имелись отдельные ванны, а у меня еще был камин с чугунной решеткой и кочергой.

Иногда, когда Алекс выкидывал какой-нибудь фортель, а его отец с приторной улыбкой напоминал, что невеста обязана принимать, прощать и прикрывать причуды взбрыкнувшего жениха, я в красках представляла, как этой замечательной кочергой колочу фамильный сервиз в родовом поместье Чейсов. Упоительная фантазия!

Приведя себя в порядок и убрав платью в стенной шкаф, я спустилась вниз. Оказалось, что сплетни о моих вчерашних приключениях взбудоражили весь пансион. Наверное, до мадам Прудо тоже дошли, но она не успела спуститься с третьего этажа и призвать меня к ответу. Даже повариха, принесшая в давно опустевшую столовую завтрак, поглядывала с хитрецей, словно ждала, когда между овсяной кашей и черным кофе с сырным гренком я расскажу пикантные подробности о прилюдном лобзании. А в большой гостиной немедленно наступила восторженная тишина, стоило пройти мимо распахнутых настежь двустворчатых дверей. Самое интересное,

что ни одна из соседок, кроме Зои, само собой, не училась в Ос-Арэте, но все были в курсе последних сплетен академии, словно учились.

– Не стесняйтесь, продолжайте! – поднимаясь к себе, крикнула с лестницы. – Мне уже ничего не слышно!

Запершись на ключ, я уселась готовиться к экзамену и попыталась отрешиться, так сказать, от мира с полуостровом Норсент в целом и с отдельным северянином в частности, но возникла проблема... Сдавать мне предстояло северный диалект. В общем, я сразу была обречена.

Через полчаса бесполезной зубрежки обнаружилось еще одно своеобразное последствие вчерашнего поцелуя: абсолютно все фразы проговаривались в голове сексуальным мужским голосом с затаенной хрипотцой, принадлежащим Ноэлю Коэну. Может, подруги были не так далеки от истины, когда называли северянина «умопомрачительным»? Прежде я никогда не страдала слуховыми галлюцинациями. Но, главное, голос будил в памяти воспоминания о поцелуе, и из головы мгновенно вытеснялось все несущественное! Экзаменационные темы в том числе.

– Проклятие!

В сердцах отшвырнув карандаш, я откинулась на спинку стула и сердито посмотрела на дурацкий кошель, по-прежнему лежащий на стопке учебников.

– Хорошо! Победил!

Несмотря на адский мороз, я начала собираться в благотворительную будку, стоящую на площади в трех кварталах от пансиона. Конечно, можно было отправить деньги через семейного поверенного, но не хотелось потом отвечать на вопросы мамы, а она непременно нападет в самый неожиданный момент и попытается выяснить, откуда родом такая крупная сумма, если она не была снята с моего счета в королевском монетном дворе.

– Ты куда? – выглянула из-за дверей своей спальни Зои, обязанная лежать в кровати и вдохновенно выздоравливать, а не шататься по особняку и устраивать эпидемию горловой жабы.

– Сейчас вернусь, – бросила я, на ходу застегивая теплое пальто с опушкой.

– Купи мне орешков в соленой обсыпке, – попросила она.

– Тебе нельзя, у тебя горло болит, – натягивая перчатки, напомнила я.

– Тогда джема из крыжовника и бутылочку сиропа из шиповника, – передумала подруга.

– Поможешь подготовиться к экзамену? – немедленно попросила я.

Зои прекрасно говорила на северном диалекте. У нее язык Ноэля Коэна был первым и единственным иностранным, а не четвертым, как у меня.

В жизни не подумала бы, что застряну, не добравшись до конца «золотой пятерки», обязательной для королевских переводчиков, но диалект вставал колом и никак не усваивался.

– Нет, – с милейшей улыбкой покачала она кудрявой головой. – Я болею. Не хочу тебя заразить.

К сожалению, зимой чем ярче солнце, тем крепче морозы. Ужасная дисгармония! Выскакивая на улицу, я подсознательно ожидала весеннего тепла, но нос и щеки, что естественно, обожгло острым холодом. Под ногами хрустел снег, от дыхания шел пар, а от яркости и прозрачности света поначалу темнело в глазах. Удивительно, как успела вытянуть руку и толкнуть кованую калитку, а не войти в нее лбом.

Круглая благотворительная будка была сплошь обклеена объявлениями. На что только люди не собирали деньги! Глаза буквально разбегались. На самом верху даже висела рукописная просьба от театрального городского клуба собрать денег на костюмы для январской постановки. Уголок листа, где после закрытия будки появлялась собранная сумма, оставался девственно-чистым.

– Кому собираетесь жертвовать? – сварливо поглядывая из маленького окошка, спросила сидящая в будке тетушка.

Деньги я разделила между сиротскими приютами, а в дарителях указала имя Ноэля Коэна из выпускного курса академии Ос-Арэт.

Когда забирала расписки с поблескивающими магическими печатями, не удержалась и спросила:

– Тетушка, а что же, театральному клубу никто не жертвует?

– Холодно, – буркнула она. – Люди дома перед каминами сидят, а не по этим разным театрам шастают.

Я вытащила из ридикюля кошелек, достала монетку в пятьдесят сантимов и подвинула пальцем:

– На костюмы. Даритель тот же.

Избавившись от денег, я и впрямь почувствовала себя лучше. На радостях, что теперь думаю только о северном диалекте, а не о парне, на нем говорящем, в продуктовой лавке так засмотрелась на длинноволосого мужчину, чем-то напоминающего Ноэля, что забыла, какой джем попросила купить Зои, и взяла наугад из крыжовника. На морозе память вернулась, и я мысленно поблагодарила бога, что угадала правильно, ведь в вопросах вкусовости подружка превращалась в кармическую сестру Чейса-старшего. В смысле, виртуозно выковыривала мозг чайной ложечкой.

В общем, радовалась я очень сильно. Недолго, правда. Стоило подняться по обледенелым ступенькам особняка и под перезвон колокольчика зайти в холл, как из салона высыпали девчонки во главе с Вербеной.

– Посыльный из академии принес. – Подруга протянула деревянный ящичек с нетронутой сургучной печатью и забрала у меня звякнувший баночками бумажный пакет. – Покажешь, что внутри? Мы умираем от любопытства.

– Уверена, Шарлотте прислали цветы в стеклянном шаре или шоколаде! – с мечтательным видом протянула одна из соседок.

Пока я стягивала перчатки, расстегивала пальто и вскрывала пломбу, они делились предположениями и практически поспорили на деньги, что именно прислали. Внутри лежали мои бальные перчатки, потерянные в коридоре академии. Поверх небрежно бросили сложенный надвое листик белой мелованной бумаги.

«Ты забыла. Не благодари. Н. К.», – было написано твердым мужским почерком. При взгляде на мелкие литеры без красивостей сердце вдруг сильно-сильно ударило в ребра...

– Посыльный уже ушел? – быстро спросила я, сунув ящичек Вербене.

– В кухне размораживается, – кивнула она и с любопытством заглянула под крышку: – Ой, девочки, такое разочарование! Здесь только перчатки.

– Новые?

– Уже поношенные, – донеслось до меня.

Курьер из Ос-Арэта, по всей видимости, студент-первокурсник, прихлебывал из большой дымящейся чашки травяной чай и

отогревался в тепле, ароматно пахнущем мясным бульоном с кореньями.

– Передашь кое-что отправителю? – быстро спросила у парня. – Я оплачу.

Как назло, от невиданных морозов в самописном пере замерзли незамерзающие чернила, так что написать на конверте с расписками о пожертвованиях аккуратно и разборчиво, чтобы не вызвать у получателя ехидной улыбочки, конечно, не удалось. «Ты теперь благодетель. Не благодари. Ч. Т.», – кое-как накарябала я и вручила посыльному вместе с мелкой монеткой.

Казалось, Ноэль должен был прислать какую-нибудь записку в ответ на нахальное послание, но он промолчал.

В понедельник утром я встала спокойная, сосредоточенная и полностью готовая не посрамить уважаемый род королевских послов Тэйр дополнительной пересдачей никому, кроме северян, не нужного диалекта. Боевому настрою безусловно способствовала выпитая настойка боярышника. Еще от нее же чуточку гудела голова. Наверное, пятая порция в три часа ночи оказалась лишней. Зато я почти не дрогнула, когда засветилась золотистым цветом почтовая шкатулка, принявшая с утра пораньше послание.

В неурочное время, когда за окном еще разливалась темнота и до рассвета оставалось не меньше получаса, писать могла только мама. У нее-то, в восточном королевстве Эл-Бланс, куда полтора года назад его величество отправил отца королевским посланцем, уже прошел второй завтрак, а значит, наступило время рассылать письма. В первую очередь дорогой дочери, наверняка не способной выжить без материнского наставления. Не удивлюсь, если мама, находясь в трех порталных переходах от Ос-Арэта, уже успела узнать о пятничном бале...

Без особого желания я откинула крышку шкатулки. На устланном алой тканью дне покоился черный бархатный конверт с гербом нашей семьи. Внутри лежал ровный квадрат письма, педантично скрепленный свежей сургучной печатью. Мама всегда отправляла послания по всем правилам, словно им предстояло преодолеть путь в пару месяцев, а не в пару секунд. Почерк у нее был каллиграфический. Понятия не имею, сколько ей в детстве пришлось попортить писчей бумаги, чтобы добиться такой ровности литер, но мне сидение над

прописью не помогло. Я писала разборчиво, но до идеала, по мнению матушки, конечно, не дотягивала.

«Наша любимая дочь! – Она всегда начинала с большим пафосом. – Мы с твоим отцом желаем тебе удачи на сегодняшнем экзамене!»

Конец. Если родительница пожелала удачи, то бог громко расхохотался и сделал так, чтобы только удача могла спасти меня от провала. Как правило, не спасала.

Откровенно сказать, у меня имелась личная дурная примета: день, начинающийся с послания от мамы – не важно, что именно в нем было написано, возможно, просто рассказано о тропических ливнях Эл-Бланса, – обязательно шел наперекосьяк. Примета действовала всегда, даже если письмо проигнорировать.

– Мне конец.

С обреченным вздохом сложив страничку, я сунула в кожаный портфель конспекты и, заперев комнату, спустилась вниз. В холле возле двери, словно его не пустили в гостиную и заставили отираться у порога, с равнодушным видом стоял Алекс.

Он разглядывал черно-белые ромбы на полу у себя под ногами. Из-под дорогого кашемирового пальто был виден форменный пиджак. Услышав шаги на скрипучей деревянной лестнице, неожиданный визитер поднял голову и одарил меня колючим взглядом.

Внезапно я поняла, что за выходные ни разу о нем не вспомнила. Даже не задалась вопросом, как он добрался пятничной ночью до поместья. И эта мысль изумила сильнее, чем его появление с утра пораньше в пансионе мадам Прудо.

Вцепившись в перила, я остановилась на ступеньках и резковато спросила:

– Что ты здесь делаешь?

– Доброе утро, Шарлотта, – в ответ очень вежливо поздоровался он.

– Ах, да... Здравствуй, Александр, – кивнула я, отдавая дань манерам. – Почему ты здесь?

Если он был удивлен приемом, то вида не подал и спокойно объяснил:

– Ехал в академию на тренировку и подумал, что стоит тебя подвезти на экзамен. На улице очень холодно.

Только Чейс-старший был способен заставить сына сделать крюк, чтобы забрать невесту из дома и не обмороженной довести до академии.

– Твой отец приехал в город? – вырвалось у меня.

– Писал, что будет в среду.

С большим недоверием я нахмурилась. Он же не решил выбросить меня на подъеме к Ос-Арэту, чтобы продемонстрировать, каково было добираться по морозу из академии в поместье?

– Шевелись, Шарлотта! Иначе опоздаешь, – привычно-недовольным тоном скомандовал Алекс и открыл входную дверь.

Под истеричный звон колокольчика в холл хлынул сквозняк и пахло ледяным холодом. Действительно, стоило поторопиться, чтобы не выстудить первый этаж. Иначе разозлится не только домовик, маниакально любящий тепло, но и все жилички старого особняка.

– Ладно, – кивнула я, быстро сбегая по лестнице. – Спасибо, что заехал.

Мы ехали в принужденном молчании, глядя на светлеющий город в разные окна. Оставив позади проснувшиеся улицы, экипаж повернул под указатель в сторону замка Ос-Арэт и начал подниматься в гору. Если бы Алекс захотел меня высадить, то пришлось бы по холоду, глотая ледяной ветер, добрые полчаса карабкаться вверх по заснеженной дороге... Зато точно не замерзнешь. Наверное, даже согреешься.

– Слышал, Шарлотта, что ты хорошо провела время в пятницу, – вдруг в тишине, разбавленной лишь стуком колес, сухо вымолвил Алекс.

Внутри екнуло. Он *поэтому* сегодня явился? Решил обсудить бал?

Я медленно повернула голову. С непроницаемым видом он продолжал смотреть в почти замерзшее окно, словно действительно мог в нем что-то разглядеть.

– А я *видела*, как ты чудесно проводил время в пятницу, – парировала в ответ.

Алекс повернулся. В седых предрассветных сумерках замкнутое лицо терялось в тени.

– И как, Шарлотта, тебе понравилось целоваться с северянином? – с ледяной интонацией вымолвил он.

– Да, – не отводя взгляда, спокойно ответила я. – Сравнить, конечно, не с чем, но, по-моему, было очень неплохо... А тебе понравилось с той девушкой? Не запомнила, как ее зовут.

В синих глазах собеседника появилось напряжение. На лице заходили желваки. Держать драматически длинные паузы мне никогда не хватало характера.

Молчание я прервала первой. Говорила без издевки, но, полагаю, Алекс посчитал иначе:

– Не стоило упоминать ее? Не злись. Это от удивления, что ты заговорил о Ноэле.

– Ты называешь его по имени? – Губы жениха дернулись в нехорошей усмешке.

– А ты предполагал, что я обращаюсь к нему «северянин»? – сыронизировала я. – Кстати, как ты добрался до дома?

– Как видишь, благополучно, – отрывисто бросил он и вновь отвернулся к окну, за которым уже тянулась замковая стена Ос-Арэта.

Момент, когда карета вкатила в раскрытые ворота академии, можно назвать историческим в жизни Шарлотты Марии Тэйр! Внезапно пришло осознание, что за эти бесконечные выходные меня перестала трогать реакция собственного жениха на наш поцелуй с Ноэлем. Что мне до его эмоций? Я в своих-то полностью запуталась.

Жизнь в академии начиналась рано, а во время экзаменационной декады вообще не останавливалась. Над площадью перед главным входом уже погасла вспыхивающая с наступлением темноты световая сеть, на парадной лестнице под колпаками из мутной слюды медленно угасали магические огни. Сновали студенты, громыхали частные экипажи и академические омнибусы, курсирующие между замком и городом.

Экипаж остановился. Кучер услужливо открыл дверь, впустив в согретый заклятием салон холод и грохот площади.

– Хорошего дня, Алекс, – по привычке пожелала я и, подхватив с сиденья портфель, выбралась на мостовую.

– Шарлотта! – вдруг позвал он.

Я обернулась:

– Что?

– Как, по-твоему, я должен... Нет, ничего. – Словно его задерживали насильно, он поморщился и помахал рукой, то ли

предлагая мне отправляться на экзамен, то ли требуя от кучера поторопиться и отвезти его в восточное крыло, где находились залы для атлетических и магических тренировок.

– И тебе удачи на экзамене, Алекс, – не удержалась от шпильки.

– У меня нет сегодня экзаменов, – отозвался он.

– Знаю.

На мгновение мы встретились глазами. Разрывая зрительный контакт, я развернулась и пошагала к парадным дверям. Стрелки больших круглых часов на башне факультета бытовой магии приближались к восьми утра, и замок приготовился к трубному громогласному бою, частенько слышному даже у подножия горы.

Входя в огромный холл с высоченным потолком, я ждала тех самых последствий, о которых говорил Ноэль. Мысленно представляла, как народ, разом замолчав, резко повернется и начнет восторженно шептаться, со всей страстью осуждая прилюдные лобзания. В реальности на меня никто не обратил внимания, не заметил появления и даже не обернулся. Видимо, за выходные новость перестала быть горячей и все о ней думать забыли.

Даже в гардеробной, любимом месте для встреч академических сплетников, куда пришлось заглянуть, чтобы отдать пальто заботам замковых домовых, до меня никому не было никакого дела. Облегчение, правда, долго испытывать не пришлось. Когда я поднялась по лестнице, устланной зеленым ковром, меня бесцеремонно окликнули:

– Тэйр!

Невольно оглянулась, хотя следовало бы не заметить крика. Возле перил стояла компания незнакомых парней в форменных пиджаках с гербом факультета высшей магии на нагрудном кармане.

– Подойди, – повелительным кивком скомандовали мне. Хорошо, не щелкнули пальцами, как подавальщице из придорожной таверны.

Выгнув бровь, я изобразила крайнюю степень недоумения, которое действительно испытывала, и развернулась, намереваясь прибавить шаг, чтобы не опоздать на экзамен.

– Шарлотта! Да постой ты! – Неожиданно один из представителей «цвета факультета высшей магии» вспомнил мое имя и обрел подвижность, на удивление ловко догнав, перегнав и даже преградив путь.

– Говори, – сдалась я. – Только быстро. У меня через десять минут начинается экзамен.

– Извини. – Он старательно отводил взгляд, смотрел то над моим плечом, то в пол. – За спор. Мы были неправы, что оскорбили тебя.

– Еще как неправы! – на всякий случай согласилась я и, хоть внешне оставалась высокомерно-насмешливой, даже руки на груди скрестила, но мысленно присвистнула. – Если вы решили коллективно извиниться, чтобы получить обратно деньги, то поздно. Ничего не выйдет – они уже потрачены.

– Нет-нет! – Парень вдруг страшно испугался. – Деньги ни при чем! Просто это... скажи ему, что мы искренне извинились и ты простила.

– Кому ему? – не поняла я. – Чейсу?

– При чем здесь Чейс? – теперь уже озадачился он. – Я о Коэне.

Парень быстро оглянулся назад, словно боялся, что Ноэль появится в коридоре, как проклятый колдун, чье имя не следовало упоминать всуе, чтобы не накликать беды.

– Ноэлю Коэну? – на всякий случай уточнила я. Вдруг в академии учится его однофамилец, ввергший в шок золотую молодежь? Но представитель этой вечно скучающей касты утвердительно кивнул.

– Кхм... – глубокомысленно протянула я. – Хорошо, я скажу ему, что больше не в претензии. Еще что-то?

– Еще раз извини.

– Извинила. Теперь ты подвинешься?

Парень наконец отошел с дороги.

– Удачи на экзамене.

Я заторопилась в лекционную аудиторию, где должен был проходить экзамен, но к началу все равно не успела. Перед закрытой дверью туда-сюда ходили издерганные однокурсники, и на мое появление вновь никто не обратил внимания.

– Канахен спрашивал о тебе, – прошептала староста и с полубезумным видом, не сводя с меня глаз, принялась беззвучно шевелить губами. Видимо, повторяла наизусть вызубренный текст.

Профессор полжизни провел в Норсенте, легко изъяснялся на всех диалектах полуострова и испытывал презрение к каждому, кто оказывался не в состоянии при случайной встрече поздороваться без

чудовищного шай-эрского прононса. Особенно если «каждый» – дочь уважаемого королевского посла.

Неожиданно в благопристойной тишине зазвенели возбужденные девичьи голоса. Они стремительно приближались к закрытой аудитории.

– Шарлотта! Ты стоишь тут под дверью и ничегошеньки не знаешь! – с восторгом прострекотала одна из опоздавших однокурсниц. – В центральном холле твой Алекс сцепился с северянином!

Глава 2

Очень неудачное утро

Тишина в холле начала отдавать не нервным напряжением, а нездоровым любопытством. Заинтересовались абсолютно все, и даже староста, прекратившая бубнить под нос неправильные глаголы (или что она беспрестанно повторяла). Никто не хотел пропустить подробности главной сплетни уходящего учебного полугодия. Но, по всей видимости, подробностей имелось не сказать чтобы очень много, поэтому девчонки решили уточнить, отчаянно стараясь остаться в центре внимания:

– Говоря «сцепились»...

– Мне не нужен перевод. Я владею шай-эрским, – холодно перебила сплетницу.

Так и знала: после маминого письма обязательно произойдет какая-нибудь гадость!

Наплевав, что подумают остальные, я зашагала в сторону центрального холла. Поворот, художественная галерея, широко раскрытые двустворчатые двери на балкон. Хотелось сорваться на бег, но принцессы никогда не позволяли себе подхватывать юбки и нестись галопом по дворцам, даже если за ними гналось полчище демонов. Пожалуй, я продемонстрировала самый быстрый и целеустремленный проход по коридорам за всю историю замка Ос-Арэт!

Выдержка подвела, когда возле статуи основателя академии, местной достопримечательности, я обнаружила целую толпу зевак. Сбежав по лестнице, под шепотки протиснулась между студентами и оказалась в первом ряду. Конфликт был в самом разгаре, но никто не вмешивался. Даже приятели парней не предпринимали попыток остановить драку. Возможно, это считалось хорошим тоном – не влезать, когда кто-то выяснял отношения кулаками.

В воздухе разливалось физически ощутимое напряжение, вокруг словно все искрило. Перекошенный от ярости Алекс держал Ноэля за грудки и теснил к постаменту. Бровь северянина была разбита в кровь, из небрежного пучка выбились пряди волос и сказочно мерцали на свету... Даже мне, мало что смыслящей в драках, было очевидно, что

он с высокомерным превосходством позволял себя избивать. Не сопротивлялся, позволял толкать и уродливо натягивать ворот черной атлетической формы. Должно быть, это нежелание отвечать на агрессию бесило Алекса куда сильнее причины, из-за которой он затеял конфликт.

Я подскочила к парням и тихо проговорила:

– Вы двое в своем уме?

Они резко повернули головы.

– Ради всех святых, вы что устроили?! С тобой мы почти незнакомы, – резко высказала Ноэлю и повернулась к жениху: – А ты три года делаешь вид, что не знаешь меня. Вам даже делить нечего! Разойдитесь!

Северянин перевел взгляд на противника и сжал пальцами его напряженные запястья:

– Довольно, Чейс. Я разрешил себя ударить, потому что ты имел право на этот удар. Теперь все.

Лицо Александра ужесточилось. Левый глаз сократился от нервного тика, заходили желваки.

– Все? – кривовато усмехнулся он. – Делить нам нечего? Если я буду каждому позволять пользоваться тем, что принадлежит мне, что тогда останется?

Он что, сравнил меня с вещью?! Я не верила собственным ушам! И пока я задыхалась от возмущения, мой ужасный жених оказался отброшен мощным ударом на мраморный пол. Приземление вышло жестким: Алекс со стоном выгнулся. Из разбитых губ потекла кровь.

Северяне перехватили его приятелей, бросившихся на подмогу другу. Раздались крики. Народ прыснул в разные стороны, освобождая место для настоящей драки, а я оцепенела, не в силах пошевелиться, и таранилась на парней широко раскрытыми глазами.

Мы трое просто не могли застрять в такой абсурдной ситуации!

Словно в фантастическом, совершенно неправильном сне, с непроницаемым лицом и почерневшими от гнева глазами, Ноэль склонился над противником, схватил его за пиджак и, готовый впечатать в разбитое лицо сжатый кулак, с силой дернул за затрепавший ворот.

– Бога ради, остановись! – выдавила я.

Северянин замер. Грудь тяжело вздымалась, напряженный кулак дрожал. С ничтожного расстояния через гвалт мне удалось расслышать, что именно он процедил прежде, чем выпрямиться:

– Сейчас я должен валяться на полу, а не ты! – Он еще присовокупил сочное ругательство, но оно не имело перевода на шай-эрский язык, да и леди не к лицу повторять иностранный мат.

Встав на ноги, достаточно ловко для человека, с высоты роста шарахнувшегося хребтом о мраморный пол, Алекс обтер разбитый рот, посмотрел на испачканные кровью пальцы...

Справиться со столь чудовищным унижением Александр Чейс, конечно, не сумел. Еще бы! Обычно он укладывал парней на лопатки мощными ударами в челюсть.

– Не надо учить меня жизни, говнюк! – прошипел он, расставил руки и неожиданно для всех призвал силу.

Воздух дрогнул. В центре раскрытых ладоней за клубился черный дым боевого заклятия.

– Ты рехнулся? – вскрикнула я, а мгновением позже оказалась за широкой спиной Ноэля.

Он спрятал меня таким естественным движением, словно каждый божий день прикрывал собой девушек. Я запуталась в собственных ногах, уткнулась носом ему между лопатками и буквально ощутила, как сильное мужское тело прошила волна магического разряда. Северянин собрался нарушить еще пару десятков правил – хотя, казалось бы, куда уж больше! – и ответить.

– Что здесь происходит?! – грянул откуда-то сверху взбешенный голос.

Нас всех точно бы накрыли тяжелым удушающим одеялом. Из холла исчезла магия, и от тишины, возникшей у меня внутри вместо биения магического пульса, зазвенело в ушах. Невозможность воспользоваться силой, пусть ее и было три капли, нервировала.

– Всем разойтись! – рявкнул все тот же голос.

На сумасшедшую секунду показалось, будто мраморная статуя на постаменте не снесла оскорблений, ожила и принялась распекать злостных нарушителей порядка. И меня заодно, что стала причиной драки. Я зачем-то задрала голову, словно и правда хотела заглянуть в каменное лицо основателя академии и жалобно попросить прощения.

Над головой был высоченный купол с разноцветными витражами, через которые пробивались полосы солнечного света, и никакого склоненного каменного ректора.

А вот живой и очень недовольный декан факультета высшей магии стремительно спускался по лестнице. Он был самым молодым магистром в академии и, если верить слухам, характером обладал отвратительно-кроважидным, как живой мертвец сразу после ритуального воскрешения. Но зомби свирепы только после пробуждения, а декан – постоянно.

– Кто не уберется из холла в течение минуты, будет отчислен! – снова рывкнул он и яростно бросил противникам: – Чейс и Коэн, ко мне в кабинет! Милая дама... тоже.

– Господин декан, у меня идет экзамен у профессора Канахена, – быстро проговорила я. – Могу я вернуться? Оценка за этот экзамен...

– Тогда почему вы в центральном холле, а не сдаете азрийский язык? – с насмешкой перебил он.

– Северный диалект, – вырвалось у меня, хотя сейчас педантичность вообще была не к месту. С трудом проглоченная улыбка Ноэля подтверждала это справедливое утверждение лучше любых слов. Но замечание уже вырвалось, и запихнуть его обратно в глотку было невозможно, даже если очень хотелось.

– Простите? – поперхнулся декан факультета высшей магии.

– Профессор Канахен преподает северный диалект, – договорила я, откровенно сказать, не понимая, какого лысого демона полезла на рожон.

– Милая дама, если вы поторопитесь в мой кабинет, то, возможно, еще успеете сегодня сдать этот свой экзамен.

Он развернулся и стремительным шагом начал пересекать опустевший холл, направляясь к лестнице. Я почувствовала отчаяние.

– Шевелитесь! – скомандовал декан, не оборачиваясь.

Втроем мы стояли в центре круглого помещения перед массивным письменным столом. За спиной декана, сидящего в кресле, сочились полупрозрачным солнечным светом затянутые льдистыми узорами окна. Казалось, над его головой светится золотистый абрис, а на макушке и вовсе горит звезда, как на вершине новогоднего дерева, должно быть, по-прежнему стоящего в бальном зале.

Будучи между противниками, я разделяла их, словно неприступная стена, и обоих выразительно игнорировала.

– Итак, господа, жду от вас объяснений, почему вы нарушили, если я не ошибаюсь, почти два десятка правил, прописанных в уставе факультета? – обведя нас внимательным взглядом, проговорил декан.

Господа, естественно, промолчали.

– А вы, опаздывающая на экзамен? – обратился он ко мне. – Вы понимаете, что за конфликт с применением магии я выставляю с факультета без возможности оправдаться?

Если леди не может избежать унижения, леди встретит его с высоко поднятой головой, источая королевскую надменность.

– Я не являюсь вашей студенткой, господин декан.

– Бытовая магия? – предположил он и снова попал, что называется, пальцем в небо.

– Языковедение, – подсказала я.

– Потрясающе! Госпожа языковед! В драку вы ввязались из-за своего репетитора по северному диалекту? – Он с досадой кивнул в сторону Ноэля.

– Господин декан, вы не хуже меня знаете, что девушке ввязываться в мужскую драку – сущее самоубийство. Я просто пыталась... пробудить в ваших подопечных здравый смысл и чувство ответственности.

– В моих подопечных? – ухмыльнулся он, сверкнув темными глазами. – И как? Успешно?

– Определенно, у вас вышло лучше, – сдержанно ответила я.

– Не уверен, что помню, как вас зовут, милая леди, – через паузу проговорил он.

Было чуточку неловко, ведь я тоже понятия не имела, как зовут собеседника... Но его-то портрет, в отличие от моего, висел на стене в центре экспозиции, посвященной преподавательскому составу самого знаменитого факультета Ос-Арэта.

– Шарлотта Тэйр, господин декан, – представилась я.

– Ваша фамилия мне знакома, – заметил он, и внимательный взгляд сначала остановился на Алексе, а потом опустился на мою левую руку, скрытую длинным рукавом с манжетой. – Вы знаете, почему мои... *подопечные* устроили этот непотребный бедлам, госпожа Тэйр?

– У них случилось неудачное утро.

В кабинете повисла пронзительная пауза, и издевательский смешок Ноэля показался особенно громким. Глаза декана нехорошо сузились. Похоже, паршивое утро у нас всех грозило перерасти в дрянной день, а меня, в довершение к прочему, поджидал отвратительный вечер. Если, конечно, линчеватель не позволит помучить «милую леди» профессору по северному диалекту.

– Вы понимаете, госпожа Тэйр, что я буду вынужден рассказать об этой ситуации вашей деканессе? – пригрозил он.

– Как пожелаете.

Мы оба знали, что жаловаться деканессе Элброд – дело неблагоприятное. Даже опасное для душевного спокойствия и целостности нервной системы. Замечательная дама, способная три часа кряду одухотворенно рассуждать об особенностях первородного языка, за пять секунд из состояния божьего одуванчика переходила в состояние злобной ведьмы, способной уничтожить вселенную одним движением брови. Однажды она заставила ректора академии вжать шею в плечи! Я три дня не могла без улыбки вспоминать этот потрясающий в своей абсурдности момент. Но больше всего старушка-деканесса ненавидела, когда кто-то докладывал, что студенты-языковеды нарушили устав! Она полагала, будто все пытаются оговорить невинных жертв, исключительно чтобы отправить ее в отставку по выслуге лет. Свидетельские показания, если что, не учитывались.

– Успеха на экзамене. – Декан дернул головой, отпуская меня на все четыре стороны, вернее, в одну сторону – на пытки к профессору Канахену. – Надеюсь, вы на него все-таки успеете.

Что-то подсказывало, что очередное неискреннее пожелание не добавит удачи, а, наоборот, убавит. Не взглянув на парней, я открыла дверь кабинета и едва не налетела на мужчину в черном. Быстро извинившись, мы неловко разошлись в дверном проеме.

– Добрый день, – поздоровался он с сильным северным акцентом. – Маэтр Коэн...

Обращение, принятое на полуострове, резануло слух. В Норсенте уважительным словом «маэтр» называли мужчин высокого положения. Не знаю, что за положение занимал Ноэль Коэн дома, но дрался он как

уличный хулиган и словарный запас бранных ругательств имел весьма характерный.

Преодолевая два корпуса и бесконечные извилистые коридоры, я не питала надежд успеть, но, что называется, повезло запрыгнуть на подножку последнего дилижанса! Возле аудитории я оказалась ровно в тот момент, когда раскрылись двустворчатые двери и помощник профессора в мятом пиджаке со следами мела на рукавах пригласил последних студентов на экзамен.

Правда, обнаружилось, что оставленный на подоконнике портфель исчез.

– Домовики утащили в комнату забытых вещей, – прояснила староста, неожиданно решившая сдавать экзамен в рядах опоздавших. – Я не знала, вернешься ли ты, и позволила забрать.

– Почему меня это не удивляет? – пробормотала я, пристраиваясь в самый конец очереди.

Не было ни пера, ни писчей бумаги, ни словаря... ни яблочной карамельки, если вдруг с треском провалюсь и очень захочется заесть горечь поражения сладеньким. Оставалось уповать на ту самую удачу, которой мне сегодняшним утром щедро желали все подряд.

– У меня есть запасное перо. – Староста вытащила из напоясной сумочки закрытое колпачком полное чернил перо и протянула мне. – Бумагу тоже дам, но словарем поделиться не могу. У самой только один.

Карамельку захотелось почти сразу, едва я с исписанным листом в руках встала перед преподавательской кафедрой. Профессор Канахен был сгорблен и иссушен возрастом, сыпал вопросами, морщился и всеми силами демонстрировал, с какой чудовищной силой его бесит мой деревенский говорок, прямо сказать, совершенно не подобающий дочери королевского посла – внучке человека, пять лет прослужившего на полуострове. А я, в свою очередь, старалась не пялиться на седую профессорскую голову с синими прядями. Если бы он догадывался, сколько выдержки требовалось для такой вежливости, то поставил бы мне высший балл просто за силу воли.

– Госпожа Тэйр, у вас – не побоюсь этого слова – непотребный провинциальный акцент! – заключил Канахен, когда с ответом было покончено и пришло время объявить, насколько сильно самая младшая Тэйр опозорила свой драгоценный древний род.

Дребезжащий голос разлетелся по аудитории, доведя до истерики тех, кому еще предстояли десять минут персонального позора. Ведь если даже мне прилетело от всей профессорской души, а я, по общему мнению, ходила в любимчиках, что говорить об остальных.

Понимая, что дерзость с надменностью выроют мне очень глубокую могилу, я скромно потупила взор и проблеяла:

– Простите, профессор. Обещаю практиковаться.

– Я лично знал вашего деда! Он был великим человеком! В совершенстве владел не только диалектами, но и разбирался в тонкостях правил поведения, принятых в Норсенте! – пафосно чихвостил меня Канахен. – У вас есть уникальная возможность запросто общаться с носителями языка, а вы что делаете?

– Что? – уточнила я, понятия не имея, как правильно ответить на провокационный вопрос. Вряд ли он имел в виду любовный роман.

– Ничего! – подтвердил догадку Канахен. – Ближе!

Неволью я сделала к преподавательской кафедре маленький шагок.

– Нужно быть ближе к студентам из Норсента! – прогремели слова профессора, и я немедленно отступила.

И почему нормальное произношение не передается через поцелуи, как простуда? Столько проблем мигом решилось бы! От дурацкой мысли у меня вырвался смешок... в тот момент, когда Канахен примолк, чтобы набрать в грудь побольше воздуха.

– Госпожа Тэйр! – в дребезжащем голосе появилась неожиданная сила. – Ваш дед в гробу сейчас перевернулся!

– Деда кремировали, – вырвалось у меня. – Наверное, родители подозревали, что когда-нибудь я начну изучать северные диалекты, и подстраховались.

По лицу профессора пошли красные пятна. Как наяву, я услышала грохот молотка, вбивающего последний гвоздь в крышку гроба, где вместо деда Тэйра покоилось мое «хорошо» за экзамен по северному диалекту...

В пустом коридоре, прислонившись поясницей к каменному подоконнику, стоял хмурый и встрепанный Алекс с разбитыми губами. Я помедлила в дверях и, с отвращением отвернувшись, вышла из аудитории. За спиной профессор уже начал издеваться над следующим

студентом, даже не дав тому толком поразить мир знаниями северного диалекта (или их отсутствием).

– Как экзамен? – спросил Алекс в тишине.

– Не сдала, – холодно отозвалась я.

– Жаль, – уронил он.

– Не ври.

Пожалуй, одной яблочной карамелькой сегодняшнее утро не заесть! Как минимум понадобится целый кулек, чтобы пережить написание эссе о хороших манерах в Норсенте.

Решительным шагом я направилась вызволять портфель из комнаты потерянных вещей.

– Шарлотта, стой! – позвал Алекс, не сдвинувшись с места, а когда понял, что я проигнорировала оклик, выкрикнул: – Я сболтнул сегодня лишнего!

Эти слова действительно заставили меня остановиться. Оглядевшись вокруг, не подслушивает ли кто-то, я высказалась:

– Хамство теперь так называют?

– Разве ты не хотела драки, когда у всех на виду целовалась с другим парнем? – Алекс никогда не умел извиняться, только предъявлять претензии.

– То есть мне тоже стоило вцепиться в волосы твоей стипендиатке, а потом наговорить вам гадостей? – быстро спросила я. – Что-то не додумалась.

– Я не хотел тебя обидеть, – поморщился он, наконец сделав в мою сторону несколько шагов.

– Разве табуретка, кресло или кастрюля способны обижаться? – зло бросила я. – Ты ясно дал понять, Алекс, что я никогда тебя не заинтересую, тем более ты никогда не будешь испытывать ко мне никаких чувств, кроме досады. И все равно я пыталась быть тебе хорошим другом. Но ты приравнял меня к вещи! К неодушевленному предмету, демоны тебя дери!

– Шарлотта...

– Помнишь, Алекс, ты сказал, что покончишь с помолвкой до того, как нас обрядят в свадебные одежды? – перебила его. – Помоему, самое время!

Я уходила, а он не останавливался. В ушах тоненько звенело, стук каблучков возвращался тревожным эхом, внутри цепенело. Не верилось,

что между проваленным экзаменом и возвращением сумки я решила поставить точку в болезненных отношениях с Александром Чейсом.

Комната забытых вещей, как и большинство хозяйственных помещений, находилась в подземелье. В замке никогда не экономили ни на тепле, ни на магическом освещении, но в каземате огни светились тускло, а в холодном воздухе ощущался неистребимый запах влажности. Говорили, что раньше было достаточно вежливо попросить замковых домовиков вернуть утаченную вещь, и она немедленно появлялась перед хозяином, но кто-то особо одаренный обвинил нечисть в клептомании, и теперь, к радости скучающего хранителя-кладовщика, все спускались в мрачный каземат. Домовики не делали исключений никому, даже преподавателям.

Очень удачно я отвертелась от щедрого хранителя, предлагавшего «совершенно бесплатно» забрать десяток пересохших, переломанных перьев, а когда с возвращенным портфелем на плече начала подниматься из каземата, на лестнице встретилась с куратором северян. Хмурый высокий человек с неизменной трехдневной щетиной на щеках и длинными волосами, забранными в низкий хвост, мазнул по мне скользким взглядом и попытался пройти мимо.

– Господин куратор! – Я остановилась.

Он был вынужден помедлить и неохотно повернуться, ведь проигнорировать студентку считалось не просто невежливым, а непедagogичным, что особенно страшно. Пользоваться тем, что преподаватели не желали поступать непрофессионально, особенно в стенах учебного заведения, где им по статусу положено проявлять внимание к школярам, даже к тем, кто бесил с невероятной силой, я научилась еще в детстве. Исключительно удобное умение.

– Что вы хотели? – сухо спросил он на северном диалекте, тем самым остро, как наточенным карандашом, подчеркивая пренебрежение.

– Возможно, вы знаете, куда отправился Ноэль после кабинета декана? – нейтральным тоном в лучших традициях великосветских гостиных спросила я. На шай-эрсском.

– Пытаетесь узнать, не отправился ли он собирать вещи домой?

Узел, завязавшийся у меня в животе еще во время драки, стянулся до такой степени, что к горлу подступила желчь.

– Его высылают в Норсент?

Под ледяным взглядом у меня, как от хлесткого северного ветра, запылали щеки.

– Сделайте милость, госпожа Тэйр, – перешел он на шай-эрский, – не доставляйте нам хлопот. Что ж...

Посчитав, что разговор окончен, мужчина кратко кивнул и повернулся ко мне задом, в смысле, спиной, обтянутой черным пиджаком. Казалось, что широким плечам в нем несколько тесно.

– Господин куратор!

Пусть не думает, что я позволила себя унижить за просто так. Видеть выражение глубокой досады на небритой физиономии вновь обернувшегося куратора было бесценно.

– И все-таки... Ноэлю грозят высылкой на родину?

– Драка с вашим женихом, госпожа Тэйр, не настолько серьезный проступок, чтобы отправиться домой, – ответил он. – Удачного дня.

Куда уж удачнее? К довершению к сегодняшним «успехам» осталось по дороге в пансион сломать ногу – и можно этот день заносить в список самых «счастливых» в уходящем году!

В общежитие, где проживали студенты из Норсента, я направлялась с отчаянной мыслью, что хуже все равно уже не будет. Забегая вперед, могу точно сказать, что оптимисты переоценивают силу положительных мыслей и правильных поступков.

В холле студенческого общежития, в отличие от коридоров учебных корпусов, оказалось неожиданнолюдно. Отсюда открывался завораживающий вид на заснеженные, залитые солнцем скалы, поросшие низкорослым колючим кустарником. Разливалось бескрайнее небо, по-зимнему полупрозрачное и холодное, а внизу, как на ладони, лежал городок. Дух захватывало! Разве что не хватало парящего дракона, как на потемневших гравюрах в старинных манускриптах.

Однако жильцы, привыкшие к размаху, величию и простору горных пейзажей, не обращали на них равным счетом никакого внимания. Вид, конечно, был преотличный, но до цивилизации – развлечений, ярмарок и торговых лавчонок – приходилось добираться полчаса на дилижансе, курсирующем между замком и зданием городской почты.

Я пересекла холл и встала возле схемы общежития, квадратной каменной столешницы, без опоры, лишь с помощью магии,

неподвижно висящей в воздухе. Ровными колонками на ней были начертаны фамилии студентов. Отыскав имя «Ноэль Коэн», я прикоснулась к строчке, и на гладкой поверхности появились крупные цифры: этаж и комната. Ниже развернулся план с длинной пульсирующей стрелкой, подсказывающей, в какую сторону от центральной лестницы поворачивать, чтобы не заблудиться в извилистых коридорах.

– Зачем ты его ищешь? – прозвучал резковатый женский голос, говорящий с характерным северным акцентом.

Обернувшись, я обнаружила Рэдмин, студентку из Норсента, с которой пару месяцев назад нам пришлось сдавать совместный проект по азрийскому языку. Она не только подглядывала без капли смущения, но и, дыша возмущением, предъявляла претензии!

Девушка была не одна, а в компании знакомого блондина, следившего за нами с Ноэлем на балу. В смысле, за нашим поцелуем наблюдали все гости с полуострова, оказавшиеся в ту минуту в коридоре, но этот еще издевательски отсалютовал флягой и особенно запомнился. Думаю, не стоит упоминать, что на ученических танцуйках запрещалось любое спиртное, поэтому я оказала ему большую услугу, не заложив декану факультета.

– Ты его секретарь и ведешь запись посетителей? – Я перевела ледяной взгляд с парня на Рэдмин. – Если нет, то не вижу ни одной причины, почему должна отвечать.

– В отличие от тебя, я его друг! – ответила она. – Ты хотя бы представляешь, сколько вы вдвоем с женихом доставили неприятностей?

– Нет, – покачала я головой, – понятия не имею.

– Он не может себе позволить влипнуть в истории, – процедила она.

– Я, наверное, сейчас тебя расстрою, но Ноэль с большой охотой позволил втянуть себя в историю, – ответила я.

Глаза Рэдмин расширились от гнева. Волосы вспыхнули. Она шагнула ко мне, но блондин тяжело и как-то по-особенному веско положил ей на плечо руку:

– Мина, уймись.

– Не надо меня успокаивать, Эйнар! – рыкнула она, сбрасывая руку. – Что-то ты не торопился его останавливать, когда он влип в

неприятности. В конечном итоге все закончится плохо! Она превратится в огромную проблему!

Северяне говорили на родном языке, но я сегодня так сильно устала от диалекта, что не утерпела и огрызнулась:

– И еще она тебя неплохо понимает.

– Можно подумать, я об этом не догадываюсь, – прошипела девушка, поблескивая злыми глазами.

– Раз можно, то хорошо подумай, Рэдмин, – осек ее приятель, неожиданно встав на мою сторону. – Ноэлю не понравится, что ты лезешь в чужие дела.

Она поменялась в лице, прошипела какое-то незнакомое слово, похоже, непере译имое на шай-эрский язык ругательство, и сорвалась с места. Быстрой походкой начала пересекать просторный холл. Длинные волосы, разметавшиеся по спине, покачивались в такт шагам. В каждом движении стройной девушки, в том, как она обгоняла зазевавшихся соседей по общежитию, чувствовалось раздражение. Казалось, что из-под каблуков посыплются искры, но обошлось без огненных эффектов.

– Она права, – прервал молчание блондин, заставив меня повернуть голову. – Тебе не стоило приходить к Ноэлю.

– Почему бы тебе не последовать собственному совету и не лезь в чужие дела?

– В любом случае он сейчас у куратора, – с легкостью соврал парень мне в глаза. – Но если хочешь, чтобы я ему что-нибудь передал, то говори.

Некоторое время я молча рассматривала наглого вруна, но уличать его во лжи не собиралась.

– Просто передай, что я приходила.

В пансион вернулась засветло с извозчиком, служащим при академии. Особняк был погружен в тишину. Некоторые девочки уже уехали на каникулы, другие сдавали экзамены, а мадам Прудо вообще спускалась с третьего этажа исключительно к ужину или ради прогулки с химерой, год назад неожиданно превратившейся из канарейки в ярко-желтую собачку. Мадам жутко бранилась, потому как не представляла, что безобидная певунья не совсем птица.

Мозгов у собачки все равно осталось как у канарейки. Бывшая пернатая по привычке ненавидела домовика и, как не в себе, гоняла по

дому, вынуждая прятаться в женских спальнях. Вот и сейчас, свернувшись клубком, в образе облезлого серого кота он спал на моей кровати и лениво приподнял голову на звук открывшейся двери.

– Дрыхнешь? – буркнула я.

Кот поднялся, выгнув спину, со вкусом потянулся и взорвался серым дымком, не оставив следов на аккуратно застеленном горничной покрывале.

Едва я успела стянуть верхнюю одежду и поменять теплые полуботинки на домашние туфли, как в комнату без стука вошла Зои. В руках она держала две бутылки темного стекла с нетронутыми пробками. Выглядела подружка бледненькой, но голос звучал бодрее, чем накануне:

– Какие новости? У нас траур или праздник?

Сначала она продемонстрировала бутылку с черемуховой настойкой, традиционной для поминального стола, а потом, если судить по этикетке, с дорогущим игристым вином с колючими пузырьками и благородным кисловатым вкусом.

Я предпочитала напитки послаще и точно не приторную черемуховую гадость, но Зои, дочь владельца трех десятков элитных винных погребок, искренне верила, что вульгарные сладкие вина оскорбляют чувства людей со вкусом и подходят исключительно для храмовых ритуалов. Она считала, будто в нашей семье отмечился какой-нибудь лакей, но после знакомства с моей мамой уверилась, что наше аристократическое семейное древо аристократично до корней, а любовью к плебейским напиткам я обязана незнакомому прадедушке-храмовнику. Такого, к слову, тоже не имелось.

– Экзамен не сдала, – стаскивая форменный пиджак, буркнула я.

– Значит, траур. – Печально вздохнув, она посмотрела на бутылку с черемуховой настойкой.

– Но решила разорвать помолвку.

Говорить эти слова было очень странно и даже чуточку страшно, но произнесенные вслух они становились реальными.

– Значит, праздник! – весело воскликнула Зои.

Безусловно, она не верила, что я действительно решусь разорвать проклятое обручение, и только поэтому не засыпала меня вопросами.

– И к завтрашней переэкзаменовке мне надо написать эссе, – закончила я.

– Значит, придется смешать, – покачала головой подруга, разглядывая разом обе бутылки и словно высчитывая в уме безопасную пропорцию, чтобы после возлияний не отъехать вперед ногами в божественные чертоги.

– Поможешь написать эссе? – вежливо намекнула я, что готова и смешивать, и пробовать спорный коктейль только после готовой работы для Канахена.

– Вообще, странно отмечать заранее, правда? А завтра утром родители пришлют за мной карету...

Она отвернулась и пристроила бутылки на поднос с графином воды, чтобы вредный домовик не спрятал алкоголь в кухонный буфет мадам Прудо, откуда извлечь его будет так же нереально, как получить похвалу от моей мамы. Просто не докажешь, что бутылку не купила сама мадам.

– Кстати, Алекс в курсе, что ты его бросила? – обронила Зои небрежным тоном.

– Да.

От неожиданности та вдруг зазвенела хрусталем и резко развернулась:

– Чарли, ты серьезно решила разорвать помолвку?

– Вполне, – сдержанно согласилась я. – Вечером напишу отцу.

Глаза подруги вспыхнули неподдельным интересом. Обсуждать разрыв с Алексом было выше моих сил. Точно не сегодня!

– Прости, Зои, но мне нужно заниматься, – попыталась я выставить ее из спальни. Еще стоило пообедать, но аппетита не было.

– Если вдруг захочешь поплакать, то я в соседней комнате, – напомнила она.

– Спасибо.

Зои вышла, аккуратно прикрыла дверь. Я даже успела расстегнуть верхние пуговицы на платье, как она ворвалась обратно и протараторила, рискуя снова сорвать простуженное горло:

– Как хорошая подруга и просто деликатный человек я обязана дожждаться, когда ты сама поделишься, почему решила устроить бунт на корабле, но если хочешь пообедать вместе и рассказать, то я готова пообедать второй раз.

– Буду благодарна, если ты передашь кухарке, что я не буду есть, – дала я понять, что сегодня девичника – ни поминального с горькой

настойкой, ни праздничного с благородным вином – не планирую.

– Хорошо, – послушно согласилась Зои. – Вернее, очень плохо. Я помру на каникулах от любопытства! Поэтому если не хочешь смерти лучшей подруги, то просто скажи... Это из-за северянина?

– Из-за меня.

Зои никогда не считала краткость сестрой таланта или признаком хорошего воспитания и изогнула бровь, ожидая продолжения.

– Полагаю, я все-таки достойна чего-то большего, чем брак с мужчиной, который считает меня предметом интереса.

– Главное, не передумай, – посоветовала она.

– Ни за что!

Но сказать оказалось сложнее, чем сделать! Переодевшись в домашнее, я уселась перед секретером и... начала тянуть, как обычно это случалось перед особенно неприятным делом. Сначала забрала из светившейся почтовой шкатулки письмо от мамы, требующей срочного отчета, как прошел экзамен. Не испытывая мук совести, соврала, что его перенесли на завтрашний день. Потом пару часов убила на эссе.

На улице совсем стемнело. Погрузился в кромешный мрак заваленный снегом сад, ослепли окна. В стеклах отражался свет настольной лампы и торшера на длинной ножке, стоящего возле кресла. Письмо к отцу нависало надо мной, словно грозное облако, не давало покоя и заставляло то и дело отвлекаться.

Смирившись с тем, что ничего путного Канахену написать не выходит, я расправила чистый лист, подложила промокашку и быстро вывела чернильную ровную строчку: «Я хочу разорвать помолвку». Аккуратно сложила, запечатала сургучом. Осталось только отправить папе, и дело сделано...

В гробовой тишине раздался стук в дверь.

– Госпожа Шарлотта! – позвала из коридора горничная. – К вам пришел молодой человек.

Письмо осталось лежать на секретере, а я вскочила со стула и бросилась открывать с такой проворностью, словно сиденье кусалось, а послание отцу рычало, отгоняя от почтовой шкатулки.

Служанка оказалась расторопнее меня и успела улизнуть. Выяснить, кто заявился в потемках, не удалось, но в коридор немедленно выглянула Зои. За ее спиной был виден раскрытый

дорожный сундук, стоящий прямо на ковре, и гора сваленной на кровать одежды. Подружка словно собиралась не домой на недельку, а зимовать к любимой троюродной тетушке.

– Чарли, – менторским тоном с серьезной миной вымолвила подруга, – помни, что ты не хочешь передумать, и отправь своего бывшего жениха восвояси!

О том, что Алекс станет бывшим, как только мне хватит смелости отослать отцу письмо, я решила мудро промолчать и повернула на лестницу.

Внизу, в холле, меня дожидался Ноэль.

Глава 3

Неидеальная Чарли Тэйр

В белом свете магических ламп он выглядел как будто ненастоящим. Одетый красиво, но не по здешней моде: в широкое пальто, из-под которого виднелся свитер с высоким горлом, и мешковатые брюки без стрелок. Волосы были собраны в небрежной пучок, глаза казались очень темными, почти черными, на бледном лице резко выделялась разбитая бровь. Не мигая, он следил за тем, как я спускаюсь.

– Ноэль, как ты здесь?.. – растерянно спросила я, от удивления забыв поздороваться.

– Слышал, что ты меня искала.

– Ты из-за этого приехал?

Мы оба понимали, что преодолеть путь от академии до пансиона, чтобы просто узнать, на кой демон я заявила в общежитие, не очень-то нормально.

– Нет. Я хотел тебя видеть.

Обезоруживающая прямота, пристальный взгляд, голос, звучащий красивее, чем мне запомнилось, спокойная уверенность, исходящая от высокой фигуры, – абсолютно все в нем заставляло мое сердце совершенно неприлично колотиться в груди. Даже не в груди, а где-то в горле.

Я сделала глубокий вздох, чтобы что-нибудь сказать, но вдруг из закрытой гостиной донеслись шепотки и сдавленное тоненькое хихиканье. Очевидно, за нами следил вовсе не домовик. Ручки на высоких двустворчатых дверях истерично крутились. Девчонки висели на них, что ли?

Мы с Ноэлем обескураженно переглянулись.

– Послушай, Чарли, – он перешел на северный диалект, видимо, ради конспирации, – я не очень хорошо знаю город, но, может быть, прогуляемся?

– Я не могу, – с сожалением покачала головой.

– Ясно. – Он замялся, видимо, почувствовав себя по-дурацки. – Извини, что предложил.

– Господи, нет же! Ты неправильно понял! – всполошилась я и даже замахала руками, чего, на моей памяти, вообще никогда себе не позволяла. – Я с радостью прогулялась бы, но завтра пересдача, а в эссе для Канахена написано без ошибок одно слово «эссе». И то на шай-эрсском.

– Ты не успела на экзамен?

– Незамысловато провалила, – покачала я головой. – Профессор посчитал мой акцент непотребным.

Губы Ноэля дрогнули, но он зачем-то сдержал улыбку. Видимо, догадался, что смеяться, когда девушка страдает, не очень-то красиво. Зря!

– Нужна помощь? – предложил он.

– Хочешь убить вечер на бесплатное репетиторство?

– Отчего же бесплатное? – усмехнулся он. – Если завтра сдашь экзамен, то будешь должна мне прогулку. По рукам?

– По рукам, – не колеблясь ни секунды, согласилась я.

– Девочки, я вообще не понимаю, о чем они говорят, но уже хочу упасть в обморок! – раздался из-за двери громкий шепот соседки с первого этажа.

Ради приличий мы с Ноэлем устроили урок северного диалекта в столовой. Можно сказать, у всех на виду, чтобы ни одна благородная девица не заподозрила нас в чем-то посущественнее написания эссе. Все равно большая комната с длинным столом частенько заменяла моим соседкам общий кабинет для занятий.

Однако появление северянина, о котором пансион сплетничал все выходные, вызвало нешуточный переполох на всех трех этажах. Соседки сновали туда-сюда, не давая ни поговорить, ни сосредоточиться на злосчастном сочинении. Даже домовик из любопытства отметился: пробежал шустрой рысцей поперек комнаты и с противным мяуканьем вошел в посудную горку, оставив после себя облачко серого дыма.

Но Зои переплюнула всех! Она представилась моей лучшей подругой, уселась на противоположном конце стола и, прихлебывая теплое молоко с медом, начала делать вид, будто почитывает роман, еще в прошлом году купленный в книжной лавке на библиотечной площади. Книгу эту три раза по кругу прочитали всем пансионом!

Шпион из простуженной подружки вышел так себе: когда она одобрительно подняла вверх большой палец, Ноэль повернул голову. Последовала странная пауза. Зои покраснела так, словно ни с того ни с сего показывала нежданному гостю неприличный жест. Она попыталась оттопыренным пальцем почесать нос, но вышло еще хуже. Оставалось только опустить руку и удалиться из столовой.

– Ой, книжку-то я уже читала, – с дурацкой улыбкой объявила она и поднялась из-за стола. – Было приятно познакомиться, господин Коэн. Жаль, что нашей Вербены нет дома.

С загадочным видом подружка закрыла за собой дверь.

– Вербена – это не растение? – уточнил «господин Коэн».

– Третья соседка по этажу, – подсказала я.

– У тебя забавные соседки... и имена у них интересные, – прокомментировал он и наконец сосредоточился на эссе.

С задумчивым видом он скользнул глазами по строчкам, а потом начал исправлять ошибки, и я попала в ученическую преисподнюю. Каждый раз, когда самописное перо острием выводило очередную позорную правку, мне, как на уроке грамоты, хотелось забраться под пол и сверху заложить себя паркетными дощечками.

– И как? – вытягиваясь на стуле и заглядывая в исчерканный листок, спросила я.

– У тебя красивый почерк.

– Долго тренировалась. Ты скажи про эссе.

– Совсем не дается северный диалект, принцесса? – с фальшивым сочувствием протянул Ноэль и в очередной раз невозмутимо подрисовал в слове пропущенную букву.

– Может, ты просто напишешь, как надо, а я перепишу, – шустренько придумала я, по-моему, самый лучший способ подготовки к экзамену.

Ноэль бросил на меня фальшиво-укоряющий взгляд:

– Это неспортивно.

– Наплевать! – воскликнула я. – Поздно заботиться о гордости! В этом соревновании я продула еще на старте. Если ты напишешь эссе, я не буду чувствовать себя униженной, а приму его с большой благодарностью.

– Смотрю, ты вообще любишь мошенничать, принцесса.

– А если я завтра не сдам? Придется отменить прогулку, – развела я руками.

– Мы отменим прогулку и будем заниматься диалектом все каникулы, – предложил он, как-то ловко перебив шантаж весьма соблазнительным предложением. – У тебя много планов на каникулы, Чарли Тэйр?

– Никаких, – без колебаний ответила я, мысленно отправив письмо отцу и избавив себя от праздничной недели в родовом поместье Чейсов. Даже почувствовала облегчение, хотя еще ничего не сделала. – К слову, профессор Канахен советовал ближе общаться с носителями языка. Сказал, что это исправит мой провинциальный акцент.

– У тебя очаровательный акцент, – хмыкнул Ноэль.

– И я так думаю! Но увы, профессор с нами не солидарен.

– Значит, все к лучшему, – с улыбкой заметил Коэн и вдруг начал быстро дописывать мое эссе мелким, но твердым почерком.

Некоторое время я смотрела, как перо скользит по бумаге. На лицо парня падали темные волосы, и в свете люстры на два десятка магических огней мерцали русые пряди. В ушном своде по-прежнему блеснул золотой шарик.

– Парни с факультета высшей магии просили передать, что искренне извинились и я их простила, – отвлекла я Ноэля от работы.

– А ты их простила? – бросил он взгляд искоса.

– Конечно! Я же потратила их деньги на сирот!

– Почему ты выбрала благотворительность?

– Никогда не была щедрой за чужой счет. Неудержимо захотелось попробовать. – Я дернула плечом. – Так что, Ноэль, выходит, ты умеешь держать людей в страхе?

– Разве я виноват, что некоторые очень пугливы? – усмехнулся он.

– Тогда почему ты позволил Алексу себя избить? – кивнула я, намекая на разбитую бровь и синяк на скуле, заметный с близкого расстояния.

– Не догадываешься?

Он перевел на меня серьезный взгляд. Возникла долгая и тяжелая пауза. Смотреть ему в глаза было неловко, и я опустила голову, принялась изучать собственные руки, спрятанные под крышкой стола. Ничего нового не обнаружила: тот же сдержанный маникюр с

короткими аккуратными ногтями, серебристая нить, неуместно светящаяся сквозь рукав домашнего платья.

– Мне очень, очень жаль, что я втравила тебя в эту дурацкую историю! – быстро проговорила я. – Не думала, что Алекс вдруг взбесится и накинется на тебя с кулаками. Такие последствия мне даже в голову не пришли.

– Ты что сейчас делаешь? – тихо спросил он, когда проникновенная речь закончилось.

– А? – очень по-умному уточнила я, резко подняв голову.

Он выглядел по-настоящему озадаченным.

– Не пойму, Чарли, почему ты извиняешься?

– Но ведь у тебя неприятности из-за меня, – тоже ровным счетом ничего не понимая, напомнила я.

– Из-за тебя? – переспросил он, словно пытался разобраться в сложной головоломке, но никак не мог уловить ее суть. – Нет, Чарли, так не пойдет...

Он даже покачал головой и с преувеличенной аккуратностью, словно боялся швырнуть, отложил на стол самописное перо.

– Как бы тебе объяснить... Я всегда принимаю осознанные решения, – быстро сказал он, похоже, не заметив, что перешел на диалект. – Было бы малодушием перекладывать их последствия на других, особенно на тебя.

В растерянности я смотрела на северянина, не до конца понимая, что он говорил. В голове зло и издевательски кричал голос Алекса, словно стоящего в дальнем углу столовой и бросающего обвинения: «Разве *ты* не хотела драки?»

– Что бы ты ни думала о ваших отношениях с Александром Чейсом, я в полной мере осознавал, что целовал чужую невесту, Чарли. – Ноэль пытливо заглядывал мне в лицо. – А если бы ты позволила и не сбежала с бала, то поцеловал бы еще не один раз.

Сама не знаю отчего, но мне вдруг стало ужасно обидно, что в пятницу я струсилась и действительно дала деру.

– Держи... – Он вновь перешел на шай-эрский с ужасно сексуальным акцентом.

Я вздрогнула, словно выходя из-под одурманивающего разум заклятия черной магии, и растерянно спросила:

– Что держать?

– Твое эссе. – Он подвинул пальцем исписанный лист. – Уверен, ты сможешь переписать его без ошибок.

– Будет лучше, если ты проверишь! – выпалила я с такой поспешностью, словно Ноэль уже был на полпути к входной двери, а мне хотелось провести вместе еще чуточку времени.

Его губы дрогнули в тщательно спрятанной улыбке:

– Хорошо.

Он ушел перед ужином, когда эссе было полностью закончено и переписано начисто три раза. Больше причин оставаться не нашлось, а угроза оказаться за одним столом с десятком любопытствующих девиц становилась реальнее с каждой минутой промедления. Входная дверь проводила гостя переливчатым звоном колокольчика.

Прижимая к груди папку с записями, я стремглав поднялась в спальню и первым делом недрогнувшей рукой бросила в почтовую шкатулку сложенное квадратом, запечатанное сургучом письмо к отцу.

Собираясь на следующее утро в академию, я то и дело кидала нервные взгляды на секретер, но почтовая шкатулка, стоящая на полке, загадочно молчала. Похоже, папа решительно взял паузу, чтобы обдумать щекотливую ситуацию. Но мы жили не в темные времена первородного языка, никто не мог насильно выдать меня замуж ни за Александра Чейса, ни за любого другого мужчину. Своим посланием я не спрашивала разрешения, а ставила в известность и... уехала без ответа из далекого Эл-Бланса.

Номер аудитории, где профессор Канахен планировал принимать пересдачу, пришлось выяснять на информационной доске в холле учебного корпуса. Между собой мы называли ее «доской позора», сюда вечно вывешивали списки должников, выговоры, странные приказы и прочую ерунду, которую, один раз увидев, хотелось немедленно забыть. Возле объявления, написанного рукой профессорского помощника, висела кривовато выдранная из блокнота страничка с запиской.

Я мазнула невидящим взглядом по чужому посланию, написанному северным диалектом, но замерла, вдруг обнаружив под незнакомым выражением знакомые инициалы.

– Это что еще за непере译имый северный фольклор? – пробормотала себе под нос, сорвав прищипленный на простенькое заклятие листочек. По отдельности все слова имели смысл, а

сложенные в одну фразу, превращались в околесицу. Вряд ли Ноэль послал меня за линию горизонта, наверняка пожелал удачи на экзамене, но способ выбрал витиеватый.

«Перевести не смогла. Вы обо мне слишком хорошего мнения, господин репетитор», – вытащив из портфеля ежедневник, быстро написала я и выдрала страницу. С помощью легкой магии послание было подвешено на доску объявлений, а записка Ноэля уютно спряталась в моем блокноте.

Пересдача прошла прекрасно. Канахен находился в чудесном настроении. Деревенский акцент, который все еще был при мне, его совершенно не смущал, а эссе восхитило. Пока я переписывала текст, нарочно делая мелкие поправки, успела выучить его наизусть и без проблем ответила на все вопросы.

В табеле растворилось позорное «неудовлетворительно», чернильной кляксой испачкавшее идеальную репутацию семьи Тэйр, и появилось «хорошо». Довольная результатом, я собралась уходить, но под занавес не сдержалась:

– Профессор, я тут прочитала один текст, и кое-что мне осталось непонятным. Подскажите, что означает поговорка...

Старательно следя за произношением, я повторила фразу из утренней записки. Канахен начал меняться в лице, седые брови поползли на прорезанный морщинами лоб. На страшную секунду показалось, что Ноэль надо мной подшутил и написал скабрёзность, а я громко и четко, как стишок, продекламировала ее преподавателю.

– Ох! – шумно выдохнул он.

Удивительно, как у меня не случился паралич дыхания. Мысленно я так громко выругала северянина, что он, где бы сейчас ни находился, был обязан услышать, словно наяву.

– Вы потрясли меня, госпожа Тэйр!

– А уж как я потрясена, профессор, – в тревоге поглядывая на табель, не превратилось ли «хорошо» в «совершенно неудовлетворительно», проблеяла я.

– Вижу, вы всерьез приняли мой добрый совет и действительно занялись северными диалектами! И как вам трактат о «Воинах света»?

Кхм...

– Познавательный, но не во всем понятный, – боясь сказать лишнее слово, осторожно отозвалась я. Пусть у меня отлегло, но

сердечко еще покалывало.

– Понимаю, госпожа Тэйр! Классика всегда сложна для восприятия, но вы круто взяли!

Я подавилась на вздохе, а старик сделался таким восторженным, как деканесса нашего факультета, рассуждающая об особенностях шай-эрской пунктуации.

– Но это вовсе не пословица, а принятое в восточной части полуострова пожелание удачи перед большой битвой! – продолжал он. – Превосходно, госпожа Тэйр. От души одобряю.

– Благодарю, профессор...

Я сдержала испуганный смешок, когда в табеле в моих руках «хорошо» поменялось на «отлично».

– Сегодня дед вами гордится! – торжественно объявил он с такой уверенностью, словно получал послания от него напрямую. Даже возникло желание передать дедуле привет и уточнить, куда он задевал первое издание Парма на первородном языке, адски редкое и дорогое, но я вовремя прикусила язык.

– Всего доброго, профессор!

– И вам, госпожа Тэйр, – попрощался он со мной почти как с лучшим другом.

Я уже добралась до выхода, когда Канахен вызвал на плаху следующую жертву, но повернулась:

– Профессор, можно еще вопрос?

– Конечно, госпожа Тэйр, – с таким непривычным дружелюбием отозвался он, что стало неловко перед однокурсниками.

– Недавно я услышала одну фразу, но перевод найти не смогла, – приукрасила, прямо сказать, собственные ученические порывы. – Возможно, она тоже из какого-нибудь трактата. Человек, ее сказавший, явно увлекается классикой...

Я постаралась припомнить фразу, которую Ноэль бросил в сердцах, когда мы поцапались на балу. Не знаю, насколько правильно сумела произнести, но Канахен вдруг сделался очень странным и одарил меня понимающей улыбкой. Обычно такие посылают сумасшедшим или полным тупицам. Не хочу думать, к какой категории меня отнесли.

– Любопытно, – вымолвил он. – Эта фраза о долге мужчины перед женщиной, но точный перевод все-таки, думаю, стоит спросить у

юноши, который вам сказал такие замечательные слова.

Между тем юноша, ожидающий передачи перед преподавательской кафедрой, уже посматривал на меня без лишней симпатии и, похоже, тоже хотел сказать очень много слов. Замечательных, запоминающихся ругательств. Да я и сама была не рада, что спросила. Никогда не страдала чрезмерным любопытством, а тут дернул демон за язык!

– Спасибо, профессор! – выпалила, когда Канахен на секунду прервался, чтобы перевести дыхание. – Счастливого Нового года!

– Счастливого Нового года, – согласился он и, с молниеносной скоростью изменив дружелюбный тон на недовольный, буркнул парню: – Полагаю от вас, господин Наэрт, ждать высказываний из классической литературы Норсента не имеет смысла?

Выйдя из аудитории, первым делом я занесла в деканат табель с оценками, а потом из любопытства проверила доску объявлений в холле. Как и подозревала, меня ждало новое послание: «*Поздравляю, принцесса!*» Похоже, Ноэль не сомневался, что экзамен пройдет успешно.

Только я потянулась за листком, как его сдернули буквально перед моим носом. Удивленно обернувшись, я обнаружила за спиной Алекса в спортивной черной форме. С мрачным видом он изучал записку.

На обратной стороне северянин назначил встречу: «*В шесть на городском катке*».

Я честно пыталась спрятать улыбку, но она нахально лезла на лицо, растягивала губы и никак не желала мирно потухнуть. Думать, отчего ощущаю такое воодушевление от мысли о катке в трескучий мороз, совсем не хотелось.

– Решила брать уроки фигурного катания? – Пронзая меня остро-режущим взглядом, в общем-то, привычным, а потому совершенно не задевающим, Алекс протянул записку. Видимо, мысль, что кто-то желает пригласить бесящую Чарли Тэйр на свидание, не умещалась в его голове.

– Я умею кататься на коньках, – забирая листик, напомнила я почти бывшему жениху.

– С каких пор?

– С пяти лет, вообще-то.

Как ни горько признавать, но в этом заключалась суть наших отношений: я знала об Александре Чейсе почти все, а он не знал обо мне почти ничего.

– И еще, Алекс... – Решила не тянуть с новостями, пусть будет в курсе. – Вчера я написала отцу о разрыве нашей помолвки.

Он смотрел с непроницаемым видом и молчал. Казалось, новость, что совсем скоро мы станем друг другу никем, его не тронула.

– Просто хотела, чтобы ты знал, – добавила я. – Думаю, все скоро закончится. Счастливого Нового года.

– И снова ты ошибаешься, Шарлотта, – бросил он мне в спину.

Ненавижу, когда Алекс делает вид, будто позволяет оставить за собой последнее слово, а потом начинает, как последняя высокомерная скотина, разговаривать с затылком, заставляя разворачиваться!

Вернуться пришлось, но доставлять ему удовольствие, задавая наводящие вопросы, я не собиралась.

– Поверь мне, все только начинается. Я считал, ты понимаешь, что развязать эту нитку куда сложнее, чем завязать, – с усмешкой кивнул он на мою руку, сжимающую лямку портфеля.

Рукав форменного платья сполз и открыл широкий золотой браслет. Через металл нить не просвечивала, но мы оба знали, что она была. Точно такая же, как у него. Удивительно, но из нас двоих именно Алекс никогда не прятал обручальную метку. Не знаю, из каких соображений. Возможно, она отпугивала ретивых девиц.

– Но ведь ты как-то планировал избавиться от бесящей невесты, так? – Я с раздражением отметила, что в моем голосе прозвучала досада.

– Бесящей невесты? – неожиданно развеселился Алекс.

– Ой, да брось паясничать! Мы оба знаем, что ты обо мне думаешь. – Я закатила глаза. – Просто если у тебя есть план, то стоит его озвучить и для разнообразия начать действовать вместе. Раз уж у нас одна цель: избавиться друг от друга.

Алекс смотрел на меня почти восхищенно... как на непроходимую тупицу. В общем, ничего нового.

– Совершенно точно не перед новогодним приемом Ирэны, – улыбнулся он. – Без обид, Шарлотта, но я хочу спокойно провести праздники, чего и тебе искренне желаю. Поэтому, моя дорогая невеста,

встретимся во время новогоднего ужина, и я, как всегда, приму твои поздравления.

– Не находишь, что теперь будет странным встречать Новый год с твоей семьей? – Я начала злиться на издевки.

– Ни в чем себе не отказывай, – все так же издевательски хмыкнул Алекс. – Кстати, ты своей матери говорила, что не собираешься в поместье? Если нет, то непременно обрадуй. Думаю, тебя ждет масса дивных открытий. Удачи, Шарлотта!

– Алекс, можно кое о чем тебя попросить? – окончательно вызверилась я. – Хотя бы напоследок не веди себя, как скотина! Правда, очень сильно достало!

– Что? – У него вырвался ошарашенный смешок, а синие глаза без преувеличения покруглели. – Как ты меня назвала?

– Не надо делать вид, будто ты глухой, а я слепая, и мы не можем договориться языком жестов! Ты прекрасно меня слышал, – высказалась я и, поправив на плече лямку портфеля, сердито зашагала в сторону гардероба.

Умел же, паршивец, испоганить боевой настрой! Всю дорогу до пансиона я фантазировала, как чугунной кочергой без жалости разбиваю не только фамильный сервиз Чейсов, но и окна в их столовой. Когда после мысленного погрома в поместье не осталось ни одного целенького стекла, я наконец успокоилась.

Возле ворот особняка стояла карета, запряженная парой рыжих лошадей, и с помпезным гербом рода Терри на дверце. Однажды в порыве откровенности Зои призналась, что фамильный знак не был подарен королем, как всем аристократическим семьям, и нашей в том числе, а отец купил его в геральдическом обществе подалеже от столицы Но-Ирэ, чтобы никто не узнал.

Я прибавила шаг и на пороге едва не столкнулась с огромным дорожным сундуком, размеренно и спокойно вылетающим из особняка на улицу. Пришлось прижаться к перилам и пропустить тяжеловеса, самостоятельно направляющегося к карете.

Зою в пансионе любили, и провожать вышли почти все, кто оказался в это время в доме, кроме мадам Прудо. По вторникам хозяйка особняка наносила визиты подругам, да и с жилищками старалась тесно не общаться. Зато сердобольная кухарка держала наготове корзинку со снедью, накрытую вышитой салфеткой, чтобы в

удобный момент сунуть в руки любимице. Впрочем, она всем что-нибудь собирала в дорогу, словно из академического городка до Но-Ирэ было добираться не три часа, а целый световой день.

– Чарли, как хорошо, что ты вернулась до моего отъезда! Успеем попрощаться! – воскликнула Зои. – Как экзамен?

– Сдала.

– Обязательно отметьте вместе с Вербеной! – велела она и кивнула на нашу третью соседку, поглядывающую на меня, мягко говоря, выразительно.

Мы общались только из-за Зои и разделяли единодушное нежелание праздновать закрытие экзаменационной декады друг с другом.

– Непременно, – вразнобой и без большого энтузиазма ответили мы.

Зои издевательски фыркнула, крепко обняла меня на прощание и, щекоча рыжеватыми кудряшками, зашептала на ухо:

– Искренне желаю, Чарли, чтобы ты в следующем году не передумала насчет разрыва помолвки.

– Почему нельзя традиционно пожелать счастья? – тихо хмыкнула я.

– Речь именно о счастье! – как будто даже обиделась она за то, что мне не хватило воображения разгадать витиеватое поздравительное послание.

Мы вышли за порог, чтобы посмотреть, как Зои усаживается в карету. Прежде чем забраться в салон, она помахала нам рукой и наконец уселась. Слуга закрыл дверцу.

– Ты бросила своего жениха потому, что ждешь ребенка от северянина? – проговорила Вербена.

– Я что?!

Больше ничего сказать не удалось, потому как от возмущения я подавилась на вздохе и раскашлялась.

– Нет? – уточнила Вербена.

– Господи, в жизни большей чуши не слышала! – охнула я. – Об этом в пансионе сплетничают?

– Это сугубо мое предположение, – призналась соседка.

– Ты с кем-нибудь им делилась?

– Сначала решила тебя спросить, – как ни в чем не бывало пожалала она плечами. – Выходит, Чарли, тебе нужно особое снадобье.

– От чего?

– Для чего, – деловито поправила она, вглядываясь в мое лицо с таким вниманием, словно пыталась отыскать признаки интересного положения. – Для того чтобы у тебя по-прежнему не появился ребеночек.

Пока у меня только нервный тик появился! Глаз характерно дернулся, и я процедила:

– Спасибо, но не надо.

– Как хочешь.

Поежившись от холода, Вербена поплотнее завернулась в вязаную шаль и нырнула в теплый холл.

– Обращайся, если понадобится! – крикнула мне оттуда.

Когда я вошла в комнату, первым делом бросилась к почтовой шкатулке, мерцающей золотистым свечением. Поспешно открыла крышку. Внутри лежали свернутые трубочкой и перевязанные красной лентой каталоги мод из столичного ателье, где мама любила заказывать бальные платья. Больше ничего! Отец по-прежнему сохранял дипломатичное молчание. Похоже, в отличие от Зои, он надеялся, что я передумаю насчет помолвки. Или полагал, будто мы с Алексом просто поссорились и письмо было отправлено в сердцах. В таком случае, его ждало большое разочарование, ведь менять решение я не собиралась.

На первое в своей жизни свидание я прихорашивалась дольше, чем на новогодний бал в королевском дворце, куда мне просто вручили уместное платье и туфли, а вместе с ними в комплекте шли прическа, макияж и прочая красота. Украшения, правда, в тот раз выдали фамильные. В колье с топазами, заговоренном от темной магии, плясала еще бабка Тэйр на первом королевском балу. Но в то время без амулетов вообще в людные места не совались, особенно на королевские приемы. А к выбору одежды для встречи с Ноэлем стоило подойти с умом!

В итоге я очень по-умному перемерила половину гардероба, завалила платьями всю кровать и остановилась на плотных брюках со свитером. Одевшись, некоторое время с любопытством рассматривала себя в зеркале. Почти мужской наряд должен был выглядеть скромно,

но штаны плотно облегли бедра, подчеркивая стройность и длину ног. Ничего скромного в этом, конечно, не было.

Короткая дубленая куртка делу тоже не помогала: у меня имелся реальный шанс или отморозить филей, или отбить его о лед, а может, все сразу, одним махом, но я не переделалась бы даже под угрозой смертельного заклятия. Совершенно точно из отражения смотрела стройная девушка, а не мальчик в шапочке, как любила презрительно говаривать мама, увидев на мне брюки.

Подкрасив губы полупрозрачным блеском, я бросила последний взгляд на спящую почтовую шкатулку, повесила через плечо кошелек и вышла из комнаты. Так боялась опоздать, что в итоге на нарядную площадь, в центре которой силами магов был залит каток идеально круглой формы, приехала на десять минут раньше. От волнения забыв на сиденье перчатки, выскочила из кареты и, совершенно не чувствуя холода после согретого магией салона, принялась крутиться на месте.

Жизнь вокруг была ключом, бурлила круговертью. В воздухе разливалось волнительное ощущение праздника. Неизбежный Новый год пах хвоей, горячим вином с корицей и сладким ванильным ароматом теплого мороженого, много лет назад придуманного известным магом-кулином. Знаменитое шай-эрсское лакомство, рецепт которого знала любая домохозяйка, согревало в мороз и дарило приятную прохладу в жару. К слову, никогда не любила мороженое. Ни теплое, ни холодное.

Вокруг было много света: горели уличные фонари, гордо светилось высоченное новогоднее дерево с яркой звездой на макушке, на деревянном бортике катка мерцали гирлянды. От переизбытка световой магии, казалось, абсолютно все должно было колотиться магическим током.

Ноэля я нашла у входа на лед. Он стоял в круге света, смотрел в другую сторону, словно ждал моего появления от часовой башни. Без шапки, с аккуратно собранными в косу волосами, в толстом шарфе, плотными кольцами обвязанном вокруг шеи. В опущенной руке он держал, по-видимому, взятые напрокат коньки. Пару длинных лезвий и пару коротких, явно на изящную женскую ногу.

Словно почувствовав слежку, он повернул голову и безошибочно нашел взглядом меня. На лице вспыхнула улыбка, противиться которой

было невозможно. Стараясь не поскользнуться на утопанной дорожке, я быстро преодолела разделяющее нас расстояние.

– Ты приехала раньше, – мягко произнес он.

– Как и ты, – согласилась я.

– Поздравляю со сдачей экзамена, Чарли. Говорят, ты была неотразима.

– Мне повезло с репетитором. Он поклонник классической литературы и подкинул парочку таких впечатляющих фраз, что я мигом превратилась в отличницу, а мой акцент из деревенского стал самобытным, – коротко пересказала я, как проходила пересдача. – Ты успел взять коньки?

– Надеюсь, угадал с размером. – Он посмотрел на лезвия, свисающие на длинных шнурах. – Умеешь кататься?

– Никогда не пробовала, – ни капли не смущаясь, с честным видом покачала я головой. – Настоящих леди в Шай-Эре учат ходить на каблуках, а не кататься на коньках.

– Почему? – как будто искренне удивился северянин.

– На танцевальном паркете в коньках не попляшешь. Да и туфли быстрее изнашиваются, всегда есть повод купить новые, – пошутила я. – Ты меня научишь?

– Разумеется, – включился он в игру. – Я запросто научил сестер.

– У тебя есть сестры? – встрепенулась я.

– Да... были, – отрывисто бросил Ноэль.

Всегда считала, что лезть к человеку в душу и выпытывать личное, если он не желает этим личным делиться, – дурной тон.

Дыша на дубеющие пальцы, я зачарованно следила за тем, как северянин аккуратно подвязывает коньки к подошве моих сапог.

– Где твои перчатки? – не поднимая головы, спросил он и покрепче затянул последний узел.

– Оставила в экипаже, – вынужденно призналась в рассеянности.

Не комментируя типично девичью забывчивость, Ноэль взял со скамьи аккуратно сложенные кожаные перчатки и по очереди натянул на меня. Сначала на правую, а потом на левую руку. Обалдевшая, я сжала и разжала кулаки, пальцы согревались в теплых подбитых мехом коконах. Мысль, что вещь принадлежит Ноэлю, вызывала необъяснимый трепет.

– Неудобно?

– Прекрасно! – излишне поспешно выпалила я и немедленно почувствовала себя обалдевшей дурочкой с екающим сердцем.

Он справился со своими коньками быстрее, чем с моими. Ловко поднялся со скамьи и протянул раскрытую ладонь. Пальцы у него даже не покраснели, словно оказались нечувствительными к морозу.

– Идем?

– Хорошо. – Я схватила его за руку и поднялась.

Тут-то и стало понятно, что изображать неуклюжесть не придется! Если я кого-то и напоминала, то явно не королеву катка, а королевскую корову на катке, неспособную поймать равновесие и совладать с непослушными копытами. За несколько лет, что мне не удавалось встать на коньки, тело напрочь забыло, как следовало двигаться, чтобы не отбить филейную часть о лед или не припасть к нему губами... носом, лбом и вообще всем лицом, потеряв пару передних зубов.

– Все хорошо? – уточнил Ноэль, крепко придерживая меня за талию. – Не бойся, Чарли, я обязательно тебя поймаю.

– А если я все-таки упаду?

– Помогу подняться. Знаешь, как в восточном Норсенте говорят? – Он перешел на диалект: – Что не лежало три секунды, то вообще не падало.

– Очень смешно, – фыркнула я, действительно с трудом сдержав смех. – Ты заметил, что сказал обо мне в третьем лице?

– Это не я, а глубокая народная мудрость, – смеясь, парировал он.

По идеально ровному льдистому полотну, похожему на черное зеркало, скользили люди. Катались парами, компаниями, держась за руки и по одиночке, умело и неловко. Кто-то выписывал коньками необычные пируэты, другие едва переставляли ноги, некоторые держались за бортики.

– Аккуратно, Чарли! – Ноэль легко оттолкнулся, увлекая нас обоих в людской поток, и начал давать инструкции, как не сковырнуться с коньков. Впрочем, очень скоро я почувствовала баланс, преодолела неуклюжесть и довольно уверенно двигалась, удерживая равновесие.

– И давно? – пробормотал он мне в макушку.

– Что? – с невинным видом уточнила я, от его близости ощущая щекотку под ложечкой.

– Ты научилась кататься на коньках.

– Весьма, – расхохоталась я и, хлопнув его по плечу, выкрикнула: – Ты водишь!

От неожиданности он выпустил меня из объятий, позволяя легко, точно не касаясь поверхности коньками, пролететь по льду и красиво остановиться.

– Салки, Ноэль! – обернулась я, расставив руки. – В Норсенте не играют в салки? Ты водишь!

– Что будет, когда я тебя поймаю, принцесса?

– Для начала поймай, – подзадорила я.

Вообще-то, как именно будет подведен счет, представлялось смутно, но в голове уже забурлили мысли, и даже самые скромные из них вызывали в животе предательский спазм. Признаться, я не сильно разгонялась, боясь, что не успею затормозить и влечу в бортик, перевернусь вверх тормашками, воткнувшись головой в сугроб... Но Ноэль мгновенно включился в игру и нагнал меня прежде, чем я успела в кого-нибудь или во что-нибудь врезаться. Крепкие руки сомкнулись вокруг моей талии, спина прижалась к теплой широкой груди.

– Поймал!

Ноги разъехались. Неожиданно даже для себя ужом я выскользнула из объятий и нырнула вниз. Некоторое время мы оба пытались вернуть мне вертикальное положение, но сила скольжения победила! Огни перед глазами затанцевали, шапочка свалилась с головы, перчатки разлетелись в разные стороны. Огласив каток бранными ругательствами, мастерски точной подсечкой я сбила Ноэля с ног и рухнула рядышком с ним. Отбитыми оказались бок, плечо и очень больно – чувство собственного достоинства. Филей в этой схватке за равновесие вообще не пострадал.

Улегшись на спину, северянин прикрыл глаза ладонью. Сильное тело сотрясалось от хохота.

– Ты точно не принцесса, Чарли Тэйр!

– Просто сделай вид, что ничего не слышал, – с трудом выдохнула я, переворачиваясь на лопатки. Пучок растрепался, волосы лезли в глаза и в рот. Свалились мы почти в центре, и рядом пронеслись люди.

– Господи, я не могу вспомнить, когда последний раз падал на лед! – продолжал от души веселиться парень. – По-моему, вообще

никогда, особенно на катке!

– Только не надо выпендриваться, Ноэль Коэн! Если я немножечко покатаюсь, то ты меня не сможешь догнать! – Я села как получилось, не пытаюсь принять изящную позу, и сердито пихнула его кулаком в плечо: – Прекрати смеяться!

– И когда смеялся в последний раз, тоже не помню, – вдруг признался он. – Сейчас кажется, что никогда.

– А? – очередной раз продемонстрировала я чудеса интеллекта и виртуозное умение облекать мысли в слова. Просто гений в искусстве флирта! Уровень: богиня.

Неуловимым движением Ноэль схватил меня за руки и ловко привлек к себе. Я фактически плюхнулась ему на грудь и, ошарашенная неожиданной близостью, немедленно попыталась отстраниться. Тяжелой ладонью он надавил мне на поясницу, заставляя одновременно и прогнуться, и прижаться к сильному телу. От властного жеста я даже притихла, а огромный мир, озаренный фонарями, гирляндами и уличными огнями, сузился до светло-карих теплых глаз.

– Ты нравишься мне такой, Чарли Тэйр, – прошептал он на диалекте так серьезно, словно мы клялись в вечной любви в храме, а не валялись, как последние дураки, посреди центрального катка.

– Какой? Сквернословящей?

– Неидеальной.

Если еще пять минут назад я боялась отморозить на льду зад, то теперь опасалась, как бы этот твердый, гладкий лед под нами не расплавился. Захлебнуться в промоине в центре Ос-Арэта было бы настолько нелепо, что о нашей глупой смерти наверняка написали бы в газетных листах, а потом придумали скабрзные анекдоты или ночные страшилки.

– А вы правы, друзья! – проскрипел рядом заполошный голос. – Из этого ада лучше всего выбираться ползком!

Мимо нас на карачках полз парень в расстегнутом пальто с эмблемой счетоводческой академии на рукаве. За ним хвостом волочился длинный полосатый шарф.

– Проползти на лопатках не удалось, но на коленках получается споро! – сам себе бормотал он как сумасшедший. – Ой, мать божья!

Руки у бедняги разъехались в разные стороны, и он едва не уткнулся носом, как клювом, в поцарапанное заточенными коньками льдистое полотно.

– Уважаемый, вам помочь? – зачем-то спросила я, хотя было очевидно, что лучше бы озаботилась тем, как сама буду изящно подниматься на ноги, изображая гибкую горную лань, а не королевскую корову с плодородных низинных лугов.

– О да! – проскрипел «уважаемый», с завидным упорством продолжая движение уже на локтях. – Просто убейте меня к демонам, господу маги, и остановите этот кошмар!

В общем, рановато я записала нас в герои анекдотов, на катке и других претендентов на это почетное звание хватало.

Для приличия, чинно держась за руки, мы сделали пару степенных кругов вокруг катка. Никто не пострадал, в том числе бедняга с полосатым шарфом. Он благополучно добрался до бортика и, высоко поднимая колени, словно в туфлях на высоких каблуках, тихонечко доковылял до открытых воротец.

– Я впервые оказался в Шай-Эре на новогодних праздниках, – признался Ноэль, когда мы вернули коньки в прокатную лавку и прогуливались по ярмарочной улице между разноцветных домиков с игрушками для новогодних деревьев.

– У нас хорошо? – лукаво спросила я.

– Мы празднуем с большим размахом.

– Эй, да ты просто не проникся новогодним настроением, ворчливый сноб! В Шай-Эре самые лучшие праздники! Тебе срочно нужно теплое мороженое с ванилью, горячее вино с корицей и имбирные пряники.

– Не люблю имбирные пряники, – заметил Ноэль.

– Тогда овсяное печенье. – Я с улыбкой обернулась к нему. – Оно, конечно, не то чтобы очень новогоднее, но его люблю я. Идем!

Я схватила его за руку и решительно потянула в сторону маленькой питейной с традиционным венком из остролиста на двери, двускатной остроконечной крышей и тускло освещенными окнами.

– Сомневаюсь, что в традиционной шай-эрской питейной будет печенье, пряники и мороженое, принцесса, – хмыкнул Ноэль, впрочем, совершенно не сопротивляясь.

– Зато там наверняка будет горячее вино.

Внутри заведения нас обступили полумрак и шумные разговоры. Горел большой камин, на широких столах в стеклянных колпаках лучились свечи. По каменным необработанным стенам от людских фигур танцевали тени. Свободных мест практически не было – все, кто замерз на катке или на прогулке по новогодней ярмарке, теперь отогревались горячим алкоголем.

В нерешительности я остановилась на пороге, не понимая, куда делся распорядитель зала, рассаживающий гостей по столикам... по общим столам и лавкам.

– Чего ты ждешь? – развязывая шарф и расстегивая куртку, тихонечко спросил Ноэль.

– Кого-нибудь, кто нас проводит в зал? – смутно понимая, что несу страшную чушь, вопросительно произнесла я.

– Мне просто любопытно, Чарли, ты когда-нибудь была в обычных питейных?

– Питейная при королевском мужском клубе считается?

– Понятно... – насмешливо хмыкнул он и махнул рукой, предлагая не стоять на пороге, а спуститься в зал и поискать свободные места. Очевидно, что в подобных заведениях ему бывать приходилось, и, возможно, не раз.

Никем не остановленные, да и вообще не вызвавшие у подавальщиков ровным счетом никакого интереса, мы прошли в глубь помещения. Тепло от камина до дальних столов не доходило, а народ тянулся к огню и предпочитал толкаться локтями. Нам достались места в углу. Сесть пришлось рядом, а не напротив друг друга. В полумраке остро ощущалось, как мы прижимались коленями, и, казалось, в том месте, где наши тела соприкасались, проходили магические разряды.

Как ни странно, подавальщик появился немедленно и, через головы соседей, перекрикивая разговоры, огласил разом все меню:

– Красное и белое вино с пряностями, овсяный взвар, теплый имбирный эль и ванильный пунш с бренди. Что нести?

– Смотри-ка, – тихонечко проговорила я Ноэлю, – конечно, не новогоднее печенье, но вкусы-то похожи.

Скрыв смешок за кашлем, он попросил принести нам горячее красное вино и заявил, что проникаться новогодним настроением стоит вдвоем. Вскоре перед нами выросли высокие глиняные кружки с

горячим, пахнущим корицей алкоголем, встала тарелка с острыми орешками в перцовой обсыпке – традиционной шай-эрской закуской. Я с интересом проследила, как Ноэль, попробовал напиток, с уважением кивнул и отставил кружку.

– Чувствуешь, что в тебя проникает праздничный дух? – пошутила я.

– Пока нет, но вино хмельное.

Я аккуратно отпила из своей кружки. Вино действительно оказалось крепким и пряным на вкус. По горлу прокатился горячий комок, упал в желудок. Внутри растеклось приятное тепло, а в голове мгновенно стало легко.

– Что скажешь? – Ноэль прихлебнул угощение и ленивым жестом убрал с лица выбившиеся из косы разноцветные пряди. – Чувствуешь приближение смены времен?

– Пока я чувствую, что начинаю очень быстро хмелеть, – призналась я. – Вообще, чтобы ощутить себя настоящим шай-эрцем, ты должен сыграть в застольную игру.

– То есть тихо-мирно выпить вы не любите, обязательно нужно напрягаться, – хмыкнул он.

– Это называется «развлекаться»! – рассмеялась я. – После таких игр люди сближаются, вместе ночуют под столом, иногда встречаются лицами в одной тарелке.

– И часто ты играла в застольные игры?

– С мужчиной – ни разу, – призналась я. – Сыграем в пять честных ответов? Задаем друг другу по пять откровенных вопросов, на которые нужно дать абсолютно честные ответы. Тот, кто не хочет отвечать, опустошает свой бокал.

– Теперь я понимаю, почему после игр вы встречаетесь лицом в тарелках, – хмыкнул он и с улыбкой кивнул: – Дамы вперед.

– Твоя стихия в магии? – не раздумывая ни минуты, спросила я о том, что страшно хотела узнать, но боялась показаться бесцеремонной.

– Свет, – без колебаний ответил он и с выразительной улыбкой отсалютовал мне кружкой. – Воздержись от комментариев.

Ирония заключалась в том, что с первоуродного языка «Коэн» переводилось как «башня тьмы».

– Я очень стараюсь, – с трудом удерживаясь от смеха, согласилась я.

– Почему мертвые языки? – между тем задал Ноэль следующий вопрос.

– В Ос-Арэте учат или высшую магию, или абсолютно бесполезные в жизни вещи. Магического таланта мне не досталось, с живыми языками тоже возникают сложности, но мертвые – абсолютно моя тема. Они не меняются, застыли во времени, и в них легко разобраться. Если ты услышишь, как я говорю на первородном, то точно влюбишься!

– Скажи, – кивнул он.

– Что? – чуточку обалдела я.

– Что-нибудь на первородном.

– Не боишься влюбиться? – ухмыльнулась я.

– Не вижу в этом ничего плохого, – улыбнулся Ноэль.

Для храбрости я отхлебнула пьянящего вина, потому как ухмыляться, конечно, была способна, но справиться с грохочущим в груди сердцем – не удавалось. Ирэна Чейс, пусть она и помянута не к месту, утверждала, что алкоголь расслабляет. Видимо, поэтому она практически никогда не расставалась с маленькой золотой флягой.

– Хорошо... – Я обтерла вспотевшие ладони о колени и произнесла на древнейшем языке: – Рядом с тобой мое сердце трепещет.

Показалось, что в питейном зале вдруг сделалось очень тихо, словно все разговоры и гул голосов исчезли и мы остались одни, спрятанные за пологом безмолвия и невидимости. Не отводили друг от друга взгляда. В лучистом свете глаза Ноэля блестели, на чувственных губах блуждала едва заметная улыбка. Почти уверена, он меня понял.

– И никакого самобытного акцента, – вымолвил он, подтверждая догадку.

– Ты уже влюбился? – усмехнулась я.

– Мне просто интересно, что ты сделаешь, если услышишь положительный ответ? – Он хитро сощурился. – Сбежишь?

– Вполне вероятно, – согласилась я.

– Твоя очередь спрашивать, принцесса, – легко вернулся Ноэль к игре.

– Маэтр Коэн? – с вопросительной улыбкой коротко спросила я.

– Услышала, значит, – усмехнулся он, мгновенно припомнив разговор у декана и появление куратора, обратившегося к Ноэлю этим

уважительным словом. – Наша семья довольно известна на полуострове.

Он замолчал.

– И все?

– И у нас сложные отношения.

– Между собой?

– В том числе, – коротко договорил он, давая понять, что если приоткрыл чуточку дверь в личное, то не надо пытаться открывать ее ногой. – Кто научил настоящую леди, дочь уважаемого посла, так задорно сквернословить?

У меня вырвался испуганный смешок. Я ожидала любого вопроса, но не о своем словарном запасе бранных ругательств, который вообще-то тщательно скрывала. Но, как говорится, иногда характер лез даже из ушей.

– Ты удивишься, какие цветистые выражения знают скромные гувернантки и чопорные преподаватели по этикету, если их разозлить.

– Ты была хулиганкой, принцесса?

– Я могла быть невыносимой, – согласилась я и тут же бросила очередной вопрос: – Почему ты приехал в Шай-Эр?

– Не скажу, что мое мнение по этому поводу учитывали.

Он сделал такой глубокий глоток вина, не остывающего в заговоренной кружке, что невольно напрашивался еще один, возможно, бестактный вопрос:

– Жалеешь?

– Нет. – Ноэль бросил на меня взгляд из-под длинных ресниц. – С тех пор как вышел из экипажа во дворе Ос-Арэта, не жалею.

– Поразили красивые горные виды?

– Посмотреть было на что, – согласился он, и я едва не спросила, о чем именно мы говорим, ведь очевидно, что не о природе. – А ты, Чарли? Есть какой-нибудь дурацкий поступок, о котором жалеешь ты?

– Я не склонна к сожалениям, но сейчас взяла бы паузу, прежде чем позволила кому-то повязать себе на руку обручальную нить.

Впервые в жизни меня переполняло столько эмоций, столько красивых чувств! Неприятно думать, что, будучи чьей-то номинальной невестой, я не имела на них права. Хотелось поскорее закрыть тему, чтобы вокруг нас не начал витать дух Алекса и не испортил вечер.

– Что за фразу ты сказал на балу в академии?

– Фразу? – не понял или сделал вид, что не понял, Ноэль.

Я попыталась передать ее четко, как на экзамене, но выпитое горячее вино сделало язык ужасно неповоротливым.

– Ты про это... – Он с легкостью повторил слова, и, произнесенные сексуальным голосом Ноэля, они вызвали мурашки. – Я действительно ее сказал?

– Да! – Я щелкнула пальцами. – Профессор Канахен отказался переводить и заявил, что нужно обращаться лично к тебе. Переведи!

– Говоришь, надо выпить до дна, если не хочешь отвечать? – Со странной улыбкой Ноэль посмотрел в свою кружку, сделал пару ритуальных глотков и отставил на стол. – И раз мы заговорили о том вечере... Почему ты вернулась ко мне, Чарли?

– Ты красивый, – полушутя ответила я и, помолчав, добавила: – И еще ты был первым, кто предложил мне помощь. В смысле, вообще самым первым. Мне всегда самой приходится разбираться... с разными неприятными ситуациями, а потом с последствиями. И мне очень понравилась твоя сережка.

Я указала пальцем на шарик, вставленный в свод его уха. Северянин не отрывал от меня взгляда, словно замороженный.

– О чем ты сейчас думаешь, Ноэль?

– Это твой пятый вопрос? – словно вернулся он в реальность.

– Да.

– О том, каким будет наш первый поцелуй.

Неожиданно меня бросило в жар. Какое счастье, что наш угол утопал в глубоких тенях, с которыми не справлялся тусклый свет свечи, и никто, даже Ноэль, не мог заметить, как у меня вспыхнули щеки.

– Мы уже целовались в первый раз, – наверное, чуточку нервно хмыкнула я.

– Нет, – покачал он головой, – в тот раз был не поцелуй, а только намек, как может быть.

– А есть разница?

– Хочешь узнать? – вымолвил он с улыбкой.

– Более чем...

Ноэль воспользовался приглашением тут же, без колебаний и лишних разговоров, словно только его и дожидался. Его ладонь скользнула по моей щеке и уверенно легла на затылок. Неожиданно

кожу в том месте, где касалась его рука, закололо от магии. Дыхание перехватило, по спине побежали мурашки. Второй раз я – в прямом смысле этого слова – чувствовала, как он призывал силу, уверенную и спокойную, как безбрежный океан, в котором так легко затеряться. Удивительное ощущение!

Вокруг нас стремительно сгустились тени, через полог едва-едва проступал огонек свечи. Теперь можно было не стесняться соседей по столу – очевидно, мы стали невидимыми для остального зала.

– Закрой глаза, принцесса, – прошептал Ноэль, подаваясь вперед.

Я подчинилась без колебаний и вздрогнула, когда наши губы встретились. Судорожно вздохнула, и его язык мгновенно проник в мой приоткрытый рот. Чувственная, дурманящая ласка выбила из головы абсолютно все мысли. Из живота поднялась горячая тягучая волна, вызывающая немедленное желание избавиться от одежды, по крайней мере хотя бы от ее части. Той, что не давала прижаться к мужскому телу и ощутить обнаженную горячую кожу.

Поцелуй закончился, но меня по-прежнему охватывали чувственная волна и опасные желания. Мысли находились в хаосе, кровь бурлила, сердце колотилось...

– Чарли? – позвал Ноэль.

С трудом я сосредоточилась на его лице. Свет медленно возвращался, и было видно, что светло-карие глаза потемнели от желания.

– Не снимай полог, – пробормотала я и первая подалась навстречу его волшебным губам, умеющим выделять те самые потрясающие штуки во время поцелуев, описанные в откровенных романах...

Когда мы вернулись в пансион, почти все окна в особняке погасли. Только на третьем этаже, в апартаментах мадам Прудо, горел свет. За воротами Ноэля дожидался извозчик, но попрощаться не было сил. Мы стояли на крыльце под уличным фонарем, дышали морозным воздухом и никак не могли расстаться.

– Тебе надо идти, – с сожалением вздохнула я, понимая, что карета вечно ждать не будет. – До встречи.

– Увидимся в следующем году. – Он мягко погладил мою щеку холодными пальцами и с видимым сожалением убрал руку в карман. Похоже, подальше от греха. Целоваться на пороге женского пансиона

было дурацкой идеей, несмотря на то что лично мне она несказанно нравилась.

Когда он спустился со ступенек, я решилась:

– Ноэль!

Он обернулся.

– У тебя есть планы в новогоднюю ночь? – От собственной смелости у меня закружилась голова. – Мы могли бы...

– Извини, Чарли. Нас пригласил ректор. – Он покачал головой. – Я хотел бы отказаться, но действительно не могу.

– Не бери в голову! – Я фальшиво улыбнулась и решительно запретила себе испытывать разочарование. – Встретимся после праздников!

Он было направился к карете, но вдруг развернулся и быстро поднялся по ступенькам. Сжав мой подбородок пальцами, Ноэль нагнул голову и быстро поцеловал меня приоткрытыми губами. Странно, как я в один миг не расплавилась и не растеклась у него под ногами лужей. Видимо, не позволил трескучий мороз.

– Благополучной смены времен, Чарли.

– И тебя с Новым годом, Ноэль.

В холл я заходила полупьяная от счастья. Хорошо, что на лестнице никто не встретился, точно приняли бы за сумасшедшую. В темноте спальни на секретере светилась шкатулка. Я зажгла верхний свет и, на ходу скинув куртку, нервно пересекла комнату. Внутри почтового артефакта действительно лежало долгожданное письмо от отца, скрепленное его личной печатью.

Непослушными пальцами я вскрыла и развернула послание. На белой мелованной бумаге ровным столбиком отец перечислил абсолютно все принадлежащее мне имущество и даже то, что четыре года назад досталось в наследство от покойной бабушки Тэйр. Ниже шла приписка самым нейтральным тоном, на какой был способен папа в сложившейся ситуации:

«Половина твоего приданого останется за Чейсами. Выбери, от чего ты готова отказаться».

Глава 4

Способ умереть от неловкости

Вообще, если жених с невестой не расходились любовно, то отступные были обычным делом, и в королевском своде законов имелась отдельная статья на этот счет. Просто я никогда не интересовалась, какое именно соглашение подписали родители с Энтоном Чейсом. В то время меня больше всего волновало то, как быстро, безотказно и качественно влюбить в себя Алекса, а не то, сколько придется заплатить семье жениха, когда он меня окончательно достанет.

Едва не сев мимо, я поймала задом стул, выхватила из стопки чистый лист и, стараясь писать относительно ровно, задала не слишком своевременный вопрос:

«Другими словами, за сомнительную честь потрепать себе нервы, будучи невестой Александра Чейса, я вынуждена отдать бабушкино поместье? Зачем Чейсам мое поместье? У них свое в Ос-Арэте неплохое!»

В гневе я швырнула записку в шкатулку и шибанула крышкой так, что от грохота зазвенело в ушах. Артефакт послушно проглотил послание и доставил его в Эл-Бланс. Учитывая, что сейчас у отца была середина ночи, я не рассчитывала на ответ, тем более на свой риторический вопрос, но папа неожиданно его прислал.

«Если тебя это успокоит, вы с Александром в равном положении. Дай мне знать, какое примешь решение».

– Чудесно! – процедила я, сминая листик в кулаке.

Всю ночь крутилась и вертелась в кровати, забывалась беспокойным сном, но потом опять просыпалась. Выпила бы волшебную настойку пустырника, но всю проглотила перед экзаменом и ни капли не оставила на тот случай, если вдруг начну закипать от ярости, как забытый на горячем очаге чайник.

По средам с утра, когда нормальные люди еще спали, у Алекса проходили тренировки по боевой магии. Он участвовал в академических турнирах и традиционно выходил в них победителем.

Толком не подремав, я поднялась с кровати, неторопливо собралась: нанесла на лицо специальный крем, мигом замаскировавший следы бессонной ночи, заколола распущенные волосы и надела простое на вид, но неприлично дорогое платье. Перекусив в кухне с брюзжащей кухаркой, уехала в академию в то время, когда почти опустевший к праздникам пансион и не думал просыпаться.

Расчет оказался верным: Алекс действительно нашелся в одном из тренировочных залов восточного крыла. Я вышла на балкон, опоясывающий огромное гулкое помещение по периметру. Обычно во время тренировок, особенно вечерних, у высокой балюстрады толпился народ, в основном восторженные поклонницы, но перед праздниками студенты разъехались. Было непривычно тихо.

Шел перерыв. Ученические шесты были возвращены на стенные стойки. В воздухе ощущался свежий, словно грозовой запах. На время поединка арена сама собой затягивалась прозрачным и непроницаемым для заклятий пологом, но широкие перила, отполированные локтями до гладкости, все равно чувствительно кусались магическими разрядами. Страшно представить, какое напряжение витало во время спаррингов, пусть и тренировочных.

Парни, одетые в черную спортивную форму, а некоторые и вообще только в ее нижнюю половину, переговаривались вполголоса, однако их разговоры доносились до балкона лишь невнятным эхом. Не то чтобы меня интересовали бледные чахлые торсы сокурсников Чейса-младшего или их разговоры.

– Алекс! – сверху окликнула я жениха.

Позвала одного, но повернулись абсолютно все парни. Едва не закатив глаза на проявление коллективного разума, я мотнула головой, прося Александра подняться. Неожиданно он посмотрел куда-то в сторону. Оказалось, в нише на скамье сидела знакомая стипендиатка с пухленькой книгой, раскрытой на коленях.

В смятении пассия Алекса подняла на меня глаза и опалила горячим взглядом. Делать вид, будто она незаметна на фоне некрашенных стен, никто не собирался. С высокомерной усмешкой и с королевской надменностью я кивнула ей, давая понять, что не страдаю проблемами со зрением и прекрасно ее рассмотрела. Девушка быстро опустила голову и притворилась, будто страшно увлечена чтением.

Дождаясь, пока Александр поднимется на балкон, я повернулась к залу спиной и оперлась о высокую балюстраду. За окном медленно расцветали грязноватыми сумерками оцепенелые окрестности. Низкие облака, почти лежащие на скалистых пиках, грозили скорым снегом. Горный пейзаж был мрачен, монохромен и уныл.

– Судя по тому, что ты здесь с раннего утра, вчера пришел ответ отца и он тебе не понравился, – вместо приветствий произнес Александр, прислоняясь спиной к перилам рядом со мной.

– И тебе доброе утро, – покосившись на него, сухо отозвалась я.

Он был взлохмачен и полон бурлящей энергии. Стараниями знахарей разбитые губы зажили, не осталось ни синяка, ни намек на недавнюю драку в центральном холле. В руках он держал обтянутый коричневой кожей термос. В нем наверняка плескался охлажденный восстанавливающий тоник, дикая смесь из травяного отвара и сока растения аскаром, повышающего уровень магии в крови. Вроде кофе для страдающих от недосыпа. Почему-то немедленно вспомнилась коробка с шариками галькою, и от неприятных мыслей я высказалась резче, чем хотела:

– Ты ведь знал, какое соглашение заключили наши родители?

– Добро пожаловать во взрослый мир, моя милая невеста.

– Бывшая, – поправила я.

– Вообще-то, нет.

Рассматривая вид за окном, он лениво отвинтил крышку термоса и прихлебнул тоник. Неожиданно пришло понимание, что близость Алекса больше меня не волновала, как и присутствие той умненькой простушки с книжкой внизу. Удивительно: я бесконечное время полыхала Александром Чейсом-младшим, но перегорела как будто вдруг, в один момент, и ничего внутри не отыскивалось.

– Как ты планировал расторгнуть помолвку, чтобы не приплачивать моим родителям?

– Если бы мы вместе объявили о нежелании жениться, то им пришлось бы подчиниться и отменить соглашение. Например, на твой день рождения официально закончить со всем этим брачным абсурдом. Он ведь у тебя в январе?

– Господи, ты даже запомнить не смог... – пробормотала на выдохе.

– Что? – не расслышал Алекс.

– Значит, так и будем действовать!

Я запретила себе оценивать его слова и фантазировать, как именно он думал убедить меня, что пора бы знать честь и свалить на все четыре стороны с почетной должности его временной невесты. С другой стороны, не пришлось бы платить собственным наследством за то, что меня торжественно бросили в день совершеннолетия.

– Напишу папе, что ты тоже заинтересован в разрыве соглашения, – резковато произнесла я. – Не собираюсь отдавать твоему отцу бабушкино поместье.

– Вообще, я тоже не планировал отдавать поместье в Ос-Арэте и мамины драгоценности, – насмешливо отозвался он.

А я и не знала, что богатая коллекция украшений первой госпожи Чейс должна была отойти нашей семье в качестве компенсации. Мать Алекса умерла, когда мы были совсем детьми. Я помнила ее очень смутно и больше по портретам, спрятанным на чердаке поместья Чейсов: красивая ухоженная женщина, одетая, как на прием к королю. Сыну достались ее пронзительно-синие глаза.

– Твой отец приезжает сегодня? – уточнила я. – Когда ты с ним поговоришь?

– Слушай, Шарлотта... давай не будем портить Новый год, – неожиданно замялся Алекс. – Поднимется шумиха, Ирэна напишет Лилии, а у меня планы на эти выходные дни...

Тут он был прав. Катаклизм случится страшный! Папа ничего не рассказывал маме, ожидая моего решения, поэтому пока нервная система окружающих и моя в том числе были в относительной безопасности.

– Хорошо, – буркнула я недовольно. – Соглашаюсь только потому, что знаю характер своей матери. Но на мой приезд на новогодний прием не рассчитывай.

– Слышала поговорку «блажен, кто верует»? – усмехнулся он.

– Нет, но удивлена, что ее знаешь ты, – огрызнулась в ответ. – Я пошла!

И только развернулась, чтобы с гордым видом, возможно, покачивая бедрами, удалиться из зала, продемонстрировав замечательный задний фасад дорогущего платья, как в затылок прилетело самым язвительным из всех возможных оттенков голоса:

– Кстати, как прошел урок фигурного катания?

Господи, опять эта дурацкая привычка заставлять человека останавливаться! Бесит страшно.

– Не надо так громко завидовать, Алекс! – не оборачиваясь, помахала я рукой.

– С каких пор ты стала такой язвой, Шарлотта? – фыркнул он.

– Всю жизнь такой была, – отдаваясь, крикнула я в ответ. – До встречи.

– Не доверяй ему!

Паршивец все-таки нашел способ заставить меня обернуться! Мгновенно понимая, о ком именно говорит жених, внутренне я оцетинилась, хотя внешне, конечно, не позволила себе даже бровью повести:

– Мне абсолютно не нравится, что мы начали обсуждать Ноэля. Что бы ни происходило, это тебя больше не касается.

– Как раз касается. – Алекс оттолкнулся от перил и, закручивая на ходу термос, с нарочитой неторопливостью приблизился ко мне. – Я прекрасно знаю, почему вокруг тебя пляшет северянин. Ты ошибаешься, если думаешь, что сильно ему нравишься.

Было так сложно удерживать на лице маску небрежной надменности. Еще чуть-чуть – и станет заметно, как сильно меня задевают дурацкие слова!

– Серьезно, Шарлотта? Ты правда думаешь, что он в тебя ни с того ни с сего втрескался? – кривовато ухмыльнулся мой отвратительный жених, все-таки заметив, как я напряглась. – Во время турнирного поединка у нас произошел крупный конфликт. Его выгнали с соревнований перед самым финалом, а потом Коэн начал возле тебя околачиваться. Не видишь закономерности? Бал, поцелуй на людях, каток этот сран... странный. Он хочет отомстить мне, вот и вся причина. Не знаешь, какие северяне мстительные?

На короткое время мы скрестились взглядами, как шпагами.

– Алекс... – Я нашла в себе силы издевательски улыбнуться. – Если ты не в курсе, то в мире не все происходит из-за тебя.

– Нельзя быть такой наивной, Шарлотта, – издевательски поцокал он языком.

– Нельзя быть таким кретином, Александр, – с улыбкой покачала я головой.

– Ты снова назвала меня кретином? – вкрадчиво переспросил он.

– Да? – Я состроила изумленный вид. – Вообще, я хотела сказать «говнюк», но в литерях запуталась.

Он подавился на вздохе, а я развернулась на пятках и пошла вдоль балкона к высокому арочному проходу, от раздражения напрочь забыв, что хотела плавно покачивать бедрами.

Тренировочные залы тянулись анфиладой, один за другим. Соседний был пуст и мрачен, но из следующего зала доносились выкрики. Там оказалось людно. Зрители припали к перилам и через защитный полог с интересом следили за тренировкой. Бросив быстрый взгляд, я замерла – в поединке участвовал Ноэль.

С длинным шестом в руках он напал на противника, того самого нахального блондина Эйнара, отражал удары, совершал ловкие выпады. Высокая атлетическая фигура в черной форме двигалась уверенно, гибко и очень легко. Обычно в высоких людях сложно заподозрить легкость, но выглядело так, словно он мог взлететь.

В горячке поединка Ноэль разбежался и, оттолкнувшись от стены, подпрыгнул в воздухе. Неожиданно ученический шест в его руках вспыхнул алым сиянием, от которого начало рябить в глазах. На противника опустилась не простая палка, а магическое оружие, способное в одночасье выбить из человека дух. Эйнар ответил немедленно. Его шест, превратившийся в полыхающий меч, встретился с сияющей стрелой, и в разные стороны разлетелись искры.

Завороженная, я следила за их боем-танцем. Вспыхивали заклятия. Волнами, заметными даже невооруженными взглядом, разлетался взбудораженный, пахнувший грозой воздух. Полог вздрагивал и натягивался, словно парус. Можно было только догадываться, какой силы магию использовали северяне.

Хитрым ударом Ноэль выбил из рук друга оружие, и, с грохотом отлетев на пол, оно превратилось в самый обычный тренировочный шест с кожаной оплеткой. Артефакт Ноэля погас, тупым концом уперся в кадык Эйнара. Последовала долгая напряженная пауза. Фактически бой закончился, но все ждали продолжения. Парни тяжело дышали, длинные волосы у обоих выбились из перевязи, по вискам тек пот. Наконец блондин поднял руки, с нахальной широкой улыбкой принимая поражение.

«Галерка» всколыхнулась одобрительными выкриками и не то чтобы очень дружными, но аплодисментами. Переведя дыхание, с

независимым видом, словно происходящее внизу меня не интересует, я пересекла балкон, а на лестнице, ведущей в холл спортивного корпуса, услышала оклик:

– Чарли, погоди!

От голоса со сладким акцентом колени слабели и словно превращались в желе. Я схватилась за перила, чтобы обернуться, а не скатиться по ступенчатому довольно крутому спуску. Считаю это большим успехом, иначе удостоилась бы сомнительной чести превратиться в девушку, свернувшую шею от радости. Или волнения. Пока не решила, от чего именно.

– Привет, – поздоровалась я, наблюдая, как Ноэль спускается.

Он остановился парой ступеней ниже, специально перекрывая дорогу, и мы стали одного роста. Его волосы находились в страшном беспорядке, на шее болталось полотенце. Разгоряченное поединком тело еще дышало жаром. От мускусного, сугубо мужского запаха у меня предательски-сладко засосало под ложечкой.

– Почему ты ушла, ничего не сказав?

Потому что очень боюсь показаться навязчивой или – того хуже! – прилипчивой.

– Мы попрощались до Нового года, – ляпнула первое, что пришло в голову.

Как показывала практика, первым в голову обычно лезла страшная чушь, а если уж побеждало волнение, то в ней вообще не рождалось ничего умного. Не понимаю, как в семье дипломата, славящегося своим умением в любой странной ситуации найти верные слова, появилась я.

– И ты, конечно, решила, что теперь очень сильно мне помешаешь, – с доброй иронией заключил Ноэль, словно прочитав мои мысли. – Возвращаешься в пансион?

– Да, дела закончены.

– Я тебя провожу.

– Но тренировка... – растерялась я.

– Если ты не против, конечно, – проигнорировал он напоминание, что сбежал от друзей. Не представляю ни одной ситуации, которая заставила бы Алекса ради меня уйти из зала для магических спаррингов.

– Не против, – улыбнулась я и вдруг поймала себя на том, что потянулась, чтобы убрать с лица Ноэля влажную прядь волос.

Испугавшись неуместного порыва, быстро одернула поднятую руку. Судя по лицу парня, мы испытали одинаковое разочарование, что я так и не решилась к нему прикоснуться хотя бы кончиками пальцев.

– Мне нужно десять минут, чтобы собраться, – проговорил он. – Подождешь? Проводить тебя в столовую или...

– Можно подняться к тебе? – перебила я, шалея от собственной смелости.

– Хорошо, – согласился он, по-моему, с некоторой долей обреченности.

Северянин жил в торце длинного извилистого коридора на одном из верхних этажей, где размещались лучшие комнаты жилого корпуса, если верить ректору, когда-то лично проводившему нам с родителями экскурсию. Помнится, он даже позволил себе использовать слово «апартаменты», когда доказывал, что общежитие выгодно отличается от пансиона мадам Прудо.

На двери в комнату Ноэля светились номер и имя, написанное на шай-эрском языке, – запутаться невозможно. Северянин отпер замок, провернув ключ два раза, и пропустил меня вперед:

– Проходи.

Студенческие «апартаменты», мягко говоря, размахом не отличались и представляли собой одну скромную по размеру комнату. Сквозь узкие окна без штор сочился прозрачно-серый свет хмурого утра. Вокруг царил такой образцово-показательный порядок, какой заподозрить в комнате парня просто невозможно. Пожалуй, ни один домовик не нашел бы, к чему придраться и что спрятать в черную дыру, в которую они утаскивали все беспризорные вещи.

Прикрыв дверь, Ноэль подошел к стенному шкафу и раскрыл речные створки. Со смешанным чувством я заметила знакомый камзол кофейного цвета, тот самый, что он надевал на новогодний бал.

– Мне нужно в купальню. Побудешь одна немного?

Одним плавным, скользящим движением Ноэль стянул с себя черный верх спортивной формы и тряхнул головой, убирая с лица волосы. На лопатке темнела крупная татуировка. Только я решила, что горячее, чем на тренировке, он просто не может быть, как выяснила,

что у него расписана спина. Как с этим потрясающим знанием теперь жить?!

Вспыхнув от смущения, я отвернулась к окну и сделала вид, будто любуюсь видом из окна. К слову, из-за снежной круговерти, все-таки обрушившейся на землю, ничего разглядеть не удавалось. Да и перед мысленным взором стояла обнаженная спина с широкими плечами и узкой талией, никакой юношеской хрупкости.

И еще эта татуировка!

Разве не надо заранее предупредить девушку, что сейчас начнется жгучее раздевание, чтобы она успела подготовиться и для четкости зрения хорошенько протерла кулачками глаза? Я даже рисунок не разглядела!

– Конечно, никаких проблем, – осознав, что молчу слишком долго, неожиданно осевшим голосом ответила я и судорожно кашлянула в кулак.

– Чарли, ты в порядке? – озаботился Ноэль.

По-моему, всем в этой комнате, и даже простецкой мебели, очевидно, что я в полнейшем, безобразнейшем беспорядке!

– Все прекрасно, – от греха подальше, не оборачиваясь, небрежно помахала я рукой, мол, видишь, никто в обморок не падает. – Просто что-то в горле немного запершило.

– Хочешь воды? – заботливо предложил он.

– Спасибо, не стоит... Ты иди, – выказывая чудеса вежливости, отказалась я и как будто между делом обернулась.

Ноэль прикрыл обнаженное тело исподней рубашкой, возможно, опасаясь меня смутить. В общем, с прискорбием заявляю, что спину он показал, но поглазеть на рельефный торс не удалось. Такое разочарование... В смысле, счастье! Вдруг торс оказался бы не особенно рельефным? Вряд ли, конечно.

– Не скучай, – улыбнулся он.

Он оставил меня наедине со своей комнатой, где не было ничего лишнего. И личного. По крайней мере на виду. Разве что на открытых полках почти пустого книжного шкафа вперемешку с учебниками стояло несколько томиков на диалекте. Видимо, Ноэль привез их с собой. Трактат «Воины света», потрепанный и зачитанный, нашелся среди прочих книг.

– Смотри-ка, Ноэль Коэн, ты действительно любишь классику...

С любопытством я вытасила том в кожаной обложке с литерами, вытесненными почти стершимся золотом. С умным видом, словно действительно собралась читать классический роман на северном диалекте, перелистнула сразу половину книги. Неожиданно к ногам вылетел спрятанный между страницами рисунок на выдерганном из блокнота разлинованном листике. Подняв его, я оцепенела. В грифельном черно-белом наброске не было ничего пошлого или оскорбительного, но на нем неизвестный художник мастерски изобразил меня.

Уложив голову на согнутый локоть, я спала на столе. Должно быть, в библиотеке, где меня вечно накрывало сладко подремать над учебниками. Длинные ресницы отбрасывали тень, на щеку падали пряди волос, пухлые губы были чуть приоткрыты. Плавными уверенными линиями был очерчен овал лица, тонкая черная нить перерезала левое запястье. Обручение с Алексом Чейсом преследовало меня даже на рисунке неизвестного автора...

Дверь открылась почти бесшумно. Молниеносным движением я вложила портрет обратно между страниц и сделала вид, будто страшно заинтересована содержанием книги, хотя вообще не понимала, что именно она содержит.

– Читаешь «Воины света»? – войдя, с фальшивым уважением присвистнул Ноэль.

– Так это они? – Я состроила удивленную дурочку, захлопнула книгу и даже проверила истрепанную обложку. – Действительно «Воины света», откуда Ноэль Коэн своровал все свои умные высказывания!

– Язва, – беззлобно хмыкнул он, перейдя на родной язык. То ли не знал такого слова на шай-эрсском, то ли надеялся, что я не знаю такого слова на северном диалекте.

– Мне сегодня об этом уже говорили.

Я следила за ним из-под ресниц, пряча любопытный взгляд. Волосы он завязал на макушке небрежным бубликом. Тонкая исподняя рубашка прилипла к влажному торсу, и ткань начала просвечивать. У Ноэля был поджарый живот и столбик символов на первородном языке, выбитых на левом боку поперек ребер.

– А ты рисуешь? – небрежно спросила я, крутя книгу в руках.

– Нет, – бросил он. – Никогда не умел.

– С ума сойти! – фальшиво восхитилась я, отгоняя подальше мысль о портрете. – Ноэль Коэн чего-то не умеет. Я буквально чувствую, как во мне засыпает комплекс неполноценности.

– Чарли...

– Да? – распевно произнесла я.

Он пересек расстояние между нами, без колебаний обнял мое лицо прохладными ладонями и быстро поцеловал в губы.

– Ты прелесть, – прошептал он.

– А теперь чувствую, что во мне просыпается былая уверенность, – пошутила я.

Некоторое время мы смотрели в глаза. Ноэль был аккуратно выбрит и пах знакомым строгим благовонием. Бровь поджила, но оставалась разбитой. Осторожно, кончиком пальца, я прикоснулась к ранке. Северянин вдруг вздрогнул, словно моя рука билась магическими разрядами.

– Почему ты не ходил к знахарю?

– Незачем... Нам стоит поторопиться.

Было очевидно, что торопиться нам совершенно некуда. Мы никуда не опаздывали. За окном прилично мело, вряд ли народ разобрал всех извозчиков, служивших при академии, и бросился в город скупать на новогодней ярмарке расписные игрушки для праздничного дерева.

С видимым усилием Ноэль отстранился, вернулся к шкафу и пару секунд просто стоял, разглядывая полки, словно пытался собраться с мыслями. Потом наконец протянул руку за одеждой.

– Слышала, недавно вы поссорились с Александром во время поединка, – как будто между делом вымолвила я.

– Да... – надев через голову светлый свитер, растерянно отозвался он. – Пару недель назад был конфликт.

– Что случилось?

– Я решил, что он использовал запрещенный прием во время турнирного спарринга.

– А Алекс использовал?

– Магистры посчитали, что нарушений не было, – уклончиво ответил он, надевая пальто.

– И кто выиграл?

– Никто. Поединок остановили, а я ушел с соревнований, – скупое рассказал он и кивнул: – Хочешь взять книгу с собой?

– Какую? – Я с удивлением обнаружила, что по-прежнему верчу в руках томик. – Нет! Иначе тебе будет нечего читать на ночь.

– Я не поклонник.

– А так-то и не скажешь... – подколола я, намекая на потрепанность книги. И убрала «Воинов света» вместе со спрятанным между страницами рисунком обратно на полку.

Ноэль открыл дверь, чтобы пропустить меня вперед, и тут случилась заминка: за порогом обнаружилась Рэдмин. От неожиданной встречи мы обе на секунду остолбенели.

– И здесь Шарлотта! – с нервной улыбкой выпалила северянка на диалекте.

– Доброе утро, Мина, – сдержанно вымолвил Ноэль, намекая, что она забыла поздороваться.

В общем-то, я тоже проигнорировала приветствие. Никогда не была адептом хороших манер и здороваться с человеком, едва не огревшим меня заклятием посреди людного холла, считала ниже своего достоинства.

– Ты чего-то хотела? – Он закрыл дверь на ключ и спокойным, естественным жестом взял меня за руку.

Если бы сейчас со мной попытались вести диалог, то услышали бы исключительно глубокомысленное мычание, безусловно, свидетельствующее о моем высоком интеллекте. Все-таки изображать стервозную королеву очень удобно! Можно просто молчать и строить презрительный вид.

– Ну... – Рэдмин замялась. Видимо, она тоже предпочитала держаться с Ноэлем за руку, а не вести неприятные беседы. – Мне нужно к швее в мастерскую. Если вы едете в город, то давайте вместе.

– Нет, – без долгих объяснений отказался Ноэль. – Попроси Эйнара.

Повисла смущенная пауза. Настолько резко меня не отшивал даже Алекс, а уж он умел быть редкостной скотиной.

– Пожалуй, так и сделаю. – Рэдмин подвинулась, уступая нам дорогу, и вдруг добавила на шай-эрсском языке, словно бы до этого момента я вообще ничегошеньки не понимала из их разговора: – Твой жених, Шарлотта, сегодня тоже тренируется.

– Знаю, – сдержанно отозвалась я.

Вечером реальность, о которой пафосно говорил почти бывший жених, все-таки меня нагнала и ударила по голове. Мама прислала приглашение на новогодний прием Ирэны Чейс, перевязанное серебряистой ленточкой. К карточке на бархатистой бумаге она приложила записку, в которой с присущей ей категоричностью написала, что нежеланием появиться на приеме я поставила родителей в неловкое положение и люди поймут нашу семью неправильно, если меня не будет на большом празднике в доме будущих родственников.

– Люди нас как раз очень правильно поймут, – вздохнула я и задала родительнице резонный вопрос: – *«Почему нельзя сказать, что я отправилась на праздники в Эл-Бланс?»*

В ожидании ответа – а в том, что он обязательно придет, сомнений не возникало – повертела записку в руках. Когда я писала в раздражении, как сейчас, то строчки прыгали, а литеры получались пузатые и несуразные, но мама не позволяла себе подобного каллиграфического греха. Послания от нее всегда были написаны слово к слову, как по линейке, идеально-красивым почерком.

Я не ошиблась: вскоре шкатулка засветилась. В грозном настроении мама никогда не ограничивалась одним выговором, обязательно плевала напоследок парой гадостей или каким-нибудь резким указанием.

«Платье от швеи отправлено в поместье Чейсов. С Новым годом, дорогая дочь».

– И вам счастливого Нового года, мама, – пробормотала я, сминая записку.

На следующий день я собрала в саквояж кое-какие вещи, чтобы взять их с собой в поместье, потом прихватила приготовленный Вербене подарок и отправилась поздравлять заклятую подружку, вечером планирующую уехать в столицу к родителям. На стук она не открыла, а приоткрыла дверь и высунула нос в щелку.

– С Новым годом! – Я продемонстрировала завернутую в книжной лавке в плотную бумагу и перевязанную красной ленточкой книгу.

– Заходи, – милостиво позволила она.

Спальня лекаря животных мало отличалась от остальных, разве что камина не досталось. Зато было большое эркерное окно и

расписная ширма, с нее свешивалась небрежно заброшенная одежда. Самое странное, что в комнате Вербены домовик никогда не хозяйничал. Видимо, старичок боялся, что его выловят, нацепят магический ошейник, не позволяющий растворяться в воздухе, и что-нибудь вылечат, несмотря на то что нечисть неспособна болеть.

– Это атлас лекарственных растений с цветными иллюстрациями, – пояснила я, пока хозяйка комнаты раздирала бумагу. Надеюсь, что подарок поможет Вере не перепутать белладонну с жимолостью и не отравить своих подопытных – ой! – пациентов.

– Я тоже кое-что тебе приготовила. – С загадочным видом Вербена вытащила из секретера маленький темный флакончик с фигурной стеклянной пробкой и протянула мне. – С Новым годом, Чарли!

– Что это? – любопытствовала я и, решив, что мне досталось маслянистое концентрированное благовоние со стойким ароматом, откупорила флакон. Изнутри резко запахло пряными травами.

– Это оно! – заговорщицки кивнула Вербена, словно сказала абсолютно все, что следовало знать получателю странного подарка.

– А можно с этого места поподробнее? – решила я признаться, что не могу восхититься ценностью подарка, потому как не понимаю, чем именно следует восхищаться.

– То самое... – Она многозначительно кивнула.

– Твоя авторская настойка, но с улучшенной рецептурой? – наивно подсказала я.

– К огромному сожалению, не моя. – Вербена покачала чернявой головой с двумя колосистыми косицами. – Изготовила однокурсница, но сказала, что формула безотказная. Главное, не забывать перед этим самым пить по двадцать пять капель.

– Перед чем?

– Тем... – перешла она на шепот и ткнула пальцем в потолок, словно ответ на мой вопрос следовало читать возле люстры. – Это снадобье, отпугивающее злобных аистов.

– Каких еще аистов?

Разговор явно не складывался. Будущий лекарь магических тварей говорила загадками, а я туго соображала и была неспособна решать орнитологические ребусы.

– Ты много аистов знаешь? – перешла она на нормальный голос, то есть заговорила резко и с претензией.

– Я вообще ни с одним аистом не знакома, – призналась я.

– Речь идет о тех вредоносных птицах, которые приносят незамужним девушкам детей! – наконец дала разгадку Вербена, и у меня вытянулось лицо. – Но надеюсь, ты в курсе, что детей вовсе не аисты приносят?

Другими словами, она подарила мне... Не дай бог в горячечном бреду перепутать с сиропом от кашля!

– Смутно догадываюсь. – Я прочистила горло. – Зои ты... кхм... такую же бутылочку выслала?

– Зои я купила бесполезные жасминовые благовония в лавке ароматов, – отмахнулась Вербена.

А я чем провинилась?!

– У нее, к сожалению, нет личной жизни, – добавила подружка, расставляя все по местам.

Совершенно ошарашенная самым странным в моей жизни подарком, я вернулась в спальню, а войдя, остолбенела. На крутящемся стуле возле секретера, расслабленно уложив ногу на ногу, сидел Алекс и читал вчерашнюю мамину записку. Он повернулся в мою сторону и, помахав злосчастным письмом, лучезарно улыбнулся:

– Надо было поспорить на деньги.

Не испытывая ни капли радости от появления жениха, я сложила руки на груди и ловко припрятала «полезный» подарочек от заботливой подружки.

– Кто тебе разрешил подняться?

– Нечисть приняла меня за доставщика и пропустила. Во дворе встретил почтальона с посылкой на твоё имя и пообещал, что занесу в дом. – Алекс кивнул в сторону кровати. – Можешь сказать спасибо.

– Даже в мыслях не держала, – фыркнула я.

На покрывале валялся сверток, завернутый в коричневую плотную бумагу и перевязанный бечевкой. Обычно так упаковывали книги в лавке на библиотечной площади Ос-Арэта, недалеко от катка. В последние дни ничего, кроме атласа растений для Вербены, я не покупала и по каталогу тоже ничего не заказывала. Выходит, кто-то решил меня поздравить с Новым годом.

– Не хочешь открыть?

– Любопытно посмотреть, не покупаю ли я откровенные романы?

– А ты покупаешь?

– Ты об этом теперь точно не знаешь, – сладко улыбнулась я. – Зачем приехал? Изобразить доставщика?

– С утра надо было уехать из дома по срочному делу, пришлось сказать Ирэне, что ты попросила забрать тебя в поместье. – Он расставил руки. – И вот я здесь!

Какое счастье, что скоро мне не придется терпеть отвратительные выходки Алекса. Интересно, кем он будет прикрываться, когда мы разделаемся с этой дурацкой помолвкой?

– Это так мило, что я готова прослезиться, – фыркнула я. – Откуда ты узнал, что мне надо ехать?

– Вчера Лилия написала мачехе, что ты непременно будешь на приеме. Она об этом позаботится. – Алекс вновь показал матушкино послание. – Вижу, действительно позаботилась. Собирайся.

– Выйди и подожди меня в гостиной, – в точности копируя его приказной тон, кивнула я на дверь.

Не споря, он поднялся с жалобно скрипнувшего стула, неторопливо прошелся по комнате, подхватил небрежно переброшенное через спинку кресла пальто. Казалось, Алекс хотел что-то сказать... И сказал, скотина противная!

– В голову внезапно пришло. – Он обернулся. – Ведь я ни разу к тебе не поднимался.

– Удовлетворил любопытство? – сдержанно уточнила я.

– Вполне. – Он обвел комнату быстрым взглядом, словно не все успел рассмотреть и напоследок старался сохранить побольше впечатлений. – Тут на редкость убого.

– Убирайся вон из моей убогой комнаты. Кстати, убогую гостиную своим шикарным видом портить не надо, подожди в карете. Я отменяю приглашение.

Теперь, стоит Александру без разрешения жителей продвинуться куда-нибудь подальше входной двери или холла, как домовик поднимет такой шум, что впору мертвых выносить.

– Поторопись, милая невеста, иначе придется сказать, что ты передумала и решила добираться сама, – попытался он меня подзадорить.

– Уверена, твой отец придет в восторг, когда поймет, что ты просто хотел сбежать с семейного обеда.

– Пошутить уже нельзя, – фыркнул он и наконец свалил.

Я дождалась, когда за дверью смолкнут шаги, и, пристроив подарочек подружки на прикроватный столик, занялась посылкой. Под грубой бумагой прятался увесистый совсем новый томик «Воинов света» на шай-эрсском языке.

Глупо улыбаясь, я раскрыла книгу. Кожаный новый корешок приятно скрипнул, от страничек пахло типографской краской. На титульном листе было написано уже знакомым почерком:

«Твой любимый роман. Приятного чтения! Н. К.».

В середине томика между страницами прятался бумажный конверт. Отложив книгу, которую не взялась бы читать даже во хмелю, я вытряхнула на ладонь золотой символ на первородном языке размером чуть больше мелкой монетки. Раньше, когда не существовало других диалектов, люди писали этот знак, желая друг другу огромного счастья, а еще он имел другое значение: «магический свет».

Задрав левый рукав, я прижала символ к внутренней стороне запястья. Нагреваясь от телесного тепла, магический металл приобрел пластичность, ожил и начал растекаться по руке, сливаясь с тонкой бледной кожей, расцвеченной прожилками вен. Я следила за стремительным расцветанием сложного бутона, за тонкими золотистыми побегами с листьями, протянувшимися до локтевого сгиба.

– С ума сойти...

Кончиком пальца я осторожно провела по необычному орнаменту. Нежные прожилки оказались рельефными и очень гладкими. Пару раз мне дарили нательные украшения, но обычно такие побрякушки изготавливали из недорогих магических металлов, не представляющих никакой ювелирной ценности, и мама в два счета от них избавлялась. Ноэль как догадался, что дорогой подарок я посчитала бы неуместным и наверняка вернула.

В поместье отправилась, пряча серебристый рисунок под длинным рукавом платья. Всю дорогу я ловила себя на том, что прикасаюсь к руке, словно пытаюсь через несколько слоев одежды вновь ощутить приятную гладкость металла.

В доме Чейсов заканчивали последние приготовления к приему гостей. Когда мы с Алексом вошли в открытые лакеем двери, в холле украшали новогоднее дерево, способное потягаться высотой с елью в бальном зале Ос-Арэта. В воздухе летали разноцветные шары разных размеров, а две горничные едва успевали доставать из переложённых кудрявыми стружками ящичков стеклянные игрушки. Под высоким потолком ждали своей очереди оказаться на мохнатых ветвях подмигивающие шеренги магических огней. Действом чутко управляла высокая худая женщина с осанкой танцовщицы, одетая в остромодное платье с узкой юбкой. Ирэна Чейс.

В общем-то, до замужества она действительно была балетной примой королевского театра, и именно поэтому мама, аристократка в бог знает в каком поколении, относилась к Ирэне с некоторым пренебрежением, снисхождением и с долей покровительственности... С другой стороны, моя дорогая матушка относилась так абсолютно ко всем, даже к родной дочери, а себя считала идеальной.

Стоило войти в любезно открытую лакеем дверь, как с лестничного столбика на плиточный пол грациозно спрыгнула огромная белая кошка с зеленым бантом на шее. Из одного состояния в другое она перетекла незаметно: на пол приземлилась белая болонка размером в полтора раза меньше и с визгливым лаем бросилась к нам с Алексом.

– Паршивая тварь... – пробормотал мой пока еще нынешний жених, стараясь отогнать суматошную химеру. Откровенно сказать, на редкость шумное, злобное создание.

– Чарли, а вот и ты! – С гостеприимной улыбкой Ирэна протянула руки и начала приближаться.

– Уже провела дегустацию коктейлей, – едва слышно фыркнул Алекс, принимая от лакея помощь с верхней одеждой.

Пока хозяйка дома пересекала холл, мне тоже помогли раздеться. Одежду и саквояж унесли в покои.

– Какая радость, моя дорогая, что ты передумала и все-таки приехала!

Можно подумать, мне дали очень богатый выбор. Окутав все вокруг облаком резковатого, «зрелого» благовония, прекрасно маскирующего запах любого алкоголя, хозяйка дома звонко поцеловала воздух у моего уха и промурлыкала:

– Ты чудесно выглядишь. Такая свеженькая и юная! Прелесть!

– С наступающим Новым годом, – с вежливой улыбкой поприветствовала я.

Однако Ирэна поздравлений не слышала. Словно отвесив необходимую меру хозяйского дружелюбия, она потеряла ко мне интерес, повернулась к пасынку, и ее распевный голос мигом изменился, приобретя пронзительность:

– Почему так долго? Уже темнеет, а ты уехал с самого утра. Отец был недоволен.

– Шарлотта никак не могла собраться, – соврал Алекс.

– Он появился в пансионе полтора часа назад, – без зазрения совести, даже с удовольствием заложила я и ответила на мрачный взгляд Алекса самой лучезарной улыбкой. – А господин Энтон? Хотела с ним поздороваться.

Вообще-то, не хотела – встречи с Чейсом-старшим всегда оставляли гнетущее предчувствие неизбежного конца света, но правила хорошего тона требовали поприветствовать хозяина дома. Когда Ирэна сказала, что он занят, я испытала облегчение.

– Я приготовила твою обычную спальню, – продолжила она, провожая меня к лестнице. – Платье уже доставили. Оно потрясающее! Гости начнут прибывать в восемь. Могу я рассчитывать, что ты их встретишь вместе с нами? Мы же почти одна семья.

«Почти» – ключевое слово! И я планировала сразу после праздников им воспользоваться.

– Конечно, – вежливо согласилась с предложением, исключительно чтобы не бесить маму даже на расстоянии. – Могу я вам чем-то помочь?

По лицу Ирэны буквально прочиталось, что лучшая помощь – это тихо стоять в сторонке и сливаться со стеночкой, не мешая взрослым дамам готовиться к приему гостей, ведь если что-то пойдет не так, то отвечать перед мужем придется ей. Особенно за мои оплошности.

– Лучше поднимусь к себе, – быстро нашлась я. – Экзаменационная декада оказалась на редкость суматошной.

С довольной улыбкой Ирэна согласно кивнула.

– Я попрошу, чтобы тебе принесли перекусить. Алекс составит тебе компанию. Так ведь? – Она обернулась, не подозревая, что тот традиционно не дождался окончания разговора и, сунув одну руку в

карман отглаженных брюк, уже спокойненько поднимался по лестнице на второй этаж. – Александр!

– Что вам, мама? – с издевательской усмешкой обернулся он.

– Проводи Шарлотту в комнату!

– Она здесь не впервые и не заблудится, – отозвался он. – Правда, Шарлотта?

– Уж как-нибудь постараюсь не перепутать наши спальни, – процедила я сквозь зубы.

– Несносный мальчишка, – пробормотала Ирэна и улыбнулась мне: – Располагайся, моя дорогая.

Не успела я и трех шагов сделать, чтобы расположиться и дожждаться самой первой ночи в Новом году, как в спину мне понесся возмущенный возглас, приправленный визгливым собачьим лаем:

– И куда ты потащилась, безмозглая?!

– Я? – изумленно оглянулась.

Не замечая ничего и никого вокруг, хозяйка дома ринулась к одной из испуганных горничных со старинной пузатой вазой в руках, заполненной еловыми ветками с шишками и зелено-красными бантиками. Следом за Ирэной с визгливым лаем, старательно мешаясь под ногами, понеслась химера. Удивительно, как от страха служанка не расколотила фарфор, созданный еще в то время, когда семья Чейс представляла собой варваров, грабящих на диких трактах мирных торговцев.

Обычно меня селили в спальню, расположенную подальше от Алекса, на другом конце длинного коридора. Видимо, пытались сохранить приличия. Комната, как всегда, была идеально убрана. Воздух пах по-новогоднему: корицей, цитрусами и гвоздикой. Баночка с комнатным благовонием стояла на каминной полке.

Возле прислоненного к стене зеркала в полный рост, повторяя очертания невидимого портняжного манекена, над полом висело серебристое праздничное платье с тончайшим кружевом. Из-под подола наряда «Снежной королевы» высывались носы серебристых туфель.

Я аккуратно, двумя пальцами, приподняла юбку, чтобы проверить высоту каблука. Собственно, если мне удастся не свернуть шею, то можно считать новогоднюю ночь удачной. Невольно заметила, что ногти на руке, сжимающей ткань платья, окрасились серебристыми

блестками. Стоило ткань отпустить, как цвет вновь исчез. Мама, как и всегда, выбрала все на свой вкус, даже колер маникюра, чтобы образ выглядел идеальным. Скорее всего, идеально-ледяным, как ей нравилось.

На туалетном столике лежала плоская коробка с эмблемой известного ювелирного дома на крышке. С опаской я отщелкнула золотой крючок. На черном бархате покоилось кольцо с прозрачными, как слеза, драгоценными кристаллами. Не было никаких сомнений, что украшение оставил Чейс-старший в качестве подарка к Новому году. Надевать я его не собиралась, так и захлопнула крышку, не притронувшись. Заодно мысленно составила список ювелирных подарков, которые мне делала семья жениха, чтобы после разрыва не забыть вернуть какое-нибудь колечко и не ославиться скаредной на весь Шай-Эр.

Пару часов я провела в библиотеке на первом этаже, с удовольствием почитывая любовный роман на азрийском языке. На самом интересном месте, когда почти случился целомудренный поцелуй, раздался весьма тривиальный звон стаканов, несколько опошляющий возвышенную атмосферу книги.

Возле раскрытого глобуса, оказавшегося хитро замаскированным винным шкафчиком, стоял Чейс-старший и, позвякивая хрусталем, наливал из графина с узким горлышком какой-то алкоголь. Отец Алекса был невысок ростом, на полголовы ниже сына и второй жены, в каждом его движении чувствовалась пугающая вкрадчивость.

– Добрый вечер, – не стала притворяться я невидимкой или – того хуже – прятаться за спинкой дивана, на котором уютно провела последние часы.

Не ожидавший свидетелей Энтон резко поднял голову и хлестнул по мне ледяным, острым, как лезвие, взглядом. Секундой позже этот самый взгляд, способный оставить на лице белую обмороженную полосу, изменился, и в нем проявилась липкая, насквозь лживая мягкость, неспособная меня обмануть.

– Шарлотта! – улыбнулся он елейной улыбкой, в которой всегда чувствовалась настораживающая фальшь, и аккуратно отставил графин.

– Не стесняйтесь меня, – махнула рукой. – Я все равно уже уйду. Пора переодеваться.

– Госпожа Чейс говорила, что ты не хотела к нам приезжать. – Энтон бросил очередной пронизывающий взор. Всегда считала, что у него глаза королевского палача.

– Собиралась к родителям в Эл-Бланс, но планы изменились, – весьма удачно соврала я. – Новый год – все-таки семейный праздник.

– Поэтому ты и здесь, – многозначительно усмехнулся Чейс-старший, но немедленно перевел тему: – Как экзамены?

– Неплохо.

– Слышал, тебе пришлось нанять репетитора по северному диалекту, – выказал он нервирующую осведомленность.

– Вы намекаете на Ноэля Коэна? – с прохладной улыбкой уточнила я. – Он согласился по-дружески мне помочь.

Стараясь скрыть, насколько обескуражен неожиданной прямолинейностью, собеседник уточнил:

– Ты дружишь с северянами?

– Раз уж вы вдохновитель программы обмена студентами...

Последовавшая пауза длилась чуть дольше, чем позволяла непринужденная светская болтовня.

К двадцати годам я наконец осознала, что люди, подобные Энтону Чейсу, всегда улыбались в лицо, говорили тихими голосами, ласково и немного обязывающе, но стоило повернуться к ним спиной, как в эту самую спину могло прилететь все что угодно: плевок, проклятие или даже нож. Последнее, полагаю, было бы особенно эффективно.

– Я видела колъе, которое вы оставили, – прервала я молчание. – Благодарю за подарок, оно чудесное.

– Его выбрал Алекс, – солгал Энтон.

– У вашего сына хороший вкус, – вежливо обманула я в ответ.

Вообще-то, на этом моменте принужденную беседу следовало прекратить, но у хозяина дома явно имелось много свободного времени и мало занятий. Я не успела предпринять ни одной попытки покинуть библиотеку, подхватив под мышку азрийский роман, а он вновь заговорил:

– В последнее время вы не ссоритесь с Александром?

Интересная постановка вопроса.

– Все прекрасно, – улыбнулась я и все-таки добавила: – Он по-прежнему пытается меня игнорировать. Если вы не против, то все-таки пойду.

– Не переживай об Алексее, Шарлотта, – загадочно произнес он. – Он знает, какое ему досталось сокровище, и, безусловно, тебя ценит.

– Безусловно, – с трудом сдерживая издевательскую ухмылку, поддакнула я.

– Я со всем разберусь и наведу порядок.

Прикрыв за собой дверь библиотеки, я точно из мертвого мира вернулась в живой. Чейс-старший, как большая черная дыра, поглощал вокруг себя абсолютно все: запахи, звуки и воздух. С чем он планировал разбираться, осталось большой загадкой, и невольно представилось, как Энтон с метелкой в руках подметает внутренний двор Ос-Арэта, наводя в нем порядок.

Сборы на праздник много времени не заняли, дольше принимала ванну, чем разбиралась с платьем. В наряд с открытыми руками и прозрачной кружевной паутинкой на плечах мне помогла упаковаться горничная. Она ловко застегнула длинный ряд крючков на спинке, и под восхищенное оханье в зеркале я проследила за преображением.

Силуэт сам собой ужался, подобрался, чуточку расширился в талии, за что было искренне неловко, подтянулся на линии декольте, пряча исподнее белье. В конечном итоге платье идеально село на фигуру, словно его десять раз подгоняли и стежок за стежком прилаживали к моим не то чтобы очень женственным формам.

На аккуратных ногтях засеребрились блески, а на мизинце, над суставом, засверкал крошечный камень. Высушенные магией волосы свернулись блестящими крупными локонами, упали на спину тяжелой золотистой волной. Оставалось закрепить пряди заколками, что и сделала расторопная помощница.

Макияж шел в комплекте. Тон лица выровнялся, на скулах появился нежный румянец, на верхних веках прочертились кокетливые стрелочки. Ресницы почернели, потяжелели и удлинились. Я похлопала этими самыми новыми опахалами. Удивительно, как вокруг не колыхался воздух, а меня не подняло над полом и не унесло к люстре на десять магических огней!

– Держите ваши туфельки.

Горничная кивнула на прикроватный пуф и качнула туфлями, похожими на пыточное устройство. Мучиться, правда, не пришлось – мама расстаралась и, сидя в Эл-Блансе, заказала заклятые туфли.

Обувка подстроилась под форму стопы и выбрала идеальный размер, чтобы не намять пятки.

Я поднялась, выпрямила спину и подошла к зеркалу.

– Господи, молодая госпожа, вы такая красавица! – причитала добрая служанка, поправляя мне вытянувшийся до самого пола и прикрывший высоченные каблуки подол платья. – Хрупкая статуэтка! Сразу видно породу!

Спорное утверждение. Химера у Ирэны тоже превращалась во вполне породистую болонку, а приглядишься – простой бес.

– Спасибо, – слабо улыбнулась я и оценила себя в зеркале.

Из отражения на меня смотрела Лилия Тэйр в юности, разве что одетая в модное платье. Даже показалось, будто в воздухе повеяло любимым маминым благовоением.

– Возьмите. – Горничная протянула длинные кружевные перчатки.

В зеркале я нашла взглядом изящный цветочный орнамент на внутренней стороне предплечья. В живом металле нательного украшения отражался свет.

– Не нужно перчаток. Маникюр никто не увидит.

Горничная смотрела растерянно и немножко осуждающе. Чуть не пообещала, что тщательно помою руки перед ужином.

– Что ж, пора явить себя миру, – иронично объявила я и плавной походкой, невольно шагая от бедра, чтобы удержать равновесие и не слишком колыхать задом, направилась на выход. Вернее, ко входу в семейный ад Чейсов.

– А колье! Колье-то забыли! – всполошилась добрая женщина. – Оно под наряд идеально подойдет!

– У меня уже есть украшение, – обернулась я и продемонстрировала руку с цветком.

Идти на высоких каблуках оказалось удовольствием сильно ниже среднего. Потребовалось немало времени, чтобы вернуть контроль над ногами, руками и общей телесной подвижностью. Чуть не перекрестилась, когда удалось без потерь повернуть за угол. Думала, что войду лбом в стену и начну новый год, на который возлагала большие надежды, в глубоком обмороке.

Сразу за поворотом я столкнулась с Алексом, небрежной походкой направлявшимся к лестнице. Он был одет в элегантный черный смокинг и на ходу поправлял запонку. Взгляд, брошенный в мою

сторону, не выражал никакого интереса, но голос звучал без раздражения:

– Красивое украшение. – Он указал на металлический орнамент на моей руке. – Я подарил на Новый год?

Удивительно, как понимание, что девушка больше не имеет матримониальных планов, влияет на модуляции голоса у мужчин.

– Нет, ты подарил колье.

– И ты его не надела, – усмехнулся Алекс. – Оно старомодное и принадлежало моей бабушке?

– Ты решил не размениваться на семейные бриллианты и купил мне совсем новенькие лунные кристаллы в королевском ювелирном доме.

– Так почему они не на тебе? Решила утереть нос моему отцу?

– Не подошли к платью, – без малейших мук совести соврала я.

– Разве лунные кристаллы не изменяются под цвет одежды? – сморщился Алекс.

– Меняются, – согласно хмыкнула я.

За светской беседой мы незаметно добрались до лестницы. Народ уже постепенно прибывал, и Чейсы-старшие тихо переговаривались с самыми первыми гостями. Лакеи помогали снимать вновь прибывшим верхнюю одежду, горничные услужливо подносили игристое вино. В общем, дом постепенно оживал. Ирэна была одета в золотое платье по фигуре, вспыхивающее от любого движения, как снег на солнце.

– Готова к спектаклю, моя дорогая невеста? – хмыкнул Алекс и неожиданно предложил мне локоть: – Держись, иначе свернешь шею.

– Поэтому ты никогда не помогал мне спускаться? – искренне заинтересовалась я. – Надеюсь, что я не дотяну до последней ступеньки и не придется жениться?

– По-моему, ты обо мне предвзято судишь, – парировал Алекс.

– По поступкам.

Аккуратно подхватив длинную юбку одной рукой, второй я вцепилась в предложенный локоть.

– Думал, что откажешься, – хмыкнул мой почти бывший жених.

– Шея дороже гордости, – честно призналась я.

Будем падать только вместе! В одиночку я с этой лестницы в преисподнюю не покачусь!

– В академии говорят, что у тебя не язык, а змеиное жало, но я недоумевал, кого ты вообще способна ужалить. Теперь понимаю, о чем шептался народ, – самым любезным тоном, словно сыпал не гадостями, а комплиментами, поделился размышлениями Алекс.

– Представляешь, как мне приходилось сдерживаться? – не стала отпираться я.

– Зачем? – бросил он на меня взгляд искоса.

– Думала, если буду хорошей, то ты в меня влюбишься.

Спустившись, мы приблизились к Чейсам-старшим. Увидев, что мы держимся под локоток, как настоящая пара, готовая летом с такими же торжественными минами отправиться в храм к брачной чаше, Энтон удовлетворенно кивнул.

– Госпожа Чейс, вы потрясающе выглядите! – с восхищенной улыбкой обратилась я к Ирэне, только-только закончившей разговор с кем-то из гостей.

– Уж точно не лучше тебя, моя дорогая, – улыбнулась женщина в ответ.

Гости прибывали. Здоровались, отвечивали ничего не значащие, пустые комплименты, осматривались.

– Какое чудное украшение, – тихонечко, чтобы никто не услышал, промурлыкала Ирэна и указала на узор, украсивший мою руку.

– Подарили на Новый год безделицу, – не ожидая подвоха, пояснила я.

– Вот как... – Она таинственно улыбнулась и пригубила из высокого бокала мутно-белый напиток, по всей видимости, какой-то коктейль. – Не знала, что теперь живые украшения Энариона считаются безделицами. Похоже, я безнадежно отстала от жизни.

Насмешливо отсалютовав мне бокалом, она немедленно вернулась к супругу, встречающему прибывающих гостей, а я ошарашенно пыталась переварить новость. Если Ирэна права, то «безделица» на моей руке стоила достаточно, чтобы никогда в жизни больше не принимать с ней горячую ванну... И немедленно вернуть дарителю, едва закончится новогоднее мучение.

– Что тебе сказала маменька? – нахмурился Алекс.

– Что стоило надеть колье и не кривить физиономию, – сухо отозвалась я.

– Изредка она дает дельные советы, – с ехидцей хмыкнул он и вдруг оцепенел.

Даже на расстоянии ощущалось, как напряглось его поджарое тело, упакованное в смокинг. Невольно я проследила за взглядом жениха, устремленным в сторону входной двери. Слуги суетливо помогали раздеться ректору Ос-Арэта с супругой. Вместе с ними в дом зашла компания студентов, видимо, приглашенных на традиционный академический ужин в канун Нового года.

Не представляю, чем Чейс-старший подкупил главу учебного заведения, разве что красочным фейерверком в полночь, но увидеть Ноэля в поместье было одновременно странно, волнительно и очень похоже на сон.

Он передал пальто прислуге и, как всегда, безошибочно глазами отыскал меня. Мы обменялись долгим проникновенным взглядом, а потом сдержанно друг другу кивнули, как хорошие знакомые, но не настолько близкие, чтобы обниматься при встрече.

Ноэль с бесстрастным видом повернулся к друзьям. Я перевела взгляд на новую пассию Алекса, появившуюся в особняке вместе с другими гостями. Она осматривалась в роскошном холле с робостью человека, впервые попавшего в серпентарий к аристократам. Застенчиво улыбнулась горничной, должно быть, предложившей унести верхнюю одежду в гардеробную комнату для гостей.

– Теперь я понимаю, что именно имел в виду твой отец, говоря, что обо всем позаботится, – насмешливо прокомментировала я возникновение стипендиатки на приеме. – Пойдем его порадуем? Вдруг он будет счастлив и подарит тебе на Новый год что-то стоящее. Ты не просил у светлых духов Нового года коняшку или...

– О чем ты, Шарлотта? – Александр резко перехватил меня за локоть, заставив остановиться.

– Твой отец решил продемонстрировать, кто в доме хозяин и кто в этом же доме настоящая невеста. Боюсь, твоей мышке с книжкой придется пережить встречу с реальным миром.

– У нее есть имя! – процедил он, не зная, к чему прицепиться.

– Очень рада, но не нахожу ни одной причины, почему должна его помнить.

Обмен любезностями с ректорской четой был коротким, но достаточно емким, чтобы у окружающих создалось ошибочное

впечатление, будто мы ближе, чем были на самом деле. Наверняка умненькая стипендиатка с прекрасными магическими способностями, упрямо кусающая губы и подчеркнуто избегающая смотреть на нас с Алексом, считала, будто я поступила в одну из лучших частных академий королевства, не пошевелив ни одним из двух накрашенных блесками мизинчиков. Просто принесла документы и отправилась почитать мертвые языки в толстых фолиантах.

К огромному сожалению, поступать мне пришлось в общем потоке, и я едва не провалилась! Да и учеба, мягко говоря, простой не оказалась. На единственной дочери Гатри Тэйра преподаватели отыгрывались за все поколения мужчин нашей семьи, прежде окончивших Ос-Арэт. Страшно представить, в какой ад превратилась бы моя жизнь, окажись я на факультете высшей магии.

– С господином Коэном вы, полагаю, знакомы. – Ректор указал на Ноэля, прежде стоящего за его плечом.

– Добро пожаловать в наш дом, – изображая благодушие, поприветствовал Чейс-старший. – Как вам Шай-Эр? Уже привыкли к местным нравам, господин Коэн?

– Вполне... Люди здесь приветливые, – ответил он. – К слову, пару дней назад мне рассказали о традиции застольных игр. В одну я даже сыграл. Было познавательно и весело.

У меня вспыхнули щеки и появилось непреодолимое желание начать избавлять мир от северных варваров с помощью любимой чугунной кочерги.

– Шарлотта, ты хорошо себя чувствуешь? – заботливо уточнила супруга ректора.

– Простите? – отвлеклась я от мысленной расправы над Коэном.

– У тебя покраснели щеки.

Да демоны вас всех раздерите! Если еще секунду назад всем было наплевать, как я себя чувствую, то теперь обернулись даже Рэдмин с Эйнар, спокойно ожидающие окончания приветственной церемонии. Теперь только слепой не увидел моей пылающей физиономии, а таковых среди собеседников не нашлось.

– В зале душно, – соврала я.

– Ноэль, мы должны вас поблагодарить, – вдруг произнес Энтон, вызвав у нас всех немой вопрос. – Вы помогли нашей дорогой Шарлотте успешно сдать экзамен по северному диалекту.

Я-то полагала, что главными звездами вечера назначили Алекса с его девушкой-простушкой, и не ожидала откровенного выпада в свою сторону. Хорошо, что покраснеть еще сильнее мне не удалось бы чисто физически. Однако Ноэль не повел бровью:

– Думаю, нам еще стоит поработать над самобытным акцентом. Что скажешь, Шарлотта?

Я подавилась на вздохе и ничегошеньки не сказала. В общем, как всегда, в нужный момент блеснула интеллектом и смекалкой, как выкрутиться из неловкой ситуации. Да что тут попишешь? Конспиратор из меня вышел посредственный.

Пока я строила страшные глаза Ноэлю, с трудом сдерживающему смех, пришла очередь публичной порки Алекса.

– А вы, должно быть, Елена Эридан, – в знакомой неприятной манере прокудахтал Энтон, обращаясь к девушке своего сына. – Одна из самых перспективных студенток третьего курса.

– Спасибо за приглашение, у вас очень... Кхм... – Она нервно покосилась на Алекса, изображающего бесстрастное дерево, но поддержки или подсказок у дуба не получила, поэтому выкрутилась сама: – У вас очень красивый дом.

– Добро пожаловать в наш очень красивый дом, – давая понять, что неловкость замечена, отозвался Энтон. – Я видел ваши результаты на конкурсе по высшей магии. Ей-богу, впечатляет!

– Благодарю, – зарделась девушка, не понимая, что сейчас ее припечатает какой-нибудь гадостью. Энтон всегда осыпал комплиментами, прежде чем унижить человека.

– Полагаю, вы – лучшее вложение денег учебного фонда Чейсов за последние десять лет, – проговорил он с милейшей улыбкой химеры, застрявшей в личине крокодила. – До сих пор помню, как я подписывал грамоту на вашу стипендию. Верю, что вы нас не подведете и не разочаруете.

Щеки Елены вспыхнули. Вообще, получить недвусмысленное напоминание, что учеба в частной академии оплачивается из кармана родителей парня, в сторону которого она неровно дышала, весьма неприятно.

– Я постараюсь, господин Чейс, никого не разочаровать, – неожиданно твердым голосом вымолвила она.

К счастью, прибыли новые гости, и хозяин дома заторопился их встретить. Разговор немедленно завершился. Ирэна сняла с подноса проходившей мимо горничной широкий бокал с оранжевым напитком и сунула ошеломленной Елене:

– Хорошего вечера, милочка. Искренне рекомендую, выпейте пунша.

– Спасибо, – проблеяла та, почти с удивлением рассматривая бокал в своих руках.

– В него мною лично добавлен ром, – договорила хозяйка дома и кивнула нам с хмурым Алексом, напоминая об обязанностях: – Отец вас ждет...

Разговаривать с Ноэлем, стоящим в другом конце холла, не было никакого повода. К девяти часам, когда всех пригласили на ужин, я успела пережить десяток бессмысленных диалогов с шапочными знакомыми отца, подробный рецепт лукового пирога от ректорской супруги и ровно пять коротких горячих взглядов со стороны северянина.

Когда народ потянулся в открытые двери столовой, Ноэль, будто невзначай, отстал от друзей и поравнялся со мной. Мы сделали вместе несколько шагов, прежде чем его шершавая от постоянных тренировок с оружием ладонь скользнула по внутренней стороне моей опущенной руки, словно проверяя слияние металлического рисунка и нежной кожи.

– Идеально, – пробормотал он.

Я так ошалела от всего: от тайного запретного прикосновения, ощущения теплых пальцев на обнаженной плоти, тихого голоса, говорящего на диалекте, что запуталась в собственных ногах и споткнулась на ровном месте.

– Осторожно! – Ноэль схватил меня за локоть, не позволив растянуться в полный рост на радость светскому обществу Ос-Арэта.

Уверена, местные жители до конца года обсуждали бы, как дочь королевского посла позорно наакалась пунша с ромом и измерила собою пол в особняке у бывшего жениха. Поэтому он разорвал помолвку.

– Проклятые каблук! – едва слышно процедила я и сдула со лба упавшую прядь волос.

– Ты говорила, что настоящих леди в Шай-Эре учат ходить на каблуках и ругаться только литературными словами, – беззлбно подколот Ноэль, отпуская мой локоть.

– Думала, мы выяснили, что я только притворяюсь настоящей леди.

Мы аккуратно отступили друг от друга и вновь двинулись в сторону столовой, откуда уже недовольно выглядывала Рэдмин в смелом красном платье. Видимо, том самом, которое прежде планировала забрать у портнихи.

– Ты чудесно выглядишь, Чарли, – вновь тихо проговорил Ноэль.

– Спасибо.

С гулко стучащим сердцем, краем сознания понимая, что рискую, я осторожно потянулась кончиками влажных пальцев к опущенной ладони Ноэля и даже успела чуточку дотронуться, остро ощущая каждое касание.

– Шарлотта! – позвал Энтон.

Кровь взбурлила. Я резко одернула руку и с избыточным энтузиазмом, похоже, выдавая себя с головой, обернулась к хозяину дома:

– Что-то случилось?

Тот дождался, когда, сдержанно кивнув, северянин скроется в высоких распахнутых дверях, откуда доносился гул голосов.

– Ты видела Александра?

– Он был... в холле? – прозвучало вопросительно.

Неожиданно я осознала, что совершенно не следила за Алексом. Вернее, следила не за ним и понятия не имела, куда он перед ужином испарился. Справедливо говоря, он частенько проделывал подобный финт, но сбегать из собственного поместья было особенно некуда. В комнате запирается глупо, а на улице в трескучий мороз много времени не проведешь.

– Помочь его отыскать? – без особого энтузиазма предложила я.

– Не стоит, – покачал головой Чейс-старший и приветливо кивнул: – Не будем задерживать гостей, они ждут, когда хозяева займут места.

Гости рассаживались за длинным сервированным столом согласно именам, написанным на диковинно сложенных салфетках. Как ни странно, Елена оказалась в столовой вместе со всеми и ожидала

предложения присесть. Хмурый Алекс вошел в раскрытые двери, ведя под руку старушку с милыми седыми кудельками на голове и тяжелым рубиновым колье на морщинистой шее. Признаться, я решила, что бывший жених уединился со своей новой пассией в какой-нибудь кладовке, а он просто помогал заплутавшей старой женщине. Со стороны все выглядело более чем пристойно.

Чейс-старший появился самым последним и с приветливым видом громко произнес:

– Приятного аппетита, дамы и господа!

Лакей отодвинул для меня стул. Не успела я пристроить зад на мягком сиденье, как Ирэна тихо спросила:

– Шарлотта, ты ведь неплохо говоришь на северном диалекте?

– Скорее не очень хорошо, – аккуратно поправила я.

– Прекрасно! – улыбнулась Ирэна, словно не услышав меня. – Значит, сможешь поддерживать разговор с северными варварами?

– Разве что о погоде.

На противоположной стороне, отделенные искрящим хрусталем, звонким фарфором и тарелками с холодными закусками, рассаживались гости из академии: ректорская чета, северяне и лучшие студенты Ос-Арэта, по мнению главы учебного заведения. Совершенно точно я буду единственной, кто посредственно разговаривает на диалекте.

– Ты сильно меня обяжешь, если обсудишь с ними морозы в горах и солнце в скалах, – улыбнулась мачеха Алекса.

– В каком смысле? – не поняла я, не веря, что меня хотят пересадить подальше от Алекса и поближе к Ноэлю. Честное слово, это же настоящий праздник, а не натужное времяпрепровождение перед разрывом помолвки!

Имя на салфетке, прикрывающей фарфоровую тарелку, немедленно изменилось на имя Елены Эридан. Пассия Алекса, уже занявшая место рядом с Рэдмин, тоже обнаружила обеденную рокировку. Испуганно вскинувшись, она бросила на меня взгляд через посудные баррикады. Кажется, она думала, что сейчас я мысленно отправляю в ее сторону задорные проклятия.

– Спасибо за помощь, моя дорогая. – Ирэна дружелюбно сжала мой локоть. – И помни, что пунш с ромом помогает преодолеть языковой барьер.

– Постараюсь не забыть, – с испуганным смешком отозвалась я.

С Еленой мы встретились, когда обходили стол, а заодно и друг друга. Она настырно смотрела себе под ноги, словно боялась, что ее заморозят презрительным взглядом. Вообще, тактика не поднимать голову себя оправдывала, учитывая, что пассия Алекса нормально добралась до моего стула, а я чуть не налетела на ректора и еще пять раз извинилась, чувствуя себя круглой душой в самых неудобных туфлях, придуманных женскими сапожниками. Не удивлюсь, если в итоге закончу вечер со сломанной лодыжкой.

– С наступающим Новым годом, – поприветствовала я северян, с царственным видом усаживаясь между Ноэлем и Рэдмин.

– Тебя отселили? – Северянку соседство не вдохновило, чего она не собиралась скрывать даже ради праздника.

– Попросили обсудить с вами погоду на северном диалекте, – с усмешкой сказала я чистую правду.

– А я-то уж надеялась, что ты и нас с Эйнармом научишь шай-эрским застольным играм, – хмыкнула она.

Ноэль заметно напрягся и даже отправил в сторону подружки предупреждающий взгляд, но если бы я каждый раз просила о помощи, когда кто-нибудь пытался упражняться в остроумии за мой счет, то просто не выжила бы в Ос-Арэте.

– Планируешь заснуть лицом в тарелке, раз куратор не пришел на прием? – легко парировала я и полюбопытствовала: – Кстати, а куда вы дели своего куратора? В комнате заперли?

– Он решил, что ему комфортнее праздновать дома, и уехал со всеми, – пояснила северянка.

– А вас троих наказали и оставили в Шай-Эре? – пошутила я.

– Вообще-то, наказали Ноэля, – обмолвилась она, но мигом прикусила язык и отвернулась к Эйнару.

Я сидела как дура посреди разбившихся на пары людей. Ноэль с большим интересом что-то обсуждал с ректорской супругой. Оба выглядели исключительно оживленными. Со стороны могло показаться, будто они разговаривали о высшей магии, но, судя по обрывкам долетающих до меня фраз, ректорская жена рассказывала рецепт пирога с ревенем, а северянин слушал так, будто сразу после приема собирался встать к очагу. Парочка с другой стороны о чем-то шушукалась на диалекте, и вслушиваться совершенно не хотелось.

Со вздохом я сунула в рот какую-то закуску, принялась печально жевать и запивать пуншем. Хуже за этим столом было только Алексу и его девушке. Я хотя бы подыхала от скуки и в перспективе планировала выйти из-за стола с целыми нервами. Парочке напротив Чейс-старший явно устроил «праздник несварения».

– Шарлотта, – вдруг позвала меня ректорская жена, заставив поскорее отставить бокал и промокнуть губы салфеткой.

– Да, госпожа? – Я быстро посмотрела в сторону женщины.

– Весь вечер не могу отвести взгляд от вашего украшения. – Она указала на мою руку с металлическим орнаментом, тускло поблескивающим в свете магических ламп. – Откуда у вас такая прелесть?

– Подарили на Новый год, – стараясь не смотреть на Ноэля, ответила я. – Но, к сожалению, придется вернуть.

– Почему? – резко спросил он. В глазах действительно был требовательный вопрос.

– Как мне подсказали, это работа мастера Энариона.

– Это что-то должно значить? – Он выгнул бровь.

Издевается, что ли?

– Не знаешь? – протянула я.

– Впервые слышу, – покачал головой Ноэль с таким недоуменным видом, что складывалось ошибочное впечатление, будто он слыхом не слыхивал ни об ювелире, ни о живых украшениях.

– Ты же не девочка из высшего общества Шай-Эра, чтобы разбираться в цацках, – фыркнула Рэдмин на диалекте, неожиданно купившись на спектакль. Вообще, она сказала нечто позабористее политесного «цацки», но я не сумела мысленно подобрать точный перевод ругательства.

– Энарион – известный в Норсенте ювелир, – подсказала я. – У нас говорят, что его украшения на полуострове ценятся.

– И что с ним не так? – любопытствовал Ноэль, как будто действительно не догадывался.

– С ним полный порядок, но я не могу себе позволить принять украшение. Оно слишком дорогое для новогоднего подарка.

– Кстати, – хмыкнул Эйнар, со стороны наблюдавший за спором, – в Норсенте не принято возвращать подарки, присланные к смене времен. Это считается дурной приметой.

Похоже, он был в курсе, откуда у меня живой орнамент. От двусмысленности разговора, понятного только нам троим, я страшно развеселилась и действительно предложила сыграть в застольную игру.

На пятом раунде супруга ректора наконец поняла, что невинный пунш не настолько невинен, как можно подумать, и в него добавлен коварный ром, но было поздно пить отрезвляющую холодную воду со льдом и лимоном. И даже просто грызть лимонный лед, а она испробовала оба варианта. Пятнадцать минут до полуночи не дотянула! Причитающему мужу пришлось проводить ее «чутьочку подремать» в комнату для отдыха.

– Дорогой, – повторяла она третий раз, – в твоей академии учатся такие удивительные молодые люди!

Дорогой – дражайший! – ректор бросил на нас полный укоризны взгляд, покачал головой и увел супругу.

– Думаешь, нас теперь отчислят? – задумчиво задала я вопрос в воздух.

Ответа он не требовал, но Рэдмин не удержалась:

– Нас точно не сможет, а за тебя не ручаюсь.

– Да ты умеешь заразить оптимизмом! – фыркнула я.

– Что такое оптимизм? – недоуменно спросила она у Эйнара. Тот быстренько перевел на диалект, и северянка почему-то страшно обиделась, словно мысль, будто она может смотреть на мир счастливо, была оскорбительной.

Вскоре все гости, кто не успел разбрестись по комнатам отдыха и после забористых коктейлей все еще связно мыслил, отправились в оранжерею, чтобы встретить Новый год под звездами и полюбоваться праздничными фейерверками.

Места в пристройке, где зимний сад устроила еще мать Алекса, было немного. Единственным источником скудного освещения служили живые магические огоньки, сидящие на листьях растений и от движения испуганно взлетающие в воздух. Однако благодаря полумраку сквозь стеклянную крышу было четко видно тяжелое бархатное небо, усыпанное по-зимнему мелкими и далекими звездами.

Вообще-то, еще с утра погода непрозрачно намекала, что салютом никому не полюбоваться, точно не в скалистом Ос-Арэте, но Ирэна Чейс «оседлала» снегопад. Вернее, победил его приглашенный маг. Небо над поместьем прояснилось, и только на горизонте клубились

хмурые злющие тучи, до поры до времени не способные прорваться через невидимую границу.

Подозреваю, что после сегодняшнего «разгона облаков» ни луны, ни солнца, ни чистого неба Чейсы не увидят несколько дней. После магии стихия частенько впадала в неистовство. Не занесло бы дом до второго этажа, а заодно и меня в этом доме!

Я попробовала кислое вино, скривилась от омерзения и немедленно наткнулась на смеющийся взгляд Ноэля. Умел же подловить на неловком моменте!

– Благородное вино всегда кислое, – с умным видом пояснила я.

– Смотрю, ты в этом разбираешься, принцесса, – сыронизировал он.

– Нет, но так сказала Зои. Она дочь владельца винных погребков. – Я помолчала и добавила: – Понятия не имею, зачем тебе это знание. Просто живи с ним...

Тихонечко, пока люди в волнении ждали последних секунд уходящего года, Ноэль сжал мое запястье и увлек за высокие заросли экзотического растения в большой кадке.

– Что мы творим? – шепотом спросила я, чувствуя, как от возбуждения в висках зашумела кровь.

– Сбегаем.

– А как же салют? – растерялась я.

– Я уже видел салют. И не раз. – Он пристроил наши бокалы с игристым вином на плетеном столике и, не выпуская моей руки, уверенной походкой направился к арочному выходу из оранжереи.

Все, что Ноэль делал, было чистым безумием! Заразительным, возбуждающим и головокружительным.

– Подожди! – Я перехватила его руку, сплетая наши пальцы в крепкий замок. – Лучше сюда.

Он никак не прокомментировал моего нежелания оказаться замеченными кем-нибудь из гостей или – что еще хуже, учитывая обстоятельства, – Чейсами-старшими и спокойно последовал к неприметной узкой дверке, ведущей в закрытую от гостей часть дома.

В спящей библиотеке, где мы спрятались, царила сизая темнота. В лампах не теплилось ни язычка магического пламени, ни крошечного светляка. В глухой тишине был слышен лишь стук моих каблучков о паркет и шелест длинного платья.

Как только книжные шкафы скрыли нас от возможных свидетелей, властным движением Ноэль заставил меня развернуться и привлек к себе. Жадные губы накрыли мои, и наше дыхание переплелось. Без стеснения сжав мои волосы на затылке, он заставил запрокинуть голову, сделать судорожный вздох раскаленного воздуха. Язык немедленно скользнул между моих приоткрытых зубов, в жгучей ласке обрисовал контур губ. Снова вернулся в рот, лизнул по нёбу.

Нас повело. Спина врезалась в истерично зазвеневшую стеклянную дверцу шкафа, в поясицу уткнулась ручка. Широкая мужская ладонь уверенно скользнула вверх по ребрам и легла на грудь. От смелого прикосновения из моего горла вырвался незнакомый низкий стон, мучительное требование того, к чему я совершенно не была готова. И в этот момент мир за пределами библиотеки напомнил о себе басовитым боем, возвестившем о конце года.

Вообще-то, напольные часы стояли в хозяйском кабинете, но магия помогла разнести часовой голос по всем уголкам огромного особняка. И если примета, дескать, как встретишь год, так его и проведешь, не врала, то меня ждали самые горячие дни за всю мою жизнь! Ведь я встретила его в руках мужчины, беззастенчиво ласкающего меня через кружевное платье.

Бой оборвался, и в тишине по ночным окрестностям прокатился рокот первого взрыва салюта.

Ноэль отстранился, оперся одной рукой о шкаф, другой ласкал мою пылающую щеку. Мы оба тяжело дышали, пытаюсь вернуться в сознание. Кончиками пальцев я очертила упрямую линию его подбородка, провела по скуле, заставляя открыть потемневшие до черноты глаза.

– С Новым годом, Ноэль, – произнесла я по шай-эрски.

– Благополучной смены времен, принцесса, – ответил он на диалекте. – Я мечтал тебя поцеловать с той минуты, когда увидел в холле. Ты выглядела ошеломительной, и украшение Эна Риона идет тебе невысказанно, как будто создано по твоей мерке. Действительно хочешь вернуть его?

– Я должна.

– И кто тебя обязывает?

– Здравый смысл.

Мы посмотрели друг на друга и рассмеялись. В нашем поступке не было ни крупинки здравого смысла.

– Спасибо за подарок, – поблагодарила я и призналась: – Если честно, мне не нравилась мысль, что его надо отдать обратно.

Секундой погодя кто-то ворвался в библиотеку.

Глава 5

Никакие не друзья

Дверь открылась резко, с такой силой, что, похоже, ударилась ручкой о стену и только чудом осталась на петлях. За шкафами вспыхнула лампа, в проходе вытянулось желтое пятно света. Невольно мы сдвинулись в тень и замерли, стараясь остаться незамеченными.

– Повтори-ка, что ты сказал, поганец? – прозвучал вкрадчивый голос Энтона Чейса, а следом зазвенел хрустальный графин. Должно быть, хозяин дома залез в замаскированный под глобус тайник для алкоголя.

– Мы с Шарлоттой решили разорвать помолвку, – четко, с ледяной интонацией произнес Алекс. – Ни она, ни я не желаем этого брака. Хотим до конца месяца решить вопрос любовно и разойтись без лишней шумихи.

– Вы хотите? Думаешь, я не в курсе, что она согласится со всем, что ты попросишь? – зло рассмеялся Чейс-старший. – Она же ест с твоей руки!

В гневе я дернулась, но Ноэль прикрыл мне рот ладонью и очень серьезно покачал головой, давая понять, что, каким бы унижительным ни был этот отвратительный разговор, вмешиваться глупо.

– Шарлотта Тэйр не так проста, как тебе кажется, – спокойно ответил Алекс. – Она далеко не наивная дура, какой тебе нравится ее считать, и ясно дала понять, что не испытывает ко мне даже дружеских чувств. В довольно цветистых выражениях, если тебе нужны подробности.

– Что ты сказал? – вкрадчиво переспросил Энтон.

– Ты слышал.

Я вцепилась в сюртук Ноэля и, сминая ткань в кулаках, ловила себя на идиотской мысли, что, видимо, светлые духи Нового года наказали меня за блуд, раз заставили переживать самый стыдный позор не в одиночестве, а в компании умопомрачительного парня. В таком случае, они удивительно скоры на возмездие! Загаданные в полночь желания почему-то с такой скоростью не исполняются.

И да, теперь понятно, что именно имели в виду подружки, когда называли Коэна «умопомрачительным». Честное слово, в его присутствии разум впадал в летаргический сон! Иначе я никогда не оказалась бы в дурацком положении человека, подслушивающего разговор, где меня песочили бывший жених и несостоявшийся свекор.

– Как ты умудрился абсолютно все пустить коту под хвост, кретин? – между тем задавался риторическим, но не менее унижительным вопросом Энтон. – Ты совсем забыл, зачем тебе нужна дочь Гатри Тэйра?

– Затем, что за последние три года он вложил в твои предприятия кучу денег, а теперь их придется возвращать с лихвой? – с насмешкой вымолвил Алекс.

Секундой позже раздался звук звонкой пощечины. Энтон не ударил сына по-мужски, а просто отвесил обидную оплеуху, как девчонке.

– Я смотрю, поганец, у тебя крыша поехала, а еще даже не весна! – издевательски протянул он.

С ума сойти! Выходит, мы тут оба – и я, и Алекс – поехавшие.

– Дочь Гатри Тэйра крестил и благословлял король! Она – твой пропуск в кабинеты дворца, – между тем с жесткими интонациями продолжал Энтон. – Ты без нее пустое место!

– Я сам способен всего добиться! – проскрипел Алекс.

– Да тебя даже к дворцовой площади не подпустят! Решил уничтожить свое будущее ради провинциальной девки?!

– Не вмешивай сюда Елену! Она не имеет никакого отношения к разрыву брачного соглашения.

– Ты не понял, почему я пустил ее в наш дом? Чтобы ты увидел разницу между настоящей аристократкой и беспородной провинциалкой! Но у тебя, похоже, проблемы или со зрением, или с принятием объективной реальности. Надеюсь, что хотя бы со слухом все в порядке, поэтому слушай меня внимательно, паршивец! – Голос Энтона стал тише и как будто тяжелее, отчего слова падали в тишине, как чугунные шарики. – Не устраивает дочь Тэйров, хочешь нищенку и всего добиться сам? Милости прошу, но без моих денег! Хочешь помощи? Сделай свою невесту крайне счастливой женщиной, а еще лучше – заделай ей ребенка, потому что мне не нравится это ее...

увлечение уроками северного диалекта. Я ясно выразил свою точку зрения?

Последовала долгая пауза.

– Вполне, – наконец сухо вымолвил Алекс.

Прозвучали быстрые шаги. Хлопнула дверь. Секундой позже Чейс-младший взвыл, словно раненый зверь, и что-то разбил с оглушительным грохотом. Подозреваю, что пострадал графин с отцовским редким алкоголем или вообще вся хрустальная посуда из винного тайника. Я вполне разделяла его настроение и мысленно тоже колотила стекла в этом поместье своей любимой кочергой.

Алекс вышел вслед за отцом. В библиотеке стало очень тихо. Я по-прежнему цеплялась за сюртук Ноэля и не смела посмотреть ему в глаза.

– Нам надо возвращаться, – проговорила вдруг севшим голосом.

– Ты будешь в порядке? – тихо спросил он.

– Не сомневайся! Не съедят же они меня, – нервно рассмеялась в ответ.

Чтобы не вызывать подозрений, к гостям мы вышли по очереди. Сначала Ноэль, а я дождалась, когда магия вернет платью и прическе первозданный вид. Все-таки покупать наряд в полном комплекте иногда очень удобно – никто не догадается, что жалкие минуты назад я была зажата между парнем и шкафом.

– Где ты была? – встретила меня Ирэна. – Ректор с супругой уезжают.

Оказалось, что ректорская чета не просто засобиралась в Ос-Арэт, а решила прихватить всех подопечных. Когда я вышла в холл, Ноэль уже успел одеться. Попрошаться нам не удалось, разве что обменяться быстрыми взглядами.

На следующее утро, как и ожидалось, погода над поместьем испортилась. Природа всегда переболевала магическое вмешательство, а стихия, выйдя из летаргического сна, непременно мстила людям. Тяжелое небо было таким низким, что казалось, будто окрестности затянуло серым плотным дымом. За окном уже начинали кружить мелкие снежинки, но редкий снег через пару часов грозил перерасти в лютый буран.

Торопливо, надеясь успеть до разгула стихии, я побросала в саквояж привезенные с собой мелочи, распорядилась, чтобы

горничные собрали мои вещи, поселившиеся в гардеробной за последние два года, и отправили вместе со сказочно-красивым новогодним платьем в пансион мадам Прудо.

– Госпожа Шарлотта, – заглянула в спальню личная служанка Ирэны, – хозяйка зовет вас к себе в покои.

Бывшая балетная прима искренне верила, что ранние подъемы заставляют женщину быстро стареть, и даже в обычные дни просыпалась не раньше полудня, а значит, она намеревалась сказать нечто важное. Не исключая, что важное только с ее точки зрения, но откровенно проигнорировать приглашение на завтрак я не решилась из осторожности. Как правило, люди хранят секреты до тех пор, пока их не взбесят.

Прихватив подаренное ожерелье, я отправилась с утренним визитом. Ирэна встретила меня в черном кружевном пеньюаре, сидя на двухместном диванчике перед кофейным столиком. Без магических притирок, освежающих цвет лица и скрывающих глубокие носогубные складки, она выглядела на десять лет старше, чем на приеме.

– С Новым годом, – вместо приветствия произнесла я, усаживаясь в придвинутое к столику кресло. Химера, обратившаяся белым хорьком с голубым бантом на шее, свернулась бубликом на диване по соседству с хозяйкой и постоянно вела ухом.

– И тебя, дорогая. – Ирэна болезненно поморщилась и слабой рукой сделала знак горничной в чепце.

Девушка проворно разлила по чашкам кофе и тихо выскользнула из покоев. Едва мы остались вдвоем, Ирэна вытащила из-под бархатной подушки маленькую золотую фляжку и щедро плеснула в утренний бодрящий напиток алкоголь. В воздухе, пахнущем густым тяжелым благовонием, повеяло коньяком.

– Пусть это останется нашим маленьким секретом? – улыбнулась она, закручивая крышку.

Я дернула плечом, соглашаясь, и подвинула плоский футляр с колье:

– Здесь украшение, которое купил господин Энтон. Учитывая обстоятельства, будет неправильно принять подарок.

– Колье заказала я.

– У вас превосходный вкус, – сухо заметила я.

– Господи, на секунду мне показалось, что в комнате появилась Лилия! Даже воздух похолодел. – Она улыбнулась. – Откровенно сказать, я хотела купить тебе женскую фляжку, но решила, что пока рановато. Подарю на свадьбу.

Убить взглядом было невозможно, и Ирэна являлась живым тому подтверждением. Я метала в ее сторону мысленные молнии, а она, с наслаждением прикрыв глаза, отхлебнула разбавленный алкоголем кофе и с глубоким вздохом откинулась на спинку дивана.

Еще пару глотков мы провели в напряженном молчании. Наконец она отставила чашку, сложила руки на груди и, с любопытством глядя на меня большими блестящими глазами, спокойно произнесла:

– Ты же сама понимаешь, что он никогда тебя не отпустит. Если Энтон в кого-то вцепится, то держит до последнего. Я знаю, о чем говорю.

– Даже он не способен заставить меня выйти замуж за своего сына, – сухо ответила я, чувствуя, как внутри пружиной заворачивается негодование.

– Что ж, попытайся сбежать. Надеюсь, тебя не постигнет разочарование, – усмехнулась она. – Наслаждаешься этим парнем из Норсента?

Я почувствовала, как меняюсь в лице.

– С ума сойти! Что я вижу? Шарлотта Тэйр не сумела скрыть эмоций! Видимо, он сильно задевает тебя, так? – Она одарила меня насмешливой улыбкой, словно действительно ожидала, что я опущусь до разговоров о мужчинах с мачехой бывшего жениха. – Не стесняйся, дело-то житейское. Девушкам в двадцать лет свойственно увлекаться плохими парнями.

Внутренне я закипала, но говорила так, словно роняла колотые кусочки льда:

– Он не из плохих парней.

– Уж кто-кто, а ты, Шарлотта, должна знать, что нам не всегда нравятся хорошие люди.

Ирэна выдвинула из-под крышки столика узкий ящик, который, как правило, использовали под столовые приборы или салфетки, и выудила узкий металлический тубус с запирающим знаком на плоской крышке. Очертаниями символ походил на паука, а переводился с первородного просто как «закрыться».

– Вообще-то, Энтон просил отдать подарок еще вчера, но я решила, что хотя бы у кого-то в нашем унылом доме должен быть праздник, и посадила вас с северянином вместе. Возьми.

– Что это? – сухо спросила я.

– То, о чем тебе вряд ли расскажут его друзья.

Понимая, что внутри тубуса не найду ничего приятного, я не торопилась его забирать.

– Разве ты не хочешь узнать, ради кого решила перевернуть свою жизнь? – усмехнулась Ирэна, продолжая протягивать мне «подарок» Чейса-старшего.

Неожиданно даже для себя я подалась вперед и выхватила металлическую трубочку. Невольно я покрутила ее в руках, взвесила на ладони. Почему-то казалось, что тяжесть тубуса должна быть пропорциональной тяжести гнусности, хранящейся внутри, но он был практически невесомым.

Остаться в покоях дальше, рискуя оказаться запертой в поместье из-за метели, не было никакого смысла – мачеха Алекса сказала и сделала все, что хотела.

– Снег набирает силу, – кивнула я на окно за спиной собеседницы. – Пожалуй, мне стоит вернуться в пансион, пока не поздно.

Она обернулась через плечо. Стихия за стеклом действительно начинала гневаться, и степенное падение снежных хлопьев постепенно превращалось в остервенелую круговерть.

– Иди, – согласилась она.

Попрощавшись, я поднялась с кресла. Почти невесомый тубус оттягивал руку, как тяжелый камень. Такой же камень, возникнув у меня в груди, сдавливал сердце.

– Шарлотта, ты забыла забрать свое кольцо, – остановила меня Ирэна в дверях.

– Я не забыла, – поправила хозяйку дома. – И, к слову, Ноэль – не причина и даже не повод для разрыва помолвки. Просто я не желаю превращаться в глубоко несчастную женщину, которой меня, без сомнения, сделает Александр.

Из поместья удалось выехать раньше, чем окрестности превратились в снежный ад. Как только невидимая граница, накануне очерченная магом-стихийником, была пройдена, метель начала

успокаиваться. Полумрак салона рассеялся, в заснеженное окошко с трудом, но пробился свет. Я развинтила крышку на тубусе и вытряхнула несколько свернутых трубочкой газетных листов на северном диалекте. Датированы все заметки были прошлым летом.

«Наследника династии Коэн обвиняют в смерти однокурсника!» – прокричал мне в лицо пугающий заголовок. – *«Сын погибшего в огне королевского советника – убийца!»*

И еще парочка похожей гадости.

Впервые я порадовалась, что весьма посредственно знала диалект и была способна уловить лишь общую суть, тем более в тексте, напечатанном мелким типографским шрифтом с размазанными местами литерами. В прочитанной колонке говорилось, что наследник магической династии Коэн, единственный выживший после пожара на семейной шхуне и воспитанный дедом, заставил столицу вздрогнуть от возмущения. Он ввязался в драку с применением боевой магии. Один из участников поединка, сын вдовы из города, название которого было невозможно выговорить и в пьяном бреду, погиб от остановки сердца после расчетливого удара, нанесенного Ноэлем...

– Счастливого Нового года, Чарли... Проклятие!

Огромная страшная правда о парне, который страстно целовал меня вчера в библиотеке, отказывалась уместиться в голове. Было немислимо принять тот факт, что он лишил кого-то жизни, а теперь отсиживался в Шай-Эре, терпеливо дожидаясь, когда дома «осядет пена». Или наследник какой-нибудь другой древней фамилии попадет в дурную историю, и о нем напишут статьи с кричащими заголовками.

Ледяными руками я свернула газеты трубочкой, запихнула обратно в тубус и попросила кучера остановить карету. Вышвырнуть подарочек Чейсов откуда-нибудь со скалы было бы патетично, но дорога до их поместья проходила через тривиальные фермерские уголья, и привередничать не приходилось. Я смирилась с обычным заснеженным полем, упершимся в частокол голой рощи, и огромным валуном, торчащим посередке, подошла к кромке и ритуально зашвырнула тубус как можно дальше в сугробы. Вообще, дальше не получилось, а удалось только ближе, но наплевать.

Когда за окном экипажа появились ворота пансиона мадам Прудо, я уже знала, что именно напишу отцу. Особняк еще спал после шумной ночи. Помнится, девочки собирались на каток кататься на

коньках, пить горячее пряное вино, заедать имбирными пряниками и взрывать хлопушки с блестящими конфетти. Одну даже опробовали посреди гостиной, чем вызывали просто адскую злость у домовика. Собственно, только он-то меня и обшипел по приезде, когда заметил на чистых ступеньках мокрые следы от сапог.

Попав в спальню, я наскоро вытряхнулась из пальто, уселась за секретер и написала отцу короткое выразительное послание:

«Просто отдайте Энтону Чейсу все, что он захочет».

Толком не запечатав, бросила письмо в почтовую шкатулку, но немедленно вытащила обратно и несколько криво приписала поздравление, искренне веря, что папа примет его за проявление вежливости, а не за издевку:

«С Новым годом!»

Взгляд упал на новенький томик «Воины света», венчающий стопку учебников на полке секретера. Принимая судьбоносные решения, я не могла позволить себе совершать новые ошибки, и книга отправилась в мусорную корзину под столом. Туда же следовало отправить нательное украшение, но я не заставила себя хотя бы попытаться расстегнуть пуговицу на манжете платья и закатать рукав.

Написать Зои и напроситься в гости заняло немного времени. Прежде чем карета с гербом семьи Терри на дверце и с радостной подругой в салоне остановилась возле пансиона, из Эл-Бланса пришел ответ от мамы. Она была лаконична и вопреки привычке написала идеальным почерком ровно под моим кривоватым посланием:

«Будь благоразумной, Шарлотта. Мы обо всем позаботимся».

В первый учебный день в Ос-Арэте шел крупный снег. Белые хлопья медленно падали на вычищенный двор, присыпали крыши карет и остроконечные башни замка. Из экипажа я выходила, нервничая и практически не слыша весело болтающую Зои. Мы вернулись накануне. Не успели заколдованные подругой сундуки перелететь через порог, как соседки рассказали, что на следующий день после отъезда меня искал «тот самый северянин». В двери учебного корпуса я входила напряженная, как сжатая пружина, все еще не готовая встретиться с Ноэлем лицом к лицу, но его не оказалось в центральном холле. Не появился он ни после первого занятия, ни после следующих двух.

Лекции по первородному языку обычно слушали студенты из разных факультетов, и в круглой просторной аудитории с восходящими рядами стоял непрерывный гул. Как и все языковеды, я сидела поближе к преподавательской кафедре и пыталась сосредоточиться на монографии, которую задали прочесть на каникулах. Все дни я так вдохновенно страдала, что напрочь про нее забыла.

– Мать божья! – на одном дыхании пробормотала староста, сидящая рядом со мной на первом ряду.

В недоумении я подняла голову и оцепенела, не в силах отвести взгляд или хотя бы просто моргнуть. Аудиторию уверенной поступью пересекал Ноэль... И он был подстрижен! Волосы лежали густой небрежной шапкой, длинная челка с прожилками светлых прядей падала на глаза.

Кажется, половина девушек-языковедов перестала дышать, глядя на высокого гибкого северянина. Я с трудом стряхнула изумленное оцепенение и вернулась к чтению. Вернее, сделала вид, будто вернулась, но так занервничала из-за присутствия Ноэля, что не могла разобрать литеры. И вообще страницу не видела.

Неожиданно, привлекая мое внимание, по столу постучали костяшкой пальца. Три раза. Я перестала изображать увлеченное чтение и подняла глаза. Коэн стоял перед столом и рассматривал меня сверху вниз немигающим взглядом.

– Я все утро ждал, когда ты найдешь меня, но понял, что придется самому искать тебя.

– Просто мне нечего тебе сказать, Ноэль, – тихо отозвалась я, догадываясь, что мы уже привлекли к себе внимание всей аудитории.

– Сильно сомневаюсь.

Совершенно спокойно, как будто ничего особенного не происходило и не было вокруг зрителей, он сжал мой локоть и заставил подняться из-за парты. Мы двинулись в сторону выхода. Я не сопротивлялась, свободно шагала рядом – не ругаться же перед толпой досужих сплетников. Едва мы вышли, как волна изумленных шепотков, несшаяся нам в спину, переродилась в шквал голосов.

Коридор тоже, мягко говоря, не очень пустовал, и за короткий проход мы умудрились засветиться перед таким количеством человек, что наверняка не позже чем через десять минут Алекс узнает, как его бывшую невесту куда-то волок северный варвар. Удивлюсь, если в

рассказах я пойду своими ногами, а не поеду перекинутая через крепкое плечо, как мешок с бататом.

Ноэль толкнул дверь в соседний кабинет, где без дела сидели несколько студентов, и тихо скомандовал:

– Пошли все вон.

Народ послушался приказа беспрекословно: проворно собрал вещи и шустренько, без лишнего шума покинул помещение. Когда за последним парнем, бросившим на меня по-настоящему сочувственный взгляд, закрылась дверь, северянин требовательно произнес:

– Рассказывай!

– Понятия не имею, что тебе сказать.

Но ведь не соврала! Прошло несколько дней с тех пор, как Ирэна Чейс подсунула те проклятые газеты, а я до сих пор не придумала, как сказать парню, от которого пульс начинал биться на сто ударов быстрее, что принцессам губительно заводить плохие знакомства.

– Что-то произошло за те несколько часов между моим возвращением в Ос-Арэт и твоим отъездом к подруге, – твердо произнес он. – Что именно? Говори, Чарли.

Ничего особенного, я просто узнала, что ты вроде кое-кого прикончил. Это правда?

– Произошло все, и так быстро, что я взяла перерыв.

– Что ты имеешь в виду? – переспросил он.

Я посмотрела в его нахмуренное лицо и неожиданно поймала себя на странной мысли, что впервые вижу Ноэля днем. Мы всегда встречались по вечерам, озаренные магическим освещением или утопленные в зимнем полумраке, но ни разу не смотрели глаза в глаза в беспощадном дневном свете.

Сейчас можно было разглядеть мелкие несовершенства: тонкий шрам на скуле, оспинку возле уголка нижней губы, пробившуюся к обеду темную щетину на подбородке, складочки в уголках губ и возле глаз. Недостатки делали его земным, живым и настоящим, а не сказочным героем, неспособным причинить вред другому человеку.

– На балу ты сказал, что не следил за мной, но я видела свой портрет, Ноэль. Ты рисовал меня спящей.

Он заметно напрягся, но вымолвил спокойно, тщательно следя за интонациями в голосе:

– Я все еще не рисую.

– Как тебе верить?! Ты избегаешь разговоров о себе, на прямые вопросы даешь туманные ответы и ничего не рассказываешь. Непрошибаемая стена! Если подумать, я ничего о тебе не знаю, кроме того, что ты прекрасно владеешь магией и отлично целуешься.

– Портрет нарисовал Эйнар ради шутки. Стоило сразу спросить об этом рисунке, а не накручивать себя, – спокойно пояснил Ноэль, хотя прекрасно понимал, что дело вовсе не в портрете. Но о важном и большом говорить всегда было сложнее.

– Зачем он вообще рисовал меня?

– Что, если моя история, Чарли, началась раньше твоей?

– Когда? В тот вечер на празднике, когда мы окончательно поссорились с Алексом?

– В тот день, когда я приехал в Ос-Арэт. – Ноэль внимательно следил за моей реакцией. – Слышала когда-нибудь о феномене избирательного внимания? Везде, где бы я ни оказался, видел только тебя. Одну тебя. И мне это нравилось. Что ты еще хочешь знать?

– Все! – выдохнула я. – Кто ты? Что у тебя за семья? Что случилось до приезда в Шай-Эр? Я хочу знать о твоём прошлом!

Слово «прошрое» пронеслось между нами, как птица-кликуша, предрекающая беды, и возникла тяжелая, давящая на нервы тишина. Северянин медленно менялся в лице, в светло-карих глазах таяло тепло, взгляд заметно холодел.

– В этом дело, да? – сардонически усмехнувшись, внезапно перешел на диалект. – Принцесса узнала, что у меня есть прошлое, и оно ей не понравилось.

– Верно! Мне совершенно не понравились газетные статьи, которые я увидела! – начиная злиться, огрызнулась я на шай-эрском языке. – Никто не верит газетчикам, однако...

– Ты хотела услышать, правдивы ли они? – вкрадчиво проговорил Ноэль. – Да, все правда. Человек погиб. И мне понятно твое нежелание иметь с этим скандалом что-то общее.

– Дело не в желаниях! У меня больше нет права на ошибку! Я его истратила, когда в семнадцать лет решила, что достаточно взрослая, чтобы выйти замуж за Александра Чейса. Сейчас мне почти двадцать, и я не хочу, чтобы меня считали вещью или ступенью в хорошую жизнь, а главное, продолжали вредить!

– Считаешь, что я способен тебе навредить? – с негодованием переспросил он. – Ты, кажется, перепутала меня со своим женихом, Шарлотта Тэйр. Кто я? Человек, которому не плевать на тебя.

– Вокруг масса людей, которым на меня не плевать.

– Не ври себе, принцесса, – сухо прокомментировал он, расчетливо ударив меня в болевую точку, и я действительно едва не задохнулась от обиды.

Ноэль почти вышел из кабинета. Даже успел открыть дверь в пустеющий коридор.

– Постой, Ноэль! – сорвалась и окликнула я, заставив его обернуться. – Мы все еще можем попытаться остаться друзьями.

Он невесело усмехнулся и произнес на диалекте:

– Без обид, но я не настолько благороден, чтобы быть тебе другом.

Боже мой, какие уж обиды, господин «сама честность»? Мы говорили на разных языках в прямом и в переносном смысле этих слов.

За ним закрылась дверь. Ошеломленная, я уселась за стол возле окна и до окончания занятия рассматривала, как на улице нарастала снежная круговерть. Кажется, природа тоже очень хотела заплакать.

Я поступила верно, когда вовремя остановилась, не успев увязнуть в сложной любовной истории. Именно такие – верные – решения принимают хорошие дочери и здравомыслящие леди. Но сердце отказывалось слышать сигналы разума и рвалось из груди. Они оказались в полном разладе: глупое сердце и прагматичный разум!

* * *

В середине недели, в очередной ветреный снежный день, ворота в пансион мадам Прудо оказались заблокированы по-столичному модным экипажем, запряженным белоснежной парой лошадей. В гостиной напротив зажженного камина меня поджидала Ирэна с чашечкой кофе в руках.

– Госпожа Чейс? – удивилась я, увидев мачеху Алекса на аккуратно вычищенном диване мадам Прудо.

– Надеюсь, ты не против, что я заглянула в гости? – улынулась она одними губами. – Ваша кухарка варит чудесный кофе.

Я была категорически против, но Ирэна, дыша тяжелым ароматом «зрелого» благовония, уже перекрыла новым экипажем ворота особняка. Выгнать ее с порога, даже не дав выпить чашку кофе, было бы невежливо, хотя желание возникало.

– Я полагала, вы уже уехали в столицу, – призналась я, присаживаясь рядом с бывшей балетной примой.

– Мы хотели, но пришлось разбираться с семейными делами, поэтому отложили отъезд на завтра, – ответила она. – Ты же знаешь, что Алекс ушел из дома?

От удивления меня подвела выдержка. Наверное, на лице промелькнула такая гамма чувств, что Ирэна рассмеялась, прикрыв пальчиками накрашенные кармином губы.

– Господи, ты действительно не в курсе! – восхищенно резюмировала она, отставляя чашку с ярким помадным отпечатком на фарфоровом крае. – Александр решил, что достаточно повзрослел, чтобы жить отдельно, и вчера переехал в общежитие Ос-Арэта.

– И вы хотите, чтобы я убедила его вернуться в семью? – вырвалось у меня.

– Ни в коем случае! – помахала рукой Ирэна. – Девочки не должны вмешиваться в мужские дела. Просто окажи мне крошечную услугу...

Она вытащила из ридикюля квадратную шкатулку с магическим замком, который отпирался отпечатком пальца владельца.

– Это ключ от его личного хранилища в монетном дворе и семейная печать, – пояснила Ирэна. – Энтон решил лишить Алекса поддержки, но ведь мы должны возвращать в мужчине желание вести самостоятельную жизнь, скажи?

Проще говоря, она втихую отдала пасынку деньги, чтобы он не думал возвращаться домой. Мачеху можно было понять: с Чейсом-старшим они поженились, когда в Алексе буйным цветом расцвели юношеский максимализм и сволочизм. Впервые за последние десять лет он предпринял попытку выйти из этого чудесного состояния, как не поддержать?

– Передашь? – Она заглянула мне в глаза.

– Хорошо, – согласилась я, сгребая шкатулку со столика. – Но договоримся, что эта услуга будет последней. Пожалуйста, больше не беспокойте меня просьбами, которые касаются Александра. Мы

разрываем помолвку, и я не хочу общаться с ним без крайней необходимости.

– Между тем завязанная им обручальная нить все еще светится на твоём запястье, – с язвительной улыбкой напомнила Ирэна.

– Это временное неудобство, – сухо отозвалась я. – И кое-что еще. Никогда, ни при каких обстоятельствах ничего мне не дарите.

Она усмехнулась и, подхватив ридикюль, поднялась с дивана, аккуратно разгладила юбку. Высокая и худощавая, она смотрела сверху вниз. Надеюсь, не ждала, что я брошусь провожать ее. Могу, конечно, но не уверена, что не устрою сеанс экзорцизма и не столкну эту нечисть в крыльца, стараясь поскорее очистить дом.

– Не надо злиться на меня, Шарлотта. – Рука с длинными алыми ногтями аккуратно убрала идеально ровную прядь моих волос, выбившуюся из-за уха. – Странно обижаться на гонца, принесшего дурные вести.

– Да, но я не просила о них!

– Незнание, милая, никогда не изменит того факта, что он виновен. Его магия запятнана, фамилии нанесен неизмеримый ущерб. Девушкам из высшего общества Шай-Эра следует быть очень, очень осторожными в выборе романтических увлечений. Стоит смириться, перешагнуть и жить дальше. Долго и счастливо, как ты и хочешь. Согласна? – Она потрепала меня по щеке, как малого ребенка, притом довольно больно, и опустила руку. – Тебе идет новая укладка. С локонами ты напоминала мать.

На следующий день во время длинного перерыва я отправилась в корпус к высшим магам. Думала быстренько отдать шкатулку и пообедать с Зои, но, поднимаясь по лестнице к учебным аудиториям, осознала, что не знаю расписания Алекса. Впервые с момента поступления.

– Проклятые Чейсы! Умеете же вы достать хороших людей!

Бормоча под нос ругательства, я повернула обратно и спустилась в холл к информационному столу, представляющему собой подвешенную с помощью магии мраморную столешницу. Пришлось дожидаться своей очереди, чтобы проверить расписание на запятнанной многочисленными следами пальцев гладкой поверхности. У выпускного курса весь день шла самостоятельная подготовка к дипломной работе. Алекс никогда подобными вещами не пренебрегал.

Несмотря на отвратительный характер и манеры пещерного человека, учился он блестяще.

– Чудесно, – пробормотала я, понимая, что вынуждена вернуться обратно в главный корпус.

Дверь в читальный зал, просторное двухъярусное помещение с витражным куполом, открылась с леденящим кровью скрипом, как в детских книгах-страшилках, где каждый описанный в тексте звук по ходу чтения претворялся в жизнь. Душераздирающий дверной стон заставил всех окрестных студентов, обложенных гримуарами, повернуться в мою сторону.

Оказавшись, под прицелом неодобрительных взглядов, я замерла по пороге и не придумала ничего получше, как с надменным видом поздороваться:

– Добрый день.

От громкого приветствия внутри храма знаний зритель подавился чайком. Пока он пытался беззвучно кашлять, я направилась в соседний зал, где предпочитал заниматься Алекс. Тут-то и выяснилось, что в гробовой тишине каблуки стучат так, словно кто-то специально забивает в паркет гвозди.

Полагаю, меня не выставили с позором только из-за Чейс-младшего... Или же парням понравился мой зад, обтянутый узкими портками. За торжественным проходом не наблюдали только спящие, а их было немного. Ленивых, как и сильно увлеченных заклятиями высшей магии, в храме знаний вообще не обнаружилось, все зубрили тоже едва не свернули шеи.

Когда я встала возле Алекса, он не потрудился оторваться от чтения и сделал вид, будто ничего не замечает вокруг. Бывшей невесты, торчащей перед ним, в том числе. В жизни не подумала бы, что теория высшей магии вызывает такой непреодолимый интерес!

Пришлось вытащить из портфеля шкатулку и поставить на раскрытый разворот учебника. Игнорировать меня и дальше стало невозможно. «Его величество» Александр Чейс-младший пожелал оторваться от книги. Взгляд остановился на моих ногах в провокационно узких брюках, плавно переместился к бедрам, едва прикрытым форменным пиджаком, поднялся по заправленной за пояс белой блузке. На линии груди, где следовало скромно потупиться, у Алекса изогнулись брови. Понятия не имею, что его впечатлило,

учитывая пышную кружевную манишку. Наконец я имела честь смотреть в нахальные синие глаза.

Некоторое время мы в молчании изучали друг друга. Вид у Чейса-младшего был дурацки-обескураженный. Он словно сначала меня не узнал, потом не очень поверил, а теперь сильно недоумевал, как такая оплошность могла вообще произойти и не случилось ли у него галлюцинации из-за неровного освещения.

– Вчера приезжала Ирэна и просила тебе передать, – кивнула я на шкатулку.

Где-то за моей спиной раздалось сдержанное, но выразительное покашливание зрителя.

– Поднимемся наверх, – указал Алекс на второй ярус.

В узком проходе между шкафами было глухо, как в норе, и душно. Опершись спиной о книжную полку, я покачала головой:

– Поверить не могу, что ты ушел из дома.

Алекс спрятал руки в карманы, прислонился крепким плечом к стеллажу, и нас разделила тонкая полоска воздуха. Близость бывшего жениха вызвала желание отодвинуться, а не кинуться ему на шею, что я и сделала. В смысле – сдвинулась, стараясь увеличить расстояние.

– Я говорила с родителями насчет помолвки.

Знаю, называть крошечную сердитую записку, отправленную папе, и такой же короткий мамин ответ «разговором» было несколько претенциозно.

– Они приняли разрыв спокойно и обещали обо всем позаботиться. – Я снова несколько приукрасила реальность, но суть-то осталась прежней: мы практически добрались до счастливого финала несчастливой истории. – Я хочу погасить обручальную нить.

Алекс бросил на меня взгляд из-под ресниц и невесело усмехнулся.

– Что?

– Ты всегда такая была, Шарлотта. Принимала решение и просто шла к цели напролом, не интересуясь мнением людей рядом.

– Критикуя меня, ты пытаешься сказать, что мы до конца месяца проходим женихом и невестой? – с иронией уточнила я. – Елена не злится от вида этой нити?

– Не спрашивал, – сухо бросил он. – Вы, девушки, придаете слишком большое значение символам.

Тут он был прав, ведь я заставила Ноэля уйти, но по-прежнему носила подаренное им украшение. Правда, теперь орнамент растекался поперек ребер в таком же месте, где у него самого были выбиты символы на первородном языке, значение которых мне, видимо, не суждено узнать.

– Потушим нити на выходных, – вдруг согласился Алекс уделить мне чуточку драгоценного времени. – Воскресенье тебя устроит?

Вообще-то, я хотела бы потушить немедленно, но скрепя сердце пошла на компромисс:

– Договорились.

Мы спустились вниз по винтовой лестнице. Каблуки неприлично громко стучали по деревянным ступенькам, а я так увлеченно старалась не споткнуться, что в библиотечной работнице, одетой в черную мантию архивариуса, не сразу узнала Елену Эридан. Она везла между столами деревянную тележку и по ходу собирала оставленные студентами книги.

Заметив нас вдвоем, девушка резко остановилась и по инерции опустила толстый томик мимо стопки. Неустойчивая книжная пирамида мигом развалилась на отдельные учебники и рассыпалась по полу. Грохот стоял такой, будто Елена перевернула книжный шкаф, а заодно сверху уронила тележку. Не удивлюсь, если зритель уже валялся под столом с остановкой сердца.

– Увидимся в воскресенье, – бросил Алекс через плечо и решительно отправился помогать растерявшейся пассии. В жизни не подумала бы, что он был способен так сильно напрячься ради девушки.

Пока они молчком пытались справиться с книжным хаосом и собирали «гранит науки», я прошла мимо, даже не подумав повернуться бочком. Красивый уход испортил аккомпанемент из дверного скрипа, совершенно не тянувший на фанфары.

До столовой я добралась удручающе поздно. Обед уже подходил к концу, за столами заметно поредело. Что характерно, сначала я заметила компанию северян, а только потом подругу за соседним с ними столом, выразительно стучащую пальцем по наручным часам.

Изобразив раскаяние, я развела руками, дескать, бежала как могла, но путь оказался тернист.

В том, чтобы прийти на обед позже, когда половина дневного меню закончилась, а оставшуюся часть к деликатесам причислит только невзыскательный едок, был только один плюс: короткая, споро убавляющаяся очередь к кассе. Не успела я пристроиться в хвосте, как уже стояла перед распорядителем и с тоской рассматривала написанный мелом на грифельной доске довольно скудный перечень блюд. Есть, правда, тоже не хотелось.

– Яблоко и мятный чай, – заказала я, посчитав, что точно смогу запихнуть в себя фрукт и напиток.

– И это все? – проговорил за спиной знакомый мягкий голос с акцентом.

Сама от себя не ожидая, я вздрогнула.

В последние пару дней мне в полной мере удалось прочувствовать, что такое феномен избирательного внимания. Раньше я не замечала Ноэля Коэна: его как будто нигде не было. А теперь он появился повсюду. Мы не здоровались, не оглядывались и в целом делали вид, будто не знакомы. Каждый раз, разминувшись с ним в длинном коридоре, я испытывала ноющую боль в животе.

Из-за Алекса у меня никогда ничего не болело, разве что язык, который приходилось своевременно прикусывать, чтобы не обложить ужасного жениха цветистой бранью. Даже сейчас, когда впервые с памятного скандала в кабинете мы с Ноэлем прервали долгое молчание, в животе заныло. Вообще, возникает закономерный вопрос: почему в книгах у героинь болит в груди, а у меня – в желудке? Наверное, я страдаю какой-то сердечной аномалией и не подозреваю об этом.

– Хочешь меня накормить? – холодно бросила через плечо.

– По-моему, давно пора, – без капли иронии заметил он.

Посчитав ниже собственного достоинства вступать в полемику о гастрономических привычках, я расплатилась за еду и с непроницаемой миной направилась к подруге.

– Извини, пришлось разыскивать Алекса по всему замку, – усаживаясь, объяснилась я.

– Он согласился потушить нить? – любопытствовала Зои. Сама того не замечая, она то и дело посматривала в сторону северян. Было

видно, ей очень хотелось спросить о Ноэле, но она держалась.

– В воскресенье договорились сходить в храм, – кивнула я.

– Поздравляю, Чарли! – Она улыбнулась и осторожно уточнила: – Ты так счастлива, что решила отметить свободу голодовкой и ничего не заказала?

Обычно тарелки появлялись перед едоком, стоило найти место и усесться за стол. Похоже, мой скудный, но исключительно здоровый обед потерялся где-то между замковой кухней и столовой.

– Я заказала чай...

И тут на столе торжественно возникла еда. Вся сразу, как на роту боевых магов. Тыквенный суп, посыпанный сладкой паприкой, жареные куриные ножки с маленькими картофелинами, круглый рогалик со сливочным маслом и тончайшими лепестками соленой морской рыбы. На блюде лежал шоколадный кекс. Потом уже появились огромная чашка с мятным чаем и яблоко, нарезанное аккуратными дольками.

– А к чаю – полноценный обед, – удивленно резюмировала Зои. – Ты, похоже, сильно проголодалась.

– Похоже на то, – вырвался у меня испуганный смешок.

Ни разу не слышала, чтобы домовики промахнулись со столиком и передали чужой обед, тем более собранный ровно по моим кулинарным предпочтениям.

– Не помню, чтобы в меню был тыквенный суп, – протянула наблюдательная Зои, но комментария не дождалась и усомнилась в моей, так сказать, заполняемости: – Ты все съешь?

Я нашла взглядом Ноэля, сидящего через столик. Что-то прихлебывая из термоса, он внимательно следил за мной, словно ожидая реакции на решение по собственному разумению накормить девушку до сытой икоты. Никто и никогда не задумывался, что я ела (само собой, кроме меня самой). Мама вообще считала, что женщина обязана испытывать легкий голод, придающий загадочный блеск глазам, и всегда жила по этому принципу. Впервые кто-то озаботился, не рухну ли я обморок, закусив кусочком яблочка вместо куриной ножки.

– Съем! – Я вытащила из деревянного ящичка, стоящего на краю стола, столовые приборы. – Ты права, я голодная.

На середине второго блюда желудок попросил пощады. При всем желании, если человек привык есть три салатных листика, то кусок отбивной, поданный к травке, наверняка покажется лишним. Инстинктивно я вновь покосилась на Ноэля, словно спрашивая разрешения оставить в тарелке еду, но он благополучно разговаривал с приятелем и не догадывался, что в десяти шагах от него кое-кто пытается не скончаться от переедания.

– Ты слышала? Вербена рассказывала, что по дороге к родителям в дилижансе познакомились с парнем из Норсента, – проследив за моим взглядом, неожиданно поделилась Зои, которая была в курсе абсолютно всех сплетен пансиона. – Завтра идет на свидание...

Вечером Вербена ворвалась в мою комнату и с порога заявила:

– Завтра мы с Зои идем на тройное свидание!

С арифметикой у меня всегда было, прямо сказать, не очень хорошо, но я даже на слух заметила некоторую математическую несогласованность. Вынужденно оторвалась от поиска заковыристого слова в треклятом словаре по северному диалекту и посмотрела на брюнетистую шаманку. Из-за ее плеча скромно выглядывала Зои. Благопристойная улыбка, способная украсить любую монашку, намекала, что подружка чувствует себя чуточку виноватой.

– А кто третий? – заранее понимая, что услышу в ответ, спросила я.

– Ты! – уверенно заявила Вербена.

– Совершенно точно нет! – покачала я головой. – Если я не сдам сочинение по диалекту, то Канахен опять устроит мне веселую жизнь.

– А мы как раз встречаемся с северянами, – заявила она.

– Они бросятся писать мне сочинение?

– Нет, но тебе ведь нравятся северяне, и язык их ты тоже любишь. Разве нет?

– С чего ты решила? – по-настоящему удивилась я.

– Ты ведь из-за парня из Норсента разорвала помолвку, – с серьезным видом проговорила Вербена.

Вообще, эта версия мне нравилась больше той, где я планировала осчастливить родителей незаконнорожденным внуком.

– В любом случае у тебя все равно не осталось никакой личной жизни, Чарли.

– Полагаешь, ее надо срочно налаживать? – с иронией уточнила я и невольно вспомнила подаренный подружкой флакончик, аккуратно припрятанный в ящичек с лекарствами. Следовало бы выбросить подозрительное снадобье, но почему-то было неловко перед Вербеной, несмотря на риск в горячечном бреде перепутать лекарство от детей с лекарством от насморка.

– Ты в курсе, Чарли, чем двойное свидание отличается от тройного? – Вербена уперла руки в бока, похоже, начиная терять терпение.

– В кофейне придется сдвинуть столы, чтобы все поместились? – сыронизировала я.

– На тройное свидание придут три парня! Не двое, не четверо, а ровно трое! – Для наглядности она показала три пальца, словно я не умела считать. – А нас будет только две девушки! Значит, один окажется не пришей козе рукав! Элементарная арифметика.

Она выразительно покачала одним пальцем.

– Ты можешь его пришить к Олеандре с первого этажа, – подружески посоветовала я. – Как раз соберется полный состав из шести человек. Или возьмите ее соседку.

– Вообще-то, я и хотела идти с Олли и ее соседкой, но они в последний момент отказались. Сказали, что приехал какой-то важный лектор из столицы, никак не пропустить, а Валериан хочет познакомить земляков с какими-нибудь симпатичными девушками.

– То есть мы с Зои были запасным вариантом, – съехидничала я.

– Ничего подобного! – возмутилась Вербена. – Они были запасным вариантом, просто я сразу решила им воспользоваться. Я же понимаю, что ты сейчас совсем не заинтересована в свиданиях, но тебе необязательно с этим третьим разговаривать, просто из женской солидарности побудь страшенькой безмолвной подружкой.

– Извини? – поперхнулась я на вздохе.

– Страшенькой подругой, которую взяли для кучности, – терпеливо пояснила она и покачала головой: – Конечно, откуда тебе знать, если ты постоянно была обручена и на свидания не ходила.

Не найдя, чем парировать, я открыла и закрыла рот. Ненужной невестой-дурой мне уже доводилось бывать, а страшенькой подругой, которую берут с собой на свидания, чтобы оттенить достоинства главной героини, еще ни разу.

– В общем, оденься попроще. И никаких обтягивающих порток! А ты, Зои... – Она обернулась и смерила пыщечку оценивающим взглядом. – Выпрями волосы с помощью эликсира, который я тебе дала. Встречу назначили завтра в четыре в питейной возле центрального катка. Мы отлично проведем время!

Она вышла, оставив нас недоуменно переглядываться.

– Ты действительно хочешь пойти на тройное свидание? – спросила я у Зои, и та так активно закивала, что над кудряшками вдруг начали кружиться звездочки, словно восторженные мысли пытались вырваться из головы.

– Это же почти вечеринка, только днем!

– Вечеринку днем называют утренником, – справедливо заметила я.

– В четыре почти темно, – беспечно отмахнулась Зои. – Когда много народа, можно играть в застольные игры! Уверена, будет очень весело!

– А если будет грустно, то просто напьемся горячего вина и до отвала наедемся острых крылышек, – мрачно хмыкнула я.

Не знаю, как подружкам, но лично мне стало очень весело еще по дороге на этот коллективный позор. Днем пошел снег и никак не желал останавливаться. Сыпал, не щадя ни людей, ни крыши зданий, ни дорог! И в Ос-Арэте случился транспортный провал. Всех частных извозчиков расхватывали еще на въезде в академию, пришлось едва ли не бежать на академический шаттл, как раз подъехавший к остановке.

Я заскочила в тяжеловесный высокий экипаж, стянула с головы мокрый капор и замерла, обнаружив в проходе Ноэля. Высокому северянину приходилось пригибать голову, чтобы не биться о крышу.

– Проходи уже! – крикнули мне на ухо и немедленно подтолкнули в сторону парня.

Народ продолжал штурмовать шаттл, словно у того могли растянуться стенки. Я невольно придвигалась к Коэну и к концу посадки уперлась носом ему плечо. Чувствуя себя исключительно странно, повернула голову и практически прижалась щекой к груди. Подумала развернуться спиной, но народ недовольно заворчал и давать место для маневра наотрез отказался.

Переполненный экипаж с рывком дернулся с места, толпа качнулась, и я не просто налетела на Ноэля, а улеглась всем телом.

Разве что щечкой к пальто не приложилась.

– Извини! – пробормотала, пытаясь отстраниться, несмотря на напирających соседей.

Внезапно тяжелая ладонь, затянутая в кожаную перчатку, легла мне на поясницу. Я попыталась освободиться.

– Стой спокойно, – прозвучал сверху приказ на диалекте.

Удивительно, как мой мозг реагировал на голос Ноэля: я не просто встала спокойно, а вообще перестала шевелиться. Комкала в руках влажный капор, смотрела на круглую пуговку его пальто и старалась не дышать. Вернее, не вдыхать морозный, строгий запах его благовония.

Тихонечко тяжеловесный неповоротливый омнибус спустился с горы. По мере движения по заваленному снегом городу толпа пассажиров начала редеть. Люди просили остановиться, выходили. Едва в проходе появилось место, мы с Ноэлем разлепились, а потом и вовсе разошлись в разные стороны, усевшись в противоположных концах салона. В носу все еще стоял ошеломительный аромат мужского благовония, а в голове крутилась дурацкая мысль, что на пальто должен был остаться выжженный отпечаток от мужской ладони.

Учебу подруги пропустили с пользой: успели сходить к мастеру по прическам и, похоже, заглянули в лавку готового модного платья. Можно было не напрягаться, притворяясь страшенькой подружкой, которую позвали на свидание, чтобы она не обижалась, а заодно отгоняла ретивых кавалеров. На фоне соседок я ею и была!

– Ты даже не заехала в пансион? – возмутилась Вербена, увидев на мне пиджак с эмблемой Ос-Арэта.

– Зато успела вовремя, – проворчала я, пристраивая пальто на рогатую вешалку, стоящую возле стены.

Терпеть не могу, когда обесценивают чужие усилия! Между прочим, мне впервые в жизни пришлось ехать в общественном омнибусе. Если мама узнает об этом странном происшествии, то решит, что теперь в своей жизни я видела если не все, то почти все, и снова захочет выдать меня замуж. Или отдать в женский монастырь. Под настроение.

– Ты всегда прекрасно выглядишь! – уверила меня хорошенькая Зои.

– Ты ей льстишь, – фыркнула Вербена, искренне считающая, что врут только сволочи и они же обижаются на правду. – С другой стороны, она все равно пришла для массовки.

В питейной они сидели лицом ко входу. Видимо, чтобы сразу посмотреть на парней и шустро поделить между собой. Я пристроилась рядом. Тут-то дверь и раскрылась! С облаком колючих снежинок и ледяным сквозняком в зал вошли трое плечистых, как на подбор, высоких северян... Двоих, из которых я знала, а с одним и вовсе ехала в академическом шаттле.

– Спасибо вам, светлые духи Нового года! Никогда еще вы так быстро не выполняли желание! – пробормотала Вербена, всегда мечтавшая познакомиться с парнями из Норсента, и тут же спросила: – Почему они на тебя так смотрят?

– Мы знакомы, – сухо произнесла я, отчего-то не в силах разорвать зрительный контакт с Ноэлем. Смотрел он, прямо сказать, не то чтобы очень дружелюбно.

– Со всеми? – тихо спросила она. – И с Валерианом?

У Валериана была замечательная косица, перевязанная разноцветными шнурками и перекинута через плечо, выбритые наголо виски и длинные сережки в ушах. Выглядел он колоритным, но незнакомым.

– Но не с Валерианом, – тихо отозвалась я. – Наверное, мне лучше уйти...

– Сидеть! – рявкнула Вербена таким командным голосом, что мы с Зои одновременно выпрямили спины и вообще стали представлять собой пару благородных девиц на ярмарке невест. – Просто скажи, какой из них твой северянин... Хотя не надо, я и так уже догадалась. Вы, жадные аристократы, всегда забираете самое лучшее.

– Блондин не ее, – подсказала Зои.

– Вот и я о том же! – буркнула Вербена.

Мне стало почему-то очень неловко, но мысль поделиться Ноэлем с соседкой по этажу вызвала желание этой самой соседке надеть на голову мешок и устроить темную в чулане питейной.

Наверное, на этом тройном свидании глупее себя чувствовала только набитая соломой пыльная голова оленя с ветвистыми рогами, одиноко висящая посреди стены. Мы разместились по разным сторонам стола, поделенные на мальчиков и девочек, словно

гроссмейстеры перед ответственной шахматной партией, и в ожидании заказанных напитков некоторое время перебрасывались дежурными фразами.

В общем-то, я прекрасно справлялась с ролью молчаливой страшненькой подружки, переглядываясь исключительно с оленьей головой, а потом принесли заказ, и Зои восторженно предложила:

– А давайте сыграем в игру!

Без преувеличений я вздрогнула.

– Каждый задаст по вопросу, – пустилась в пояснения она. – На положительный ответ игрок поднимает руку, на отрицательный выпивает... что вы там пьете?

Чай с малиной! Откуда она взяла эту детскую застольную игру?

– Превосходно! – подхватил Валериан с энтузиазмом, явно достойным случая получше. – Она точно нам поможет друг друга узнать.

– Да мы и так неплохо друг друга знаем, – хмыкнул Эйнар и, нахально мне подмигнув, добавил: – Особенно некоторые из нас.

Я хотела бы оттащить ему ногу под столом, но не могла дотянуться.

– Начинай, Чарли! – радостно предложила Зои.

Подозреваю, в этот момент у меня был такой же недоуменный вид, как у оленьей головы на стене.

– Почему я?

– Пусть поднимет руку тот, кто считает, что начинать должен кто-то другой, – немедленно ввернула игровую фразу Зои.

Полагаю, никогда еще мир не видел такой солидарности между суровыми северными гостями и прекрасными шай-эрсским девами. Они с такой радостью глотали горячее вино, словно дружным коллективом страдали от жажды.

– Ладно... – подчинилась я желанию коллектива и спросила: – Пусть поднимет руку тот, кто сегодня отвечает за страшненькую подружку.

Вербена подавилась на вздохе.

– Что? – хмыкнула я. – Вы мне сами вчера сказали, что на свидании всегда есть безмолвная страшненькая подружка. За нее же кто-то отвечает?

С ухмылкой Эйнар поднял вверх указательный палец. Какое разочарование! Я до последнего надеялась, что Ноэля буквально силой заставили приехать в питейную, а в шаттл он садился не иначе как под действием страшного заклятия. Но он спокойно отхлебнул вина.

– В таком случае, пусть поднимает руку тот, кто сегодня за страшенькую подружку, – проговорил Эйнар, и ответ был очевиден. – Так и знал! Может, вместе сядем, Шарлотта?

– Нет! – низким голосом прорычала Зои, при смене мест попадавшая на стул рядом с Ноэлем. Факт, что ей предназначался вообще-то мой парень, вызывал оторопь, похоже, у нас обеих. – Чарли Тэйр, сиди где сидишь и даже не думай сдвигаться с места. Сегодня я страшенькая подружка!

– Тогда мы с Шарлоттой должны поменяться местами, – с иронией рассудил Эйнар, – я хочу оказаться в своей зоне ответственности.

Никогда не видела, чтобы Зои так сильно краснела и смущалась.

– Не отрывай зад от стула, – спокойно велел Ноэль на диалекте.

– Парни, что происходит-то? – подал голос Валериан.

Понятия не имею, как он умудрился пропустить громкий скандал с новогодним поцелуем, но бедняга явно был не в курсе.

– Друзья, у меня появился вопрос! – громко объявил на шай-эрсском Эйнар. – Пусть поднимет руку тот, кто за этим столом никогда не состоял друг с другом в отношениях.

Пронзив шутника мрачными взглядом, мы с Коэном отхлебнули вино. Оно прокатилось по горлу горячим сладким комом и неприятно упало в желудок.

Несчастный Валериан со страданием в лице тихо спросил:

– Что я еще должен узнать?

– Кроме того, что девушки неплохо говорят на диалекте? – с ехидцей отозвался Эйнар и обратился уже на шай-эрсском: – Пусть поднимет руку тот, кто за этим столом находится в ссоре и только ищет повод помириться.

Мы с Ноэлем встретились глазами. Он отставил кружку и спокойно произнес:

– Давайте закончим эту игру.

– Пусть поднимет руку тот, кто хочет продолжить игру, – немедленно предложил Эйнар и издевательски ухмыльнулся в сторону

Ноэля, когда все, кроме нас, задрали руки.

Пожалуй, лучшего момента, чтобы отправиться домой, придумать было невозможно. Девчонки для вида поугovarивали меня остаться еще ненадолго, но очевидно, что присутствие страшенькой подружки, на которую никто не должен обращать внимания, а по факту обращали абсолютно все, заметно портило веселый вечер с играми и флиртом.

– Раз надо, значит, надо, – вздохнула Вербена. – Понимаем: учеба сама себя не выучит. Мы не обижаемся, Чарли, правда.

Да кто бы сомневался!

– Встретимся в пансионе, подружка, – помахала мне на прощание Зои.

Снаружи стемнело, и на заваленных снегом улицах запалили фонари. Мостовые еще не чистили, вероятно, дожидаясь, когда стихия окончательно утихомирится и маги приведут дороги в порядок. Свободного извозчика удалось отыскать чудом.

Только я открыла дверцу и подхватила юбку, чтобы забраться в салон, как кто-то крепко сжал мою руку чуть повыше локтя и резко заставил развернуться. Пульс подскочил, голова закружилась. Мысленно я собралась отбиваться, но оказалось, что меня схватил Ноэль.

Он тяжело дышал, пальто было расстегнуто нараспашку. Спутанные волосы намокли от снега, и в размытом свете уличных фонарей тускло поблескивали светлые пряди-прожилки. Глаза казались почти черными и шальными.

– Вы едете? – позвал извозчик.

– Нет! – крикнул Ноэль и захлопнул дверцу. – Девушка остается.

Девушку настолько потрясло появление северянина, что она даже рта не открыла. Позволила отвести себя от края мостовой и со странной обреченностью проследила, как другие пассажиры, не колеблющиеся в выборе маршрута, быстро забрались в экипаж.

– Что случилось? – наконец спросила я.

– Я делаю ровно как ты хотела, Чарли. Видит бог, я очень стараюсь держаться от тебя подальше!

Он говорил на диалекте так быстро, что от меня ускользала большая часть произнесенных слов, удавалось уловить лишь общий смысл фраз.

– Подожди, – попыталась остановить его я.

– Знаю, что несправедливо втягивать тебя в еще одну дурную историю. Несправедливо вынуждать переживать последствия. Не стоило к тебе вообще приближаться, но я сорвался в тот вечер и подошел. Я не святой и не выплавлен из металла...

– Ноэль, стой! Ты говоришь на диалекте!

Замолчал, посмотрел недоуменно. Он перешел на шай-эрский с таким неожиданно сильным акцентом, который назвать самобытным было бы большой лестью:

– Если захочешь, мы съездим в Норсент и ты увидишь, как я жил до тебя. Что мне еще сделать? Хочешь остаться друзьями? Я согласен, давай так и поступим, но у меня больше нет сил наблюдать за тобой со стороны.

– На самом деле я не хочу быть друзьями.

– Нет? – меняясь в лице, он вновь перешел на диалект.

– Нет.

Отойдя на пару шагов, он растерянно взлохматил влажные волосы. Огляделся вокруг, словно ища ответы в выросших на мостовых сугробах.

– То есть это конец, Чарли?

– В смысле – конец?!

Впервые в жизни меня напугало обычное слово, но в свое оправдание скажу, что в нем не содержалось ни одного позитивного звука. Даже на языке перекатывалось противно! Тут-то и стало ясно, что, в кои веки пожелав быть честной с собой и миром, я ляпнула какую-то страшную глупость.

– Я пытаюсь сказать... Мне кажется... я люблю тебя.

Глава 6

Жизнь по-взрослому

Слова о любви, когда их не ждут, звучат особенно неуклюжими и лишними, но признание уже вырвалось, проглотить его обратно было невозможно. Ноэль молчал и, верно, пытался вернуть дар речи. Пожалуй, такой длинной паузы не пережил бы ни один театральный спектакль, да и я перенесла исключительно из-за шока.

– Что? – наконец со вкрадчивой интонацией переспросил он.

– Люблю тебя... я...

Какое паршивое чувство: осознавать, что уже переживала нечто подобное, и помнить, каким чудовищным унижением закончился тот давешний разговор в летнем саду.

– Кажется? Не совсем точно? – уточнил северянин, словно пытался продрасться через дебри шай-эрского языка, где фраза «да нет, не знаю» считалась вполне себе жизнеспособной.

– Как можно влюбиться не совсем точно? – в свою очередь озадачилась я.

– Ты права... Невозможно!

Ноэль подошел стремительно, теплые ладони обняли мои холодные щеки. На секунду заглянул в лицо. Поцелуй под крупным снегом, кружившимся кружевными хлопьями, был влажным и долгим, с раскрытым ртом.

– Люблю тебя, – проговорил Коэн, сжимая меня крепко и как будто отчаянно. – Сильно. И это точно.

По дороге в пансион разговоривать оказалось некогда. Едва мы нашли нового извозчика и утонули в темноте ледяного салона, как все мысли из головы выбило ласками, поцелуями, неясным шепотом. Сначала сели чопорно, друг напротив друг. Карета тронулась, а в следующий момент я обнаружила себя на коленях у Ноэля. Возле пансиона из экипажа вывалилась на слабых ногах, как будто хмельная, с растрепанными волосами и в измятой одежде. Чуть не забыла портфель с учебниками, и северянину пришлось вновь догонять карету и лезть в салон.

В особняке светились только окна в гостиной, где лампы не тушили даже на ночь, и в апартаментах у мадам Прудо на третьем этаже.

– Поднимешься? – спросила я, кивнув на входную дверь.

– У тебя не будет неприятностей?

– Но мы ведь никому не скажем.

Девчонки все время кого-нибудь втихомолку приводили. Однажды у Олеандры пару дней жил друг детства. Если бы он случайно не столкнулся в коридоре с горничной, никто не узнал бы. Олли тогда чуть не выставили за дурное поведение, но все закончилось благополучно.

Ни в холле, ни на лестнице нам никто не встретился – первый этаж пустовал. Было некому считать, сколько пар ног шагают по лестнице, но поднимались мы очень тихо, не произнося ни слова, словно шпионы на задании его королевского величества.

– Проходи, – открыв дверь ключом, пригласила я.

Зажглась лампа. С гардины сорвался домовик в личине летучей мыши, врезался в кроватный столбик и взорвался серым дымком.

– Домовик здесь с причудой, – пробормотала я.

Ноэль пристроил на кресло мой портфель и, стягивая с шеи шарф, с интересом огляделся.

– Там есть кое-что выпить, – махнула я рукой в сторону широкого каменного подоконника, где стоял поднос с кувшином воды и нетронутыми бутылками, принесенными Зои. – Бокалов, правда, нет, только чашки. И располагайся... где хочешь.

Взгляд упал в сторону секретера. С утра горничная убиралась и вытряхнула мусор из корзины под столом. Было бы неловко, узнай Ноэль, что я без зазрения совести выбросила его подарок.

– Мне надо на минуту в ванную.

Сняв пальто, он аккуратно перекинул его через спинку кресла.

– Не торопись.

Если бы в Шай-Эре устраивали соревнования между девушками на скоростное переодевание, мне достался бы главный приз и самая горячая ненависть конкуренток. Никогда я еще не меняла форменное платье с такой потрясающей скоростью. Правда, проворность стоила зацепившихся за пуговицу и выдеранных волос, а еще отбитого о дверцу раковины колена. В общем, почти бесплатно, учитывая, что

кто-нибудь особенно неуклюжий мог рухнуть в ванну и свернуть шею. Быстро собрав спутанные волосы, я выглянула в спальню.

Ноэль разводил огонь в камине. От открытой ладони струился полупрозрачный поток света, словно плавящего воздух, а по поленьям уже танцевали язычки белесого магического пламени. В отличие от обычного огня, оно не сразу съедало дерево. Сначала долго его точило, позволяло комнате согреться, напитаться теплом, но потом поглощало мгновенно, в один присест, не оставляя ни головешек, ни пепла.

Северянин повернулся ко мне, взгляд прошелся от макушки до носов... тяжелых зимних башмаков с каблуками, торчащих из-под подола платья.

– Кхм... Сейчас еще раз вернусь!

Я втянулась обратно в ванную комнату, с грохотом скинула ботинки и сунула ноги в домашние туфли. Потом все-таки аккуратно повернула обувь носами к стене, чтобы не порадовать вредного домовика и не остаться без нее.

В спальне всю горел камин. Ноэль стоял возле секретера и листал «Воины света». Обнаружить книгу в комнате я не ожидала и несколько напряглась. Видимо, горничная решила, что новый том случайно упал в корзину, и положила его к другим учебникам. Надо обязательно ее поблагодарить.

– Не против? – Северянин кивнул на томик в своих руках.

– Его ведь подарил ты.

– Мой дед перевел «Воинов света» с первородного на королевский диалект. Он называет трактат делом всей своей жизни, – вдруг признался Ноэль. – Мать обожала эту книгу, дед обожал эту книгу, и друг друга они тоже любили. Дед плохо принял тот факт, что выжил только старший сын человека, которого он всю жизнь ненавидел.

Он отложил томик на стопку учебников, и мне вдруг стало неловко.

– Не красней, Чарли. В тех газетах, что тебе показали, наверняка упоминался пожар на корабле.

– Вскользь, – согласилась я. – Вы с дедом оба потеряли близких, разве тебе не нужна была поддержка или помощь?

– Люди справляются с горем по-разному. Я тоже не был подарком. – Он сунул руки в карманы, глубоко вздохнул и посмотрел

на меня с улыбкой. – К слову, книга валялась в корзине под столом. Она тебе настолько не понравилась?

– О боже! – На секунду, надеясь не сгореть от стыда, я прикрыла лицо ладонями. – Мне почти удалось себя убедить, что «Воинов» спасла горничная! В свое оправдание скажу, что украшение Энариона не снимаю даже в ванне.

– Эна Рион, – поправил он. – В два слова.

– То есть ты в курсе, кто он и чем знамениты его живые цветы, – резюмировала я с улыбкой.

– Где они сейчас? Цветы Эна Риона.

– На ребрах.

Взгляд Ноэля скользнул по моему телу, обласкал плечи, остановился на правом боку.

– С левой стороны, – стараясь сдержать нервный смех, подсказала я.

После странного признания в комнате возникла густая, насыщенная пауза. Несмотря на закрытое домашнее платье, я почувствовала себя почти обнаженной.

– В следующий раз покажешь?

– Если ты будешь паинькой.

– Я точно не собираюсь быть паинькой, – протянул он с такой выразительной, многообещающей интонацией, что под ложечкой засосало. Появилась восторженная мысль, что я вообще-то не против, если он сейчас передумает демонстрировать примерное поведение и мы повторим восхитительные вещи, что делали по дороге в пансион, укрытые темнотой каретного салона, но уже без слоев одежды.

Из коридора до нас донеслись женские голоса. Прилично напрягшись, я прислушалась к копошению и прижала палец к губам, призывая Ноэля не демонстрировать дар речи. Наступила тишина, а потом в дверь грубо и требовательно постучали, заставив меня вздрогнуть. Казалось, снаружи нас пытаются накрыть десять хмурых мужиков, но раздался голос одной-единственной Зои:

– Чарли, ты дома? Открой!

Дверная ручка заходила туда-сюда. Мы с Ноэлем переглянулись.

– Она ее вскроет? – едва слышно уточнил он.

– Не знаю! – В панике я подхватила с кресла его пальто: – Прячься в ванную! Не понимаю, твои приятели не могли их подольше

поразвлекать?!

– Почему ты спрашиваешь у меня? – искренне возмутилась эта мужская особь, втискиваясь в ванную комнату.

– Ты видишь здесь кого-то еще?!

Я швырнула ему в лицо пальто и захлопнула дверь.

– Чего ты заперлась? – недовольно буркнула Зои и, сдвинув меня с дороги, вошла в комнату.

– А ты зачем стучишь как на пожар, если видишь, что заперто? – в свою очередь возмутилась я. – Почему так рано вернулись?

– Сначала смылся твой Коэн, – Зои закатила глаза, – за ним ушел Эйнар. Мы посидели втроем и тоже разошлись. Договорились встретиться на выходных. Валериан пообещал позвать парней, которые точно не сбегут в середине свидания. А по дороге от коричневого вина так голова разболелась, просто жуть! У тебя ведь есть снадобье от мигрени?

– Спросила бы у Вербены, – проворчала я, но полезла в ящик за сундучком с аптекарскими настойками и порошками.

– Ты точно не подсунешь какую-нибудь гадость «десять в одном» вместо капель от головной боли.

Я выдвинула крышку, схватила флакон и передала подруге.

– Забирай и не возвращайся... в смысле, не возвращай.

– Да я у тебя выпью, – простонала она и зачем-то пошлепала в ванную комнату.

– Господи, что ты забыла в моей ванной? – испугалась я, преграждая ей дорогу.

Она недоуменно помахала флаконом:

– Запить надо.

– Тебе в графине воды мало? – указала я пальцем на подоконник с целым подносом напитков.

– В графине кипяченая, а мне нравится сырая, – не унималась Зои.

– Сырую пей у себя в комнате!

– Хорошо. Зачем так вопить, как будто тебя грабят?

Неожиданно она передумала и зашагала к двери.

Только я перевела дыхание, как Зои оглянулась:

– Кстати, Чарли, ты помнишь, как Олеандру с первого этажа чуть не выставили из пансиона? В общем, если бы тот парень ушел до четырех утра и через дверь в сад, то не столкнулся бы с горничными.

– Зачем ты это мне рассказываешь?

– В кресле лежит шарф Ноэля, поэтому я решила, что тебе пригодится эта важная информация. – Не без ехидства она указала в кресло, в котором темно-синими кольцами свернулся длинный теплый шарф, и хитро улыбнулась: – Хорошего вечера, подружка.

Она закрыла за собой дверь. По ручке проскакали серебристые искры магии, и торчащий из замочной скважины ключ провернулся сам собой, надежно запирая замок.

– Господи, не дай мне умереть от стыда! – коротко помолилась я и отправилась выпускать на свободу пленника.

В ванной комнате тот не скучал. Пальто было перекинуто через бортик ванны, а он прислонился поясницей к раковине и с плутоватым видом нюхал открытый флакон с цветочным благовонием. Определенно Ноэля забавляло, что мы с треском провалили миссию остаться незамеченными и тут же попались.

– Благовоние пахнет тобой, – проговорил он, отставляя флакон. – Сумасшедший аромат...

Он оттолкнулся от каменной раковины и двумя шагами пересек расстояние между нами. Когда его пальцы неспешно пробежались по моим ребрам, словно пытаюсь выяснить, где именно под платьем спрятан живой узор из магического металла, тесная ванная комната поплыла перед глазами.

– Разве сегодня ты не собирался быть паинькой? – пробормотала я, запрокидывая голову, чтобы ему было проще меня целовать.

– Обязательно буду, – выдохнул он уже мне в губы. – Только позже.

Мы вывалились в спальню, путаясь в ногах. Ударились о стену, налетели на секретер. На пол с грохотом свалился стаканчик с самописными перьями и посыпалась стопка учебников. Потерять равновесие оказалось еще проще, чем голову. Мы упали на аккуратно заправленную кровать.

Думала, что окажусь подмятой, но Ноэль ловко перенес вес тела на локти. Он оставил мне свободу для маневра и возможность в любой момент стряхнуть его руки, но я цеплялась за широкие плечи, откидывала голову, позволяя горячим губам выписывать причудливые узоры поцелуев на шее. Ничего бесстыднее при свете я еще не делала!

Разве что прошлым летом в гостях у Зои на рассвете купалась голышом в пруду.

Неожиданно через все тело прошли магические вибрации. Возбуждение усилилось, накрыло с головой, выбило воздух из легких, мысли из головы, образы из сознания, перед глазами заплясали звездочки. Ощутить эмоции Ноэля, передавшиеся с магией, было крышесносно и интимно. Принимая их без остатка, я выгнулась дугой, из горла вырвался хрипловатый сладострастный стон.

Северянин отстранился. Дыхание у него было рваным, глаза расширенными, почти черными и безумными. Вокруг нас медленно затухал свет, и комната постепенно погружалась в темноту.

– Извини, – с трудом проговорил он. – Я не заметил, как призвал магию. Нам надо остановиться.

– Очень надо, – согласилась я, но наши губы были так близко, почти касались друг друга. – Еще чуточку, а потом остановимся.

Мы лежали в темноте, полностью одетые и тесно прижатые. Я пристроила голову на его широкое плечо и рассказывала разную чушь: про сбежавшую мамину химеру, уроки танцев и хороших манер, купание нагишом в пруду.

В ту ночь мы с Зои праздновали окончание экзаменационной декады, и в нас плескалось по бутылке густого вина, привезенного господином Терри из южной Эргразии. Благородный напиток оказался коварен и подталкивал совершать неблагородные безумства. И ладно я скинула исподнее, но плавать-то вообще не умела! Пожалуй, самой большой удачей в то рассветное утро оказалось, что никто не утонул.

– Мне никогда ничего не снится, – вдруг вымолвил Ноэль. – Ни пожар, ни тот парень.

Я затаила дыхание, боясь спугнуть это его неожиданное признание.

– Правда в том, что он... Рэки Родэ умер не от моего удара, – добавил он. – Но я отразил его заклятие.

– Хочешь сказать, если бы он попал, тебя могло здесь не быть?

– Совершенно точно мы оба выжили бы, – усмехнулся Ноэль. – Тот удар грозил мне потерей сознания, и я действовал инстинктивно, но для человека с сердечной болезнью он оказался смертельным. После драки парень ушел на своих ногах, а утром в наш дом ворвались боевые маги. Зрелище было душераздирающим. Оказалось, что ночью

Рэки умер от остановки сердца. Удалось доказать, что я защищался, но скандал уже случился. Сейчас я понимаю, что уехать на время было лучшим выходом. Тогда казалось, что меня вынудили сбежать.

– И что теперь? – прошептала я, аккуратно, кончиком пальца, убирая упавшую на его лоб длинную прядь. – Ты вдруг подстригся.

– Здесь не приняты длинные волосы у мужчин.

– Ты хочешь остаться в Шай-Эре?

– Нет.

Сама не понимаю, почему услышать «нет» оказалось больно. Очевидно, что Ноэль не планировал обосноваться в чужом скалистом королевстве, где погода менялась три раза на дню.

– Конечно, – вздохнула я, – здесь не твой дом.

– До Норсента всего один магический переход, Чарли, – мягко произнес он. – Поверь, он только кажется длинным. На самом деле это очень короткий переход.

Если бы...

В конце концов за разговорами в темноте мы оба заснули, проснулись только чудом в середине ночи. Северянин спешно собрался. Оказалось, что домовик из вредности успел утащить брошенный в кресле шарф в знаменитую черную дыру и выволок ботинки гостя из-под кровати ровнехонько на ковер в центр комнаты. Этакое воспитание аккуратности в девицах и парнях старшего возраста. Хорошо, до пальто, оставленного в ванной комнате, не успел добраться! Ноэль ушел через дверь в сад, как и посоветовала моя сердобольная проницательная подруга, и неприятностей не случилось.

Утром я наводила порядок на столе, пытаюсь посчитать, сколько самописных перьев, сброшенных на пол, успело исчезнуть и какие учебники домовик попрятал по комнате, как любил это делать. Заглянула в ящичек со снадобьями, оставленный тут же. Флакон с каплями от мигрени спокойно терся стеклянными боками с остальными снадобьями. Впопыхах я сунула Зои средство от неприятностей после взрослых приятностей!

– Проклятие! – пробормотала испуганно, с грохотом задвигая на ящичке крышку.

На завтрак Зои спустилась свеженькая, румяная и, как всегда, веселая.

– Как самочувствие? – осторожно поинтересовалась я, когда она уселась за стол на обычное место.

– Превосходно! – улыбнулась подружка. – Ты мне дала волшебные капли от мигрени!

– У тебя вчера была мигрень? – с другого угла с нажимом спросила Вербена. – Почему ты не пришла за снадобьем ко мне?

– Чарли сама предложила, – немедленно нашлась Зои, посылая в мою сторону предупреждающий взгляд. – Очень настаивала! Буквально в руки пихнула! Да, Чарли?

– Срок годности к концу подходил, – на ходу сочинила я и, стараясь не смотреть в сторону будущего зверомага, быстро прихлебнула из чашки травяной чай.

– Средство оказалось чудеснейшим! – похвалилась Зои. – Двадцать капель выпила и через пять минут заснула как убитая. Какая головная боль? Я вообще ничего не чувствовала!

– В смысле, заснула? – опешила я.

– В самом прямом, на подушке и под одеялом, – пояснила Зои с такой интонацией, словно разговаривала с круглой дурочкой. – Спала как младенец!

Выходит, что снадобье Вербены спасало от детей старым добрым способом, каким вообще можно спастись от многих неприятностей в жизни: здоровым крепким сном. У спящего человека шанс создать себе проблемы стремится практически к нулю. Естественно, если он заснул в своей спальне на кровати, а не на парковой скамейке или в чьем-нибудь шкафу.

– Вообще-то, ты могла не проснуться, – оскорбленная тем, что в доме кто-то болел, а она никак не поучаствовала в процессе лечения и выздоровления, фыркнула Вербена. – Снадобья с истекающим сроком годности имеют свойство вводить людей в летаргический сон.

– Ой, девочки! – заговорщицки зашептала соседка Олеандры, придвигаясь к столу, и оглянулась через плечо, проверяя, одни ли мы в столовой. – Сегодня утром кухарка с горничной сплетничали, что ночью кто-то ходил по саду. Представляете?

Я почувствовала, как у меня начинает мелко дергаться веко.

– Может, это призрак? – предположила Зои, бросив на меня хитрый взгляд.

– Кухарка говорит, что это был мужчина. Живой! – уверила сплетница. – Проваливался в снег и ругался на каком-то тарабарском. Видимо, пытался залезть в дом, а у него ничего не получилось. Но мадам Прудо не поверила. Сказала, что очень чутко спит и слышала бы, если бы кто-то матерился у нее под окнами.

– Точно призрак, девочки...

– Прошедшего Нового года, – фыркнула я себе под нос.

– Кстати, Чарли, у синего шарфа приключение закончилось благополучно? – конечно, не удержалась любимая подруга от подколки.

– У синего шарфа приключение закончилось в лапах домовика, – недовольно буркнула я, одарив ее самым страшным взглядом, на какой была способна. А способна я выдать целый калейдоскоп: от ужасающих до уничижительных.

В воскресенье утром я стояла в храме возле брачного алтаря и с нервным нетерпением поглядывала то на высокие тяжелые двери святилища, то в карманные часы. Алекс опаздывал на полчаса. Утренняя служба подошла к концу. Прихожане давно разошлись, и в молельном зале воцарилась гулкая тишина. Эхо подхватывало любой шорох, отражало от стен и возвращало таинственным шелестом.

Сквозь стеклянный купол вниз падали полупрозрачные солнечные лучи, рисующие на каменном полу божественные символы. В столпах света плавала пыль. Отчего-то умиротворяющая обстановка вкупе с пониманием, что Александр Чейс поступил в своем репертуаре отборной скотины и забыл про ритуал, злила еще сильнее. Или же не забыл, а просто не явился, посчитав, что в ясное воскресное утро можно найти дела важнее, чем разрыв брачной нити с бывшей невестой.

Святой отец, взявшийся развязать нить, что-то тихо обсуждал с парой, верно, будущими молодоженами, и изредка бросал на меня сочувственные взгляды. Когда разговор закончился, он вернулся к ритуальному алтарю. Было очевидно, что Алекс не явится и я жду из чистого упрямства.

– Возможно, лучше отложить? – мягко предложил храмовник.

– А одна я не могу провести ритуал? – на всякий случай уточнила я.

– Развязать нить может только тот, кто завязал.

– Хорошо. Мы вернемся попозже, святой отец, – наступив себе на горло, сдалась я. – Сейчас найду эту скот... бывшего жениха.

Почти развернулась, и тут мне в голову пришла логичная мысль.

– Святой отец, – даже не пытаюсь скрыть недовольство в голосе, обратилась к священнику. – А как быть с теми, кому брачную нить вместо женихов повязывают поверенные? Мою прабабку, например, отдали замуж заочно. Если бы она решила разорвать помолвку, что тогда?

Возникла странная пауза. Святой отец ошарашенно моргнул и с нажимом повторил, как восточную мантру:

– Кто нитку завязал, тому ее и развязывать!

– То есть без жениха отказываетесь?

– Имейте совесть, юная леди! – возмутился он. – Кто приходит в святой храм со своим уставом?

– Так если ваш нелогичен и нежизнеспособен?

У храмовника сделалось такое лицо, что стало ясно: лучше заткнуться и уйти по-хорошему, иначе придется ехать в столичный храм, где проходил ритуал обручения, а в Ос-Арэте меня предадут анафеме и не испытают ни капли жалости.

– Извините, святой отец, – покаялась я. – Вы правы. До встречи.

Пыхтя как забытый на горячем очаге чайник, я вырвалась из храма в оглушительно холодный и солнечный день. Напоминая дракона, выдохнула раздражение вместе с густым облаком влажного пара, и быстро спустилась по многочисленным ступенькам святилища на храмовую площадь.

Через некоторое время я выбиралась из наемного экипажа перед общежитием Ос-Арэта. По дороге мне удалось накрутить себя до такого состояния, что хотелось стянуть с ноги туфлю и настучать Алексу по голове.

Пересекая ледяной двор, я с наслаждением представляла, как устрою бывшему жениху взбучку и за неимением любимой кочерги просто переверну пару стульев. Потом он побежит в храм рысцой, а я из окна кареты буду подгонять эту забывчивую сволочь хлыстом. Упоительная фантазия! Лучше той, где я колотила окна в поместье у Чейсов.

В корпусе, как и обычно, было суетливо, а из окна открывался потрясающий вид на залитые солнцем скалы. Выяснить, где поселился

бывший жених, пришлось у информационной доски. Думала, что Алекс вскарабкался на самые высокие этажи корпуса, где находились элитные апартаменты для капризных богатеньких отпрысков, в общем, для таких, как мы, но его комната располагалась на скромном пятом этаже.

Теряя надежду, я несколько раз сердито постучалась прежде, чем щелкнул замок и дверь открылась. Алекс был помятым, заспанным и очень злым. По-хорошему, я никогда в жизни не видела его в таком разобранном состоянии: всклокоченным, с темными кругами под глазами и бледным как смерть.

– Ты забыл явиться в храм! – рыкнула я и, едва не сметя его с пути, ворвалась в комнату. – Поверить не могу, что ты меня обманул! Я два часа ждала в холоде!

Комната оказалась такой же тесной, как у Ноэля. Белье на разобранной кровати было смято комом, на полу валялись вещи: брюки, спортивная форма. Резко пахло ментолом и камфарой. На письменном столе стояла бутылка с остатками воды, открытый флакон с каким-то неведомым снадобьем и кружка.

– Алекс, – осторожно обернулась я, – все в порядке?

– Извини, я проспал, – произнес он таким сиплым голосом, словно в горле у него проскрипели ржавые шестерни. – Сейчас соберусь.

Неожиданно он хрипло закашлялся, прикрывая рот кулаком, и болезненно поморщился. Нахмурившись, я быстро к нему приблизилась и прислонила к влажному горячему лбу ладонь. Кожа была как кипяток.

– Господи, да ты горишь!

– Все хорошо. – Он отвел мою руку. – Поедем в храм.

– Да к демону храм, у тебя жар! – возмутилась я и начала поспешно стягивать верхнюю одежду. – Как ты умудрился заболеть? Ты же никогда даже насморком не страдал! Самостоятельная жизнь подкосила, да?

– А ты умеешь выбрать момент, чтобы съязвить, – нашел он в себе силы огрызнуться.

– Вызывал семейного знахаря? Он выписал снадобья?

– Шарлотта, – остановил он меня.

– Что?

– Я взрослый мужчина и вполне способен позаботиться о себе сам, – попытался отбрить меня Алекс, но немедленно схватился за стену, стараясь удержать равновесие.

– То есть семейного знахаря ты не вызывал, – сделала я вывод. – Хорошо, тогда просто позову лекаря из лазарета. Он осмотрит тебя даже бесплатно. Или ты все-таки не забыл забрать из библиотеки шкатулку с ключом от своего сейфа и деньги – не проблема?

– Не проблема, – буркнул он.

– Благослови боже гибкие принципы, – наигранно помолилась я. – Иначе ты не выжил бы.

– Так и будешь ехидничать?

– Да! – издевательски развела я руками. – Из нас двоих ты ушел из дома и заболел, как ребенок. Живо в кровать! Нет, стой! Надо белье поменять. У тебя есть белье на смену?

– Ты умеешь заправлять кровать? – хмыкнул он, пытаясь размять шею. Видимо, от жара ломило мускулы и скручивало суставы.

– Нет, – честно призналась я, – поэтому не обессудь, если выйдет паршиво.

– Ты не должна ничего делать, Шарлотта.

– Я знаю.

– Тогда зачем?

Сама не понимаю. Видимо, где-то в глубине души все еще считаю его другом.

– Хочется поскорее развязать нить, но я не настолько жестока, чтобы тащить в храм человека, страдающего от лихорадки. Белье в шкафу?

Стараясь на него не смотреть, я раскрыла дверцы полупустого стенного шкафа, так сильно отличающегося от дорогой гардеробной в поместье у Чейсов, и вытащила с полки стопку белого общежитского белья с вышитой эмблемой Ос-Арэта.

– Кстати, где твоя девушка? – сердито пробормотала я, пытаясь справиться с наволочкой, никак не желавшей насаживаться на подушку. – Стоит в очереди за снадобьями от простуды?

– Мы поругались, – вдруг признался Алекс, заставив меня удивленно обернуться.

– И что? Если близкие ссорятся, то перестают заботиться друг о друге? Это новые веянья в Ос-Арэте, а я не в курсе? Или вы не очень

близкие?

– Возможно, и так, – устало вздохнул Алекс и растер бледное до синевы лицо ладонями.

– Не теряй сознание и помоги мне с пододеяльником, – проворчала я. – Клянусь, я понятия не имею, как в него вдеть проклятое одеяло!

В чистую постель Алекс не лег, а рухнул без сил, накрылся до самого подбородка. Я запихала грязное белье и одежду в плетеную корзину для стирки, спрятанную в шкафу, с бутылкой сбегала за водой к питьевому фонтанчику, а потом спустилась на первый этаж в лазарет за лекарем.

– У вас, дорогой мой, зимняя лихорадка, – категорически приговорил он больного к лечению согревающими каплями. – Стоит лечь в лазарет, и мы вам сделаем хорошо!

Укладываться в лекарскую и принимать заслуженное болезнью «хорошо» Алекс отказался в своей обычной манере, то есть так, что лично мне второй раз хаму ничего не хотелось предлагать, даже водички попить. Эскулап не повел бровью: уселся за ученический стол и начал быстро выписывать рецепт для аптекарских порошков.

– Вы вовремя спохватились, – кудачтал он, не отрывая острого пера от бумаги. – Можно было и до легочного воспаления дотянуть, тогда бы без магии никак не обошлись и за пару дней не управились.

К магии лекари прибегали в редких случаях, ведь часто вред от заклятий перевешивал пользу. После такого лечения приходилось долго восстанавливаться, пить специальные эликсиры и стоически справляться с невозможностью колдовать. Во мне-то дара теплилось на одну крошечную искорку, а все равно, помню, недели две даже лампу не могла зажечь без посторонней помощи.

– Я пометил, какие снадобья придется купить в городе, – проговорил лекарь, тюкая на бумажку личную печать. – Остальное распоряжусь выдать в лазарете. Завтра загляну на осмотр. И не переживайте, дорогуша, ваш жених вскорости будет в полном порядке.

Видимо, он заметил на запястье больного под кожей тускло светящуюся обручальную нить.

– Мы не обручены, – спокойно поправила я.

Насмешливо фыркнув, Алекс прикрыл ладонью глаза, словно никого не желал видеть.

– Да? Попутал, уж простите. – Лекарь растерянно моргнул. – Зайдите за снадобьями в лазарет. Не забудьте принимать по часам и пить побольше жидкости!

Выдав последние инструкции, он оставил нас с Алексом вдвоем.

Я засобиралась в службу посыльных, чтобы отправить кого-нибудь с рецептом в аптекарский двор и с чистой совестью устроить Ноэлю сюрприз, явившись, так сказать, во плоти на пороге комнаты.

– Я скоро вернусь, только закажу лекарства.

– Шарлотта! – неожиданно позвал Алекс, не изменяя себе даже в полубессознательном состоянии и вынуждая хорошего человека возвращаться от дверей.

– Что?

– Спасибо, – впервые с момента знакомства поблагодарил он меня за дружеское отношение.

Удивительно, как быстро самостоятельная жизнь и лихорадка заставляют людей взрослеть, а если не взрослеть, то пробуждают крепко спящие манеры.

– Пожалуйста.

И меньше всего я ожидала, что по дороге к посыльным нос к носу столкнусь с Ноэлем! Сюрприз, судя по всему, действительно удался, пусть не в том виде, в каком предполагалось: северянин по-настоящему удивился.

– Чарли? – спросил он, словно был не совсем уверен, что у него не случилось галлюцинации.

– Привет, – нервно улыбнулась я.

Он дождался, когда друзья пройдут вперед, и тихо спросил:

– Уже закончила дела в городе?

– Вроде того, – неуверенно кивнула я. – Алекс заболел, и дела пришлось отложить, но понадобилось заказать аптекарские снадобья.

– Александру Чейсу? – с холодком в голосе переспросил Ноэль, во взгляде тоже застыли колотые льдинки.

Неожиданно внутри растеклось отвратительное липкое чувство, будто, пытаясь позаботиться о бывшем женихе, я совершаю что-то неправильное и предосудительное. Никогда ничего подобного не испытывала!

– Наверное, тебе неприятно слышать об Алексе, – пробормотала я, растерянно посмотрев на зажатый в руке рецепт от лекаря. –

Сегодня мы хотели развязать обручальную нить, но он не появился в храме...

– Чарли, не стоит оправдываться, вы давно знакомы. Ты привыкла о нем заботиться, это естественно, – перебил Ноэль резче, чем стоило, но определенно мягче, чем ему, похоже, хотелось. – Я подожду тебя в столовой.

Наплевав на людей вокруг, он склонился и приоткрытыми губами прижался к моей щеке. Оторопев от неожиданной ласки, я вытаращилась на северянина, как баран на новые ворота. Он лукаво улыбнулся:

– И буду рад, если ты поторопишься, принцесса.

– Хорошо.

Обалдевшая от происходящего, с пылающей физиономией, я проследила за его удаляющейся фигурой и крикнула на диалекте с этим своим самобытным акцентом:

– Остался один день!

– В смысле? – обернулся он.

– Говорят, привычка проходит через двадцать один день. Двадцать уже позади!

– Эта теория – полная чушь! – широко улыбнулся он. – Но мне она нравится.

Алекс оказался на удивление некапризным больным, даже ни разочка не потребовал писчую бумагу с пером, чтобы написать завещание. Или же у него не осталось сил ни на капризы, ни на изъявление последней воли. Папа, помнится, когда подхватил зимнюю лихорадку, написал целых три варианта. В последнем почти все отдал короне, и мама во избежание этого немедленно уничтожила бумаги.

Бывший жених послушно проглотил горькие порошки, выданные в лазарете, и не возражал, когда я положила ему на лоб мокрую салфетку. Правда, опытным путем выяснилось, что тряпицу следовало хорошенько выжать, чтобы вода не стекала по лицу и шее, но Алекс даже не цыкнул.

Через час привезли заказ из аптекарского двора. Я разобрала порошки и флаконы с эликсирами, попутно объясняя простуженному, что за чем надо выпить.

– Сейчас принесу тебе что-нибудь поесть...

– Чарли! – вдруг назвал он меня именем, которым отродясь не называл.

Честное слово, чуть в обморок от удивления не рухнула. С флаконом в руках обернулась к нему и по-умному, как в старые добрые времена, моргнула:

– А?

– Ты провела здесь весь день и сделала достаточно. Даже больше, чем стоило.

На некоторое время в тесной комнате воцарилась растерянная тишина.

– Сумеешь справиться один? – наконец уточнила я и, получив утвердительный ответ, подхватила пальто. – Выздоровливай поскорее, Алекс. И не забывай пить порошки по часам, как сказал лекарь!

В столовую я не пошла, а припустила на полном ходу, наплевав, что выгляжу не особенно женственно. Ноэль давно ушел – ждать больше двух часов не хватит терпения ни одному, даже самому понимающему парню. Однако за столиком как ни в чем не бывало с неизменной книжечкой в руках сидела Елена Эридан и явно не страдала со своим парнем одной на двоих зимней лихорадкой. Даже в платочек не сморкалась, а преспокойно попивала что-то из изящной кружки. На фоне окна ее худощавая фигура в простом платье была похожа на тень.

– Привет!

Без спроса усевшись напротив девушки Алекса, я бросила пальто на соседний стул и невольно обратила внимание на то, что читала она вовсе не любовный роман, а теорию высшей магии. Она вздрогнула, но состроила равнодушный вид и театрально оторвалась от изучения учебника. Актриса из Елены Эридан получилась паршивая: напускное безразличие плохо скрывало нервное напряжение.

– Алекс заболел, – без предисловий объявила я, – у него сильная лихорадка. Приходил лекарь из академического лазарета, прописал постельный режим и порошки...

– И что? – перебила она с раздраженной интонацией.

– Понятия не имею, что между вами произошло, но было бы неплохо чуточку за него поволноваться, а заодно проконтролировать, чтобы он не забывал принимать целебные капли. Он сейчас один страдает в своей комнате. Справишься?

– Зачем?

– Кхм... – многозначительно промычала я.

– У него есть замечательная невеста, которая о нем печется круглые сутки.

Слово «замечательная» было произнесено с такой выразительной интонацией, что даже дурак догадался бы: в той самой невесте ничего хорошего не содержится и вообще она редкая дура, которую парню навязали родители.

А ведь хотелось поговорить по-хорошему, делить-то нам теперь нечего. Вернее, некого.

– Эй, Елена! Если ты не в курсе последних новостей, у Алекса появилась девушка, из-за которой он ушел из семьи, – мгновенно закутываясь в покрывало надменности, напомнила я.

– А кто его просил?!

Она со злостью швырнула книгу на стол. Звякнули чашки, пустая тарелка из-под десерта и мой инстинкт самосохранения, дескать, ты чего к нервной ведьме подседа, не сумела найти кого-нибудь постабильнее?

– Я не просила менять жизнь ради меня, отказываться от семьи или вообще что-то делать! – в сердцах высказалась Елена. – Вы, богатенькие отпрыски, одинаковые! Привыкли перекладывать ответственность на чужие плечи и считаете, что вам потом абсолютно все должны!

– То есть у вас не просто размолвка, а принципиальный спор, – резюмировала я. – Одного не понимаю, почему этот спор мешает тебе напоить его горячим бульоном?

– А что тебе мешает не строить из себя высокомерную ведьму, Шарлотта Тэйр, и перестать лезть в чужие дела?

– Говорят, когда у людей заканчиваются аргументы, они переходят на оскорбления, – хмыкнула я, ни капли не обидевшись. – Тебя бульон возмутил? Его, к слову, придумала не я, а лекарь.

Неожиданно передо мной на столе вырос широкий термос для еды с выдвигаемыми площадками. Высокая преграда со знаком «тепло» на стенке, как башня, скрыла от меня противницу. Невольно захотелось нагнуться, чтобы вернуть зрительный контакт.

– Все в порядке? – прозвучал голос Ноэля, и мне на плечо легла большая теплая ладонь.

Невольно мы с Еленой подняли головы. Северянин смотрел сверху вниз и, кажется, был недоволен увиденным.

– Не стоит использовать заклятия высшей магии рядом с человеком, который не способен выставить защиту. Не согласна? – вкрадчиво спросил он у Елены.

Та мигом покраснела, нервно схватила со стола книжку и вскочила. Не произнося ни слова, она поспешно удалялась от столика в сторону открытых арочных дверей. Даже не извинилась!

– Не заметила, что она призывала магию, – призналась я.

– Сложно быть феей-крестной, принцесса? – сыронизировал он и занял место, с которого только что сбежала противница.

Между тем со стола исчезла грязная посуда и растворились крошки, появился высокий чайник с чашкой на блюдце, а в воздухе повеяло чаем с бергамотом. Ноэль по-хозяйски подтянул к себе термос, выдвинул полные еды дымящиеся плошки и расставил передо мной обед из нескольких блюд. В одной деревянной тарелочке лежало подрагивающее молочное суфле с ягодой малины на верхушке.

– Не знал, когда ты появишься, и взял еду навынос, – пояснил он.

– Я очень торопилась, но сегодня с проворностью что-то совсем не заладилось, – попыталась я шутливо извиниться за долгое ожидание.

От еды отказываться не стала и начала с десерта. Пока ковыряла – прямо сказать – странный изыск академических поваров, Ноэль вдруг вспомнил:

– Вчера мне прислали пригласительные на спектакль из городского театрального клуба. Не знаешь, когда я успел попасть к ним в благодетители?

– Сразу после новогоднего бала, – припомнила я, как пожалела театралов и отправила им пятьдесят сантимов. – Они очень просили денег на костюмы, а у тебя как раз была лишняя монетка.

– Если посчитать, сколько мне пришло благодарственных писем за последние две недели, я щедрый меценат.

– Должно быть, – стараясь не рассмеяться, пожала я плечами. – Тебе лучше знать. Кстати, когда спектакль?

– Сегодня вечером, – подсказал он, подливая себе чай.

– И как, господин Коэн, – протянула я, – у вас есть на сегодня какие-то планы?

Рука Ноэля замерла, а ароматный чай продолжал бежать из длинного носика чайника, грозя устроить запруду в блюдце под чашкой.

– Ты хочешь в городской клуб театралов? Я однажды был на представлении в академическом театре. Зрелище не для слабонервных.

Судя по реакции, северянин не считал поход на местную народную самодеятельность хорошей идеей и мысленно взмолился оставить его в замке. Мало ли насколько самобытен может оказаться любительский спектакль.

– Не переживай, у меня очень крепкие нервы. Ведь не зря ты им деньги пожертвовал, – смеясь, рассудила я.

Видимо, после дня, прожитого по закону подлости «если что-нибудь может сорваться или не получиться, то оно непременно сорвется и не получится», у меня чуточку затух здравый смысл. Просто не находилось другого путного объяснения, за каким демоном я убедила Ноэля, что самодеятельная постановка «Ночные фурии» непременно станет хитом в каждом уголке Шай-Эра, переедет в королевский театр и потом билеты на представление не купишь даже за большие деньги.

В первый раз дурное предчувствие меня посетило, когда экипаж с эмблемой академии Ос-Арэт на дверце остановился в темном дворе напротив обшарпанного здания, построенного еще в те времена, когда дед Тэйр по молодости лет готовился сдавать экзамен по шестнадцатому иностранному языку.

Возле парадных дверей за стройными колоннами не толпился народ, как бывало возле королевского театра, но в холле желающих посмотреть «Ночных фурий» оказалось неожиданно много.

– Готов поспорить, что это родственники актеров, – пробормотал Ноэль, разглядывая скромную обстановку провинциального театра.

– Ты плохого мнения об Ос-Арэте! Уверена, люди пришли насладиться отличной игрой актеров, – подначивала я.

Увидев особые приглашения, протянутые Ноэлем, зритель, невысокий мужчина в ярко-красном камзоле с золотой цепочкой и с усами, лихо закрученными вверх, пришел в большой трепет. От его пальцев мигом посыпались золотистые искры, а рисунки на прямоугольных карточках-приглашениях вдруг ожили и начали двигаться.

– Вот и наш дорогой благотворитель! – воскликнул он, схватил северянина за руку и принялся с энтузиазмом трясти. – Безумно счастлив с вами познакомиться, драгоценный господин Коэн!

Между их крепко сжатых ладоней заметно трещали магические токи, но Ноэль – стоит отдать ему должное – даже не поморщился и продолжал сдержанно улыбаться, хоть, по всей видимости, чувствовал себя обескураженным.

Вскоре его ладонь оставили в покое. Коэн пытался продемонстрировать невозмутимость, но руку-то в карман брюк спрятал, а второй схватился за мою. Стискивал так крепко, словно опасался, что его отпустят и снова позволят кому-нибудь проделать дружеское рукопожатие.

Впрочем, маневр остался без внимания зрителя, и нас с большой помпой, возвещая встречным о том, что пришел «господин благотворитель», повели усаживать в полупустой зрительный зал, хотя до начала представления оставалось не меньше двадцати минут и мы рассчитывали оставить в гардеробе верхнюю одежду.

– Чарли, насколько ты была щедра в пожертвовании? – тихо спросил Ноэль, видимо, уже мысленно подыскивая путь к входной двери.

– Не настолько, – ошалело призналась я.

Теперь дурное предчувствие меня не просто посетило, а полностью захватило. Ведь за пятьдесят сантимов, по сути за цену пяти пирожков с капустой с лотка на рыночной площади, радости отвесили как за целую подводу сладостей из кондитерской.

Зал был совсем небольшой, с высокой сколоченной сценой, спрятанной за алым бархатом кулис, и со стройными рядами старых стульев. На полу под ними белела тонкая меловая полоска-направляющая, благодаря которой достигалась эта самая стройность.

– Сегодня очень много народу. Все-таки премьера! – говорил зритель, ведя нас к первому ряду, откуда за постановкой лично мне придется следить, задрав голову. – Всех родственников и друзей собрали.

Ноэль бросил на меня ироничный взгляд.

– Лучшие места! Видно как на ладони! – объявил зритель, указывая на два стула с жесткими сиденьями. – В прошлый раз нам пожертвовали на занавес.

Судя по тому, что алый цвет и текстура занавеса подозрительно совпадали с тканью на сюртуке зрителя, усач не преминул воспользоваться служебным положением.

– Нашему дорогому меценату мы вручили пожизненный пропуск на все постановки. Он один раз с супругой появился, но больше не приезжал. Наверное, очень занятой человек! – с воодушевлением рассказывал зритель. – Знаете, ведь ваше щедрое пожертвование позволило господину Нарту выполнить мечту и сыграть в спектакле, а так бы и не прикоснулся к прекрасному, пек бы десерты в академической кухне.

– А где он готовит? – вырвалось у меня.

– Студентам в Ос-Арэте, – подсказал зритель, и перед мысленным взором вдруг появился молочный подрагивающий десерт с ягодой малины, который оказался не то чтобы не очень вкусным, скорее не очень съедобным. Видимо, наш повар торопился прикоснуться к прекрасному.

– И Фейву Историкку вы открыли дорогу на большую сцену, а то он без порток сидел и ждал, когда ему повезет и добродетель разыщется.

– Фейв Историк? – уточнила я.

– Творческий псевдоним. Очень талантливый молодой человек, а губит себя на презренной кафедре истории. Как божественно танцует! Засмотритесь!

Тут между красных полотнищ занавеса высунулась прилизанная башка. Орлиным взглядом человек с крючковатым носом-клювом осмотрел зрительный зал, куда потихонечку начали стягиваться зрители из холла.

– Господин постановщик! – привлек к нам внимание зритель и быстро пробормотал: – Я сейчас познакомлю вас с главным человеком нашего театра...

Постановщик оказался неожиданно высоким и худым, даже сухопарым, одухотворенным молодым мужчиной в чуточку измятом коричневом пиджаке и с зеленым шарфом на шее, по виду ужасно ветхим.

Он спустился со сцены по трем деревянным ступенькам, вырубленным в углу, и мы вновь прошли через ритуал приветствия. Сначала поцеловали мои пальчики, а потом долго трясли руку Ноэлю,

словно желали эту самую руку вместе с пальцами и локтем выдрать из плеча.

– Господи, какой же вы! – Постановщик, оставляя магический след в воздухе, нарисовал очертания фигуры. – Такой! Вам бы самому на сцену. Не заинтересованы?

– Талантом бог обделил, – немедленно увернулся «такой» и как-то обвинительно покосился в мою сторону.

Видимо, припомнил, чья это идея – убить вечер на любительский театр, хотя можно было, не выходя из комнаты в общежитии, заняться приятными и полезными вещами. Например, написать сочинение по северному диалекту, которое ждал в конце месяца профессор Канахен.

– О чем вы говорите, ненаглядный юноша? – отмахнулся постановщик. – На мой взгляд, значение таланта сильно переоценено. Главное – харизма! У вас вон ее сколько! Сколько, кстати?

– Простите, чего? – не понял обладатель харизмы.

– Сколько весит ваша харизма? Вес? Фунты!

– Вы в разных весовых категориях, господин постановщик, – умело отбрила я.

От быстрого попадания в главные актеры ошарашенного Ноэля спасла юркая старушка с колокольчиком, зазывающая родственников, близких знакомых и всех прочих, кто воскресным вечером явился на премьеру, к началу действия.

– Присаживайтесь и наслаждайтесь! – провозгласил зритель.

По залу разбегались едва слышные шепотки зрителей, ожидающих начала спектакля. Гулял сквозняк. С большим удовольствием я запахнула покрепче пальто и ни на секунду не пожалела, что нам не позволили притормозить возле гардеробной. До начала спектакля постановщик еще пару раз выглядывал из-за кулис, смотрел на Ноэля и восторженно цокал языком.

– Давай на следующей неделе я просто отвезу тебя в королевский театр? – тихо проговорил северянин, явно пытаюсь справиться с иррациональной паникой. – Он в Шай-Эре лучший, так? А пока не началось это... действие... тихонечко улизнем?

Он даже попытался оторвать драгоценный, по меркам постановщика, зад от стула, но свет резко погас. Бархатный занавес расступился, открывая неглубокую пустую сцену. Откуда-то сверху

запиликала скрипучая скрипка, и на сцену начали вываливаться мужчины-актеры. Ни одного женского персонажа!

И абсолютно все были одеты в белое исподнее: портки и рубаху.

С первого ряда действительно было видно как на ладони, но лучше бы этой ладонью я прикрылась! Единственное, что бросалось в глаза: нюансы обтягивания белой тканью мужских ног различной степени кривизны и облегания животов всевозможной упитанности.

– Они в исподнем? – едва слышно спросила я у Ноэля, почему-то не в силах отвести взгляда от сцены, но не слыша ровным счетом никаких реплик.

– Сколько ты пожертвовала? – шепотом уточнил он.

– Динар, – застыдилась я признаться, что щедрость моя знала границы и они были весьма узки.

– Это много объясняет...

– Пятьдесят сантимов! – с надрывом прошептала я, прикрывая рот ладонью, наверное, со стороны выглядело, что от восхищения. – Мне так стыдно! Им не хватило даже на нормальные штаны!

– Полагаю, это и есть нормальные штаны.

И в страшное мгновение между словом «штаны» и издевательским смешком Ноэля мой мир перестал быть прежним... На сцену, разбежавшись где-то за кулисами, набрав скорость и пружинистость, одним широким прыжком выскочил мой учитель истории!

На первом курсе он вытащил из меня нервные жилы и свернул их жгутом, ведь я носила фамилию Тэйр и совершенно не помнила, в каком году его величество подписал закон о правостороннем движении на дорожных мостовых. Понятия не имею, почему этот закон исторически важен, и его дату одухотворенный монстр спросил на экзамене, но от отчисления меня спасло письмо крестного. Черным по белому, с королевской печатью, придавленной сверху, лично своей рукой его величество написал, что закон принял *его дед*! Чтобы всех недоделанных историков разобрало танцевальным талантом!

Неожиданно вспомнилось, сколько раз в те дни я кляла историка танцами, и сразу все встало на свои места. Прокляла-таки! Под звуки льющей из какой-то дыры скрипки он проскакал направо, потом проскакал налево, едва не сбив коллегу по театральному увлечению, встал посреди сцены и... ничего не сказал. Забыл слова!

– Господи... – пробормотала я, таращась на его удивительно кривые ноги, просто колесо, обтянутое белыми лосинами.

– Что? – не понял Ноэль.

– Моя жизнь изменилась навсегда, – призналась я, с трудом отводя взгляд от дугообразных конечностей.

В зале между тем прокатилась волна шепотков. Люди затаили дыхание, гадая, вспомнит ли историк реплику или она останется тайной за семью печатями.

– Танцуй! – громко прошептал откуда-то голос постановщика.

– Танцуйте, друзья! – звонким голосом повторил историк и в гробовой тишине, возникшей на сцене, изобразил ногами разудалую чечетку.

– Да танцуй же ты со сцены! Тебе в следующем акте выходить, бездарность! – взревел постановщик под аккомпанемент рокочущего зала. Так и представлялось, как он дерет на голове стоящие дыбом волосы.

– А говорили – редкий талант, – тихонечко припомнила я слова зрителя и покачала головой: – Явно льстили.

Дождаться, когда «редкому таланту» все-таки придется выходить на сцену, мы не захотели. Едва объявили перерыв и озадаченно-ошарашенная публика, без особых экивоков обсуждающая пляски в кальсонах, потянулась в фойе, мы тихонечко улизнули из театра.

Уходили за колоннами, держась поближе к стенке, чтобы дерзкий побег не остановили ни зритель, ни постановщик, всенепременно желающий видеть Ноэля вдохновителем будущих пьес и ведущим актером в новых спектаклях. Забирались в карету молчком, закрыли дверцу и немедленно тронулись с места. Экипаж закачался на обледенелой брусчатке.

Пытаясь отдышаться, я откинулась на спинку сиденья и пожаловалась:

– Глаза закрываю, а передо мной историк в белых портках! Больше ни сантима не пожертвую в театры. Лучше на булавки все до последней монетки потрачу!

Любительский театр располагался недалеко от пансиона мадам Прудо, хоть каждый день на «фурий» в кальсонах бегай смотреть. По дороге я рассказала о злополучной ночи, когда Ноэля увидела кухарка, а потом девочки спорили, завелся ли у нас призрак, пытался ли

забраться вор или от кого-то в ночи уходил парень. Я так яростно выступала за последний вариант, что никому в голову не пришло причислить меня в подозреваемые. Все лавры привычно достались Олеандре, хотя она что было мочи отказывалась от сопричастности.

– Придется теперь повременить с гостями, – с сожалением вздохнула я и через окно посмотрела на светящийся окнами особняк.

– Поедем в Ос-Арэт, нечисть в общежитии не поднимает шума, а по ночам в коридорах не гасят лампы, – вымолвил в тишине Ноэль.

Некоторое время мы, словно прикованные, через темноту смотрели глаза в глаза. Сквозь небольшие оконца в салон экипажа, согретый магией и нашим дыханием, практически не просачивался свет уличных фонарей, но я ощущала взгляд Ноэля, словно этот самый взгляд вдруг сделался осязаемым.

– На моей руке все еще завязана обручальная нить.

Я не смогла сказать, что не готова к тому, что предлагает ночевка на узкой кровати, когда в комнату не ломится шумная подруга, а домовик не крадет шарфы. *Когда никто во всем белом свете не помешает...*

– Позволишь? – вдруг произнес он и раскрыл широкую ладонь.

Без колебаний я сняла перчатку и протянула руку. Прохладными пальцами Ноэль поднял рукав моего пальто, дернул за ленты на манжете платья и обнажил тонкое запястье. В сизой темноте салона обручальная нить горела яркой линией.

Не знаю, откуда взялось безмерное доверие к Ноэлю, словно впечатанное в глубокое подсознание, но я даже не дернулась, когда он призвал магию. Под моей бледной кожей, изрисованной прожилками вен, вспыхнуло белесое свечение. Оно зародилось в запястье, скованном мужскими пальцами, как тесным браслетом, горячей волной прошло до локтя и чувствительно выстрелило в плечо.

– Больно?

– Ни капли, – покачала головой.

Северянин осторожно выпустил мою руку. Оказалось, что символ помолвки потух. Безусловно, он никуда не исчез, по-прежнему сидел под кожей, но теперь походил на тонкий шрам.

– Я думала, только девушки придают значение символам.

– Некоторые символы имеют значение для всех, – серьезно ответил он.

В академию я выехала рано, когда пансион только-только проснулся и лениво чистил перышки, туго соображал и пытался примириться с миром, которому скоро придется явить светлый лик. Хотела перед занятиями навестить Алекса, а заодно отдать ему термос с едой – уверена, вчера он не спустился в столовую, страдал на голодный желудок, без крошки во рту. Специально попросила кухарку приготовить крепкий куриный бульон, гренки и котлеты на пару. В общем, как завещал в своем рецепте добрый академический знахарь.

В общежитии выяснилось, что ни меня, ни завтрак, ни вообще кого-то еще Александр Чейс не ждал. Я несколько раз настойчиво постучалась, наверняка ни свет ни заря разбудив спящих соседей по этажу, но бывший жених не открыл, а потом дверь сама подалась вперед, словно предложив мне зайти.

Комната оказалась пуста. Складывалось впечатление, что Алекс вышел на пять минут: кровать не заправлена, дверцы шкафа раскрыты настежь, и внутри царил бедлам, как у любого человека, не привыкшего обходиться без прислуги. Возможно, он отлучился в купальню или уборную, а значит, передвигался самостоятельно и кормить из ложечки его не требовалось. В любом случае столовые приборы остались в пансионе.

Сталкиваться с Александром Чейсом в полотенчике и в дурном настроении не хотелось. Он и в нормальном состоянии по утрам был невыносим, а с лихорадкой наверняка превратился в монстра, коварно замаскированного под парня.

Я оставила записку, что желаю ему приятного аппетита, плотно закрыла за собой дверь комнаты и отправилась в восточное крыло, где располагались атлетические залы.

На мой скромный взгляд, нормальные люди, а не фанатики боевой магии, в это время суток были способны тренироваться разве что в скоростном подъеме с кровати или в прицельном донесении кружки с крепким кофе до рта. Ноэль уже гонял по атлетическому залу Рэдмин в облегающем спортивном костюме.

Северянка с яростью нападала на противника, явно превосходящего ее и в весе, и в умениях. Размахивала шестом, выдавала воинственные крики, разлетающиеся в гулком пространстве сварливым эхом, туда-сюда моталась длинная коса с прядями

огненного цвета. Ноэль ловко уходил от ударов, не позволяя к себе прикоснуться.

– Ты мне подыгрываешь! – со злостью выкрикнула Рэдмин на диалекте. – Нападай в полную силу!

Не успела она размахнуться шестом, как играючи получила обидный удар чуть пониже спины, а следом – хлесткую подсечку под колени. Девушка потеряла и равновесие, и шест. Ноэль мог бы ее перехватить, но почему-то не стал, и она унижительно приложила обтянутый черными штанами зад к каменному полу.

– Три-ноль, – спокойно объявил противник, подавая пыхтящей от злости северянке руку. – Никогда не переоценивай свои силы.

Он тряхнул головой, убирая упавшую на глаза челку, и немедленно заметил меня.

– Доброе утро! – с улыбкой поздоровалась я.

Рэдмин оглянулась с таким лицом, словно мечтала метнуть шест в своих руках, как острое копье, и пригвоздить к стене шай-эрку, посмевшую испортить тренировку своим внезапным появлением.

– Почему стоишь на балконе? Иди ко мне, принцесса! – позвал Ноэль.

За время учебы я ни разу не спускалась в зал, следила за поединками с балкона, прозванного студентами «галеркой». Пройтись по шероховатому каменному полу и оказаться в окружении поблескивающих на стенах магических амулетов было странно.

– Ты сегодня рано, – мягко произнес Ноэль, дождавшись, когда я приближусь на расстояние шага, и аккуратно погладил мою щеку.

От него пахло пряным ароматом горячего тела, перемешанного с легким флером благовония. Голова шла кругом! Хотелось больше прикосновений, но на заднем фоне раздраженная северянка запихивала в заплечную сумку вещи.

– Давай положу. – Ноэль снял с моего плеча ученический портфель и направился к скамье, где лежала его одежда.

– Доброе утро, Рэдмин, – громко поздоровалась я.

Она бросила ледяной взгляд почему-то на мою белую блузку со строгим воротом, заправленную в брюки, и с остервенением затянула шнурок на горловине своей сумки. Почти уверена, что Рэдмин представляла мою шею.

– Захотела с утра поупражняться в боевой магии? – наконец спросила она.

– Я не настолько амбициозна.

– Зря! Ноэль прекрасный наставник.

Мы одновременно оглянулись к этому прекрасному наставнику, без капли жалости приложившему ее задом о плиты. Он пил из оплетенной кожаными полосками бутылки и делал вид, что понятия не имеет, как сильно его лучшая подружка мечтает избавиться от неожиданно свалившейся на голову аристократки.

– И, к слову, он очень редко соглашается заниматься с дилетантами, – добавила она.

– Да, я впервые видела, как он гонял тебя по залу, – не промолчала я и лучезарно улыбнулась, поймав очередной гневный взгляд северянки. – Встретимся на лекции по первородному языку?

– Коэн, я ухожу! – крикнула она лучшему другу и, закинув на плечо сумку, стремительной походкой направилась к выходу из атлетического зала. За ее спиной в такт шагам подпрыгивала длинная коса.

Мы остались одни в гулком помещении. Я с любопытством взяла прислоненный к стене шест. В чужих руках он выглядел легким, как игрушка, но на поверку оказался увесистым. Понятия не имею, как такой тяжестью возможно ловко размахивать, наносить точные удары или просто долго держать на весу.

– Шесты одного веса с боевыми мечами, – вдруг произнес Ноэль.

Оказалось, он пристально наблюдал, как я пыталась совладать с дурацкой палкой в два своих роста. Кое-как перехватив ее на месте оплетки, я направила тупой конец северянину в широкую грудь:

– Защищайтесь, господин Коэн.

– Ты неправильно держишь шест.

Он стоял полностью расслабленный, спрятав руки в карманы, и смотрел на меня с неуловимой улыбкой на устах.

– Извините, господин превосходный тренер, я в принципе в первый раз в жизни держу его в руках, – промурлыкала я, мысленно взмолившись, чтобы Ноэль поскорее отобрал эту штуку, а то мускулы начинали нешуточно ныть. – Что ты сделаешь, когда я уложу тебя на лопатки?

Карие глаза, спрятанные под пеленой ресниц, мгновенно вспыхнули. Похоже, мысль ему изрядно импонировала.

– Давай проверим, – тихо выдохнул он и с молниеносной скоростью дернул шест на себя. Со сдавленным смешком я полетела вперед и уперлась кулаками в крепкую грудь.

– Что дальше, принцесса? – вымолвил он. – Как ты собираешься укладывать меня на лопатки?

– Сейчас я сделаю подсечку... или что вы обычно делаете? – Я поднялась на цыпочки и быстро лизнула его в сомкнутые сухие губы. – Подсечка.

Из его руки с грохотом выпал шест и покатился по полу.

– Победила, – хриловато выдохнул он.

Секундой позже я оказалась развернутой и прижатой спиной к широкой твердой груди. Горячие ладони мягко скользнули по предплечьям, накрыли мои пальцы. Дыхание щекотало шею.

– Ты мне доверяешь, Чарли?

– Более чем...

– Тогда не делай резких движений.

Он свел мои руки вместе, заставив сложить ладони чашей, и призвал магию. Сильное мужское тело пронизал колдовской ток, вибрацией отдался у меня в позвоночнике. От острого ощущения перехватило дыхание. Я выгнулась в пояснице, не понимая, от чего именно: от желания избежать чужой магии или полностью ею насытиться.

Ладони закололо, и в их купели зародился бледный, слабый свет. Сначала появилось крошечное зернышко, но постепенно начал наливаться мерцающий шар. Амулеты, безошибочно распознав боевое заклятие, с тихим шелестом растянули над нами полог и накрыли атлетический зал прозрачным куполом.

– Демоны раздерите светлых духов! – пробормотала я детское ругательство, после которого, помнится, мама выпила успокоительные капли и со скорбной миной в течение трех месяцев водила меня в храм. В смысле, водила гувернантка. Сама матушка по сей день считает, что имеет с богом личные отношения, куда не следует пускать священнослужителей.

С поразительной легкостью, не совершая ничего возмутительного, Ноэль Коэн умудрился глупую игру в тренировку превратить в самое

интимное действо, какое мне довелось пережить за двадцать с неполным лет. Даже обручальный обряд с женихом, один из сакраментальных моментов для девушки, назвать личным у меня не повернулся бы язык. За ритуалом следили не меньше двух сотен гостей, из которых я знала разве что своих родителей, Чейсов и кое-кого из отцовских знакомых. Так себе – прямо сказать – интимная обстановка для одного из главных событий в жизни.

Северянин отпустил мои руки и обнял за талию, но свет не потух. Я удерживала чужое заклятие! Какие резкие движения? От волнения дышать-то удавалось через раз. Свет льнул к раскрытым ладоням, послушный и укрощенный, словно принадлежал мне, а не стихийному магу, стоящему за спиной.

Шар переливался еще несколько минут и, подчиняясь воле создателя, растворился, оставив лишь тонкий белесый дымок и пустые руки. Казалось, что от яркого блеска перед глазами должны заплескаться радужные круги, но нет – даже растаяв, магия Ноэля оставалась приветливо-дружелюбной.

– Таким вещам учат на лекциях по высшей магии? – прошептала я, вжимаясь в него, желая навсегда срастись и не расставаться ни на секунду.

– Совершенно точно нет, – пробормотали мне в шею.

За спиной раздалось сдержанное покашливание. Не оборачиваясь, мы неохотно разомкнули объятия, слишком медленно, чтобы человек решил, будто спарринг-партнеры отрабатывали удары, а не обнималась влюбленная парочка.

Я бросила быстрый взгляд через плечо и почувствовала, как не то чтобы меняюсь в лице, но почти готова поменяться. С сумкой для тренировок в зал вошел Алекс, одетый в черную форму. Выглядел он паршиво: бледный до смерти и с синеватыми кругами под глазами.

– Доброе утро, – поздоровался, не обращаясь ни к кому лично.

– Алекс, ты почему не в кровати? – вырвалось у меня.

– Проснулся уже, – буркнул в ответ.

Было очевидно, что подушка и порошки от простуды просто умоляли, чтобы больной к ним поскорее вернулся и продолжил спать, ни в коем случае не думал практиковать боевую магию с тяжелым тренировочным шестом наперевес.

– Лекарь на неделю прописал тебе постельный режим, – зачем-то принялась отчитывать я.

– Я в курсе, Шарлотта! – резко перебил он простуженным голосом.

Вот он, старый добрый Александр Чейс, а я-то почти успела по нему соскучиться!

Со стороны Ноэля послышалось сдержанное покашливание, намекающее, что кое-кому следует умерить тон, пыл и вообще вести себя повежливее.

– Извини, – буркнул Алекс, вернее, какая-то новая версия старого доброго Алекса.

Северянину в принципе было плевать, какой вариант бывшего жениха предстал перед нами сегодняшним утром. Судя по мрачной mine, ему не нравились оба. Бросив в его сторону выразительно-предупреждающий взгляд, он подхватил собранную сумку, повесил на плечо мой портфель с учебниками и спросил:

– Чарли, ты готова идти?

Находясь в одном помещении, они так подчеркнуто друг друга игнорировали, что я была готова не идти, а бежать, желательно очень быстро и без оглядки.

– Увидимся, Алекс.

– До встречи, Шарлотта, – с фальшивой небрежностью ответил он. – Кстати, спасибо за завтрак.

Мне было страшно посмотреть на Ноэля. Он не подумал останавливаться, направился напрямик к выходу, а я резко развернулась к бывшему жениху:

– Алекс, какие у тебя сегодня планы? Если ты пришел на тренировку, значит, чувствуешь себя нормально? В таком случае готов съездить в храм после занятий?

– Твой парень подгоняет? Да, Шарлотта?

В голову пришло, что вчера вечером нить погасла не только у меня, но и у бывшего жениха. Невольно взгляд опустился на его руку, но запястье скрывал длинный узкий рукав формы.

– Что же вы, Чейсы, так любите приплетать других людей? – фыркнула я. – Не приходило в голову, что я просто устала от тебя и твоей семьи?

Он помолчал и резко бросил:

– Найди меня после обеда.

– Нет! Встретимся в центральном холле возле статуи. Постарайся обо мне не забыть и не опоздать, хотя бы под конец сделай что-то хорошее.

Развернувшись на пятках, я ринулась следом за Ноэлем, который уже успел добраться до соседнего зала и, облокотившись о перила, через прозрачный защитный купол следил за тренировкой внизу.

– Все в порядке? – Я наконец нагнала его.

– В полном. – Он повернулся и аккуратно заправил мне за ухо выбившуюся из растрепанной прически светлую прядь, ласково погладил большим пальцем щеку. – Беспорядок начнется, когда до этого парня наконец дойдет, что именно он упустил.

Алекс приехал в храм, одетый с иголки: в дорогом костюме, галстук и кашемировом пальто. В общем, как на праздник. Он не пожалел денег на покупку курительных палочек и, пока мы ждали служителя, абсолютно все сжег, не экономя для следующего раза, чем покорила старушек-прихожанок. Можно подумать, этот следующий раз еще когда-нибудь случится. Но дело было сделано: на меня не смотрела как на дуру, задушившую собственное светлое будущее с молодым блестящим магом, сдержанным, щедрым и привлекательным, только статуя единого бога, но у него просто в принципе не было глаз.

– Обручальные клятвы перед богами забрать невозможно, но вернуть данные друг другу обещания вы имеете право, – торжественно объявил молельщик.

В богов я не верила, в грозного всевышнего слепца в том числе, а из религиозной истории с воскресными проповедями вынесла только то, что при матушке нельзя ругаться дурными словами.

– Если вы всерьез решили нарушить клятву, то скажите об этом вслух и развяжите нить! – пафосно заявил служитель.

– Мы не передумаем, святой отец.

– Впервые вижу подобную прыть от невесты, – послышалось недовольное ворчание под нос, но громко он сказал: – Опустите руки в брачную чашу с водой из благословенного источника.

Как и во время обряда обручения, мы задрали рукава и опустили руки в воду. Во время обручения я не почувствовала, насколько она была ледяной. Пальцы сводило! Служитель заметил, что символы больше не светились, как им было положено, но предпочел странность

не комментировать. Под действием водной стихии нить незаметно выступила из-под кожи и – когда я вытащила руку из воды – просто болталась, как растянутая перевязь от больных суставов.

– Жених, можете развязать нить, – скомандовал молельщик.

Алекс посмотрел на мое запястье с тонкими прожилками вен, облизнул губы и взялся пальцами за кончик нити. Было достаточно легонько потянуть, чтобы развязать узел и уже освободить нас обоих от проклятой помолвки... но он почему-то медлил.

– Алекс? – с вопросительной интонацией позвала я.

Он поднял глаза, и меня напугало плохо замазанное фальшивым безразличием чувство, что в них плескалось. Это было сожаление.

Глава 7

Формы любви

Помню, что, завязывая обручальную нить, Алекс обидно называл мое запястье «птичьим». Не тонким и не изящным, а как-то разом приравнял меня к курице. Сейчас-то я понимала, что в той фразе была здоровая ирония – мне предстояло стать элитной курицей, которая принесет будущему мужу золотые яйца, а заодно пару-тройку цыплят. Куда уж без птичьего приплода?

Мы стояли над ритуальной чашей в маленьком храме провинциального Ос-Арэта, и он тянул время, а не узелок обручальной нити.

– Развяжи нить, Алекс, – твердым голосом велела я и нервно покосилась на храмового служителя, кажется, уже не чаявшего отделаться от богатеньких отпрысков, незнамо что творящих за спинами родителей.

– Как уныло, – усмехнулся бывший жених и потянул за нитку.

Узелок послушно распутался, а мне показалось, будто с рук упали тяжелые кандалы. Видимо, поэтому с его обручальным символом я справилась в одну секунду. Едва его перевязь упала и оказалась у меня на ладони, как Алекс коротко кивнул священнослужителю, развернулся по-военному и сорвался с места.

Провожая освобожденного жениха обескураженным взглядом, святой отец, видимо, мысленно гадал: несет ли тот на крыльях счастья или его подгоняют в спину светлые демоны – ой! – духи, требуя поскорее покинуть помещение и в одиночестве пустить скупую мужскую слезу.

– Боги рыдают о вашем решении, – все-таки решил он верить в попорванные светлые чувства.

– Святой отец, не драматизируйте, – сыронизировала я, потирая непривычно голое без светящейся линии запястье. – Уверена, богам абсолютно наплевать. А может, они, наоборот, радуются, что в мире на одну несчастную пару стало меньше, не считаете?

Странно, как он меня не предал анафеме, но точно мысленно помолился всем богам сразу и светлым духам Нового года, должно

быть, тоже, чтобы нахалка никогда не переступала порог вверенного ему святилища.

В письме к родителям я решила остаться предельно краткой и просто написала: *«Мы с Александром Чейсом избавились от обручальных нитей»*. Пока ждала хоть какой-то реакции, чуть не сгрызла ногти.

Спустя час почтовая шкатулка доставила тонкий конверт с вензелем королевского дворца. Внутри лежал пригласительный билет от его величества, вернее, от его секретаря, что не меняло сути, на премьеру музыкального спектакля на вечер среды... На мое имя и имя Александра Чейса-младшего. К сожалению, отказываться от королевского – в прямом смысле слова – приглашения натуральное безумие.

Еще была скупая записка от мамы, никак не комментирующая новость, что мы с женихом теперь совсем-совсем бывшие.

«Приглашение подтвердили месяц назад. Обязательно надень перчатки!»

– Скрыть, что помолвка расторгнута? – со злостью пробормотала я и швырнула приглашение на секретер. – Благодарю, дорогие родители! Удружили!

От новости о поездке в театр Ноэля знатно передернуло, но он стоически промолчал, не сказав ни слова. Два дня он энергично избегал любых тем, связанных с театром, столицей, каретами и всем прочим, что так или иначе грозило свернуть на разговор о моей поездке наедине с бывшим женихом. В итоге мы почти ни о чем не говорили, а накануне вообще сидели в библиотеке и чинно читали книжки. В гробовом молчании, демоны дери!

Утром в среду за мной приехал экипаж нашей семьи с элегантным гербом на дверце. Кучер мне был незнаком. Видимо, в последний приезд из Эл-Бланса мама снова поменяла штат прислуги. После сдержанного приветствия слуга открыл дверцу. В салоне как ни в чем не бывало с пресным видом восседал Алекс.

– Лилия предложила доехать до столицы вместе с тобой, – пояснил он. В голосе все еще слышалась простуженная хрипотца.

– С ума сойти, мама – сама любезность, – усаживаясь, мрачно сыронизировала я.

Дверь закрыли, экипаж тронулся с места, завилял по заснеженным улицам городка, увозя меня далеко от Ноэля и академии Ос-Арэт. Три часа кряду, пока за окнами тянулись скучные равнинные пейзажи, мы с Алексом провели в обоюдном молчании, отвернувшись друг от друга. Заговорили только один раз – за обедом на постоялом дворе.

Через окно второго этажа было видно, как во двор то и дело заезжали экипажи. Пару лет назад во время прогулки его величество с супругой и многочисленной свитой заглянул в этот постоялый двор на завтрак, и теперь в заведении считалось не зазорно останавливаться.

– Не знаю, говорила ли тебе Лилия, но она позволила переночевать в вашем доме, – объявил Алекс, разрезая на кусочки мясо.

Похоже, дорогая матушка посчитала, что наше намерение избавиться друг от друга легко поправить совместным времяпровождением. Раньше Алекс за пару часов проходил стадии от подчеркнутого игнорирования до заметного раздражения, и под конец вечера хотелось или его поколотить чугунной кочергой, или убиться самой, но первый вариант предпочтительнее. Сейчас он собирался провести вместе больше суток. Подозреваю, к концу нам не избежать расправы, и выживет только один.

– Она, случайно, не предложила тебя усыновить и поселить в моей комнате вместо дочери? – любезно уточнила я, отрываясь от созерцания суетливого отъезда шумного семейства в большой карете на полозьях.

– Нет, – почему-то не понял юмора бывший жених. – Ты же понимаешь, учитывая обстоятельства, вряд ли отец будет в восторге, если я появлюсь на Стрэйн-лейн. Мы закончили наш разговор на неприятной ноте. Почему у тебя в лице столько иронии?

– Я до сих пор не могу поверить. Всегда считала, что ты не из тех, кто влюбится в бедную, но гордую простушку и взбунтуется против отца. Похоже на сюжет из любовного романа.

– По крайней мере, я не северянин, – с сарказмом отозвался Алекс.

– Зато никто не скажет, что маэтр охотится за моим приданым, – не осталась я в долгу, – у него своих денег достаточно.

– И не убил человека, – расчетливо добавил он. – Огонь, а не парень для дочери известного дипломата.

– Ты не хуже меня знаешь, что это был несчастный случай, – чувствуя, что готова ткнуть вилкой ему в глаз, с ледяной улыбкой напомнила я. – Вообще, у Ноэля есть несомненное достоинство, которое в моих глазах перекрывает абсолютно все недостатки: он не воспринимает меня как трамплин, с которого планирует допрыгнуть до королевского кабинета.

Мы встретились глазами. Лицо Алекса могло показаться непроницаемым, но на скулах вспыхнули нервные красные пятна.

– Может, помолчим и спокойно поедем? – предложила я, не желая больше ничего обсуждать с этим... пещерным человеком из темных времен первородного языка.

– Хорошее предложение.

Не разрывая зрительного контакта, мы одновременно отпили из серебряных кубков подогретое вино. Напиток оказался настолько горячим и сладким, что я скривилась от отвращения, а у Алекса сделалось такое лицо, словно он спалил себе половину горла и заодно язык. Во всяком случае, очень на это надеюсь.

– Они его вскипятили? – раскашлялся он.

– Гадость страшная, – согласилась я.

Мы переглянулись и рассмеялись. Кажется, впервые с момента знакомства, случившегося в детстве много лет назад.

Когда долго живешь в провинции и отвыкаешь от столицы, в первые минуты в королевском городе чувствуешь себя ошеломленным. Но-Ирэ – «город ветров и скал» в переводе с мудрого первородного языка. От него исходили мощь, тяжесть и монументальность. И с первого взгляда осознавалось, что горному городу не страшны ни ветра, ни людские потрясения, ни мелкие склоки.

Спрятанный в скалистой колыбели, Но-Ирэ был собран из высоких остроконечных башен, крытых мостов-переходов, перекинутых между дворцами. Внизу, на змеевидных мощеных улицах, росли грибы-домики в один, два, а то и в три этажа ростом. Они были покрыты разноцветной черепицей и спрятаны за кружевными коваными калитками. Богатые особняки, отделенные скалистыми уступами от мира простых людей, прятались за возвращенными магией хвойными садами с густыми сине-зелеными елями, низкорослыми соснами и с туями, облепленными шишками-свечами.

Не заезжая домой в «высокий квартал», извозчик сразу завернул в известное ателье, где мама обычно заказывала платье себе и костюмы для отца. Нас с Алексом уже ждали. Он отправился в мужской зал, а меня подхватила под локоток Мэйри, любимая мамина портниха, и проводила в уютную примерочную комнату, отделанную цветочными тканями. Посреди помещения, словно надетое на невидимый портновский манекен, в воздухе висело атласно-кружевное платье цвета пыльной розы, вышитое золотой нитью.

– У вашей матушки идеальный вкус! – щебетала Мэйри, помогая мне снять пальто. – Она еще в осенний приезд говорила, что цвет пыльной розы будет зимой актуальным. И посмотрите-ка! Оказалась права.

– Да, – вздохнула я, – наряды мама выбирать умеет.

Пока я разоблачалась до тонкой исподней сорочки, расторопные помощницы приготовили платье.

– Оно слишком открытое, от сорочки, дорогая, придется избавиться, – промурлыкала Мэйри, цепким острым взглядом заметив, что с моего запястья исчезла обручальная нить.

Я послушно стянула тонкий шелковый покров через голову, оставшись в довольно скромном кружевном исподнем. На ребрах тускло поблескивал пластичный, утонченный орнамент Эна Риона. Оперенные крошечными листьями лозы игриво залезали на живот и огибали бедренную косточку.

– Шарлотта, что я вижу... – все-таки не удержалась первая сплетница Но-Ирэ. – Нить исчезла, живое украшение Энариона появилось. Твоя жизнь претерпела изменения?

Мы посмотрели друг на друга. Как говорила мама: в любой неловкой ситуации, особенно если не знаешь, что сказать и не опозориться, излучай надменность.

– Эна Риона, – поправила я. – В два слова.

– Прости? – с вопросительной улыбкой она изогнула брови.

– Подайте, пожалуйста, платье, госпожа Мэйри, – приказала я в лучших традициях высокомерной стервы.

– Конечно, госпожа Тэйр, – одними губами улыбнулась портниха и похлопала в ладоши, призывая девушек-помощниц. – Проходите к зеркалам.

Я поднялась на невысокий круглый подиум. Сам собой закрылся непроницаемый занавес, образовав скрытое от чужих глаз пространство. Девушки ловко упаковали меня в платье, застегнули на спине невидимые крючки. Через отражение в идеально-ровном зеркале я следила, как постепенно изменялась: платье стягивалось по фигуре, подчеркивало талию и выделяло грудь, которой, вообще-то, в академической форме никогда не было видно. Длинная летящая юбка из тончайшего атласного шелка укоротилась под рост.

На лице появился макияж, на ногтях алый лак, выпрямленные с помощью специального лосьона волосы вновь закрутились крупными локонами, обозначив любимую мамину прическу. Она всегда была чуточку помешана на кудрях и в детстве часто заставляла меня спать в папильотках, лишь бы покрыть тяжелые, ровные от природы волосы мелкими волнами. Долго, правда, «красота» не держалась, и уже к обеду я щеголяла торчащей в разные стороны шевелюрой. Иногда казалось, что она не сказала ни слова по поводу нашей с Зои дружбы только по той причине, что та была кудрявой.

Одна из девушек-швей подала мне короткое меховое болеро с рукавами до локтя и длинные перчатки. Я надела их безропотно.

– Господин Чейс, ваша невеста уже готова! – вдруг раздалось за занавесом, а в следующую секунду тяжелая пелена с шуршанием разъехалась.

Сквозь зеркало я увидела Алекса в дорогом смокинге и белой рубашке с галстуком цвета все той же пыльной розы. Со странным выражением, как недавно в библиотеке, он смотрел на мое отражение.

– Что? – резковато спросила я.

– Тебе идет, – буркнул он, отводя взгляд.

– Идет?! Всего лишь «идет»? – захохала Мэйри. – Вы скромны или жалко комплиментов? Шарлотта абсолютно идеальна! Давайте помогу застегнуть запонки, господин Чейс?

– Я способен справиться с запонками, госпожа швея, – холодно заявил Алекс, не догадываясь, что лишил портниху удовольствия провести немедленное расследование насчет нашего обручения.

– Конечно, – натянуто улыбнулась она. – К слову, вместе вы чудесно смотрите.

Не удивлюсь, если она потеряет аппетит, пока не выпросит у половины клиенток, действительно ли Тэйры и Чейсы отказались от

матримониальных планов.

В здание королевского театра мы входили за полчаса до указанного в приглашении времени. В помпезном фойе, отделанном черным, белым и золотым, уже толпилась разодетая в пух и прах публика. Повезло, что его величество, любитель одарить приближенных приглашениями на светские рауты, сам-то в них почти никогда не участвовал. Оставался рядом с молоденькой супругой, ожидающей наследника.

– Возьми меня под руку, – тихо попросил Алекс, когда мы вышли из теплого экипажа.

Я зябко куталась в куцый мех и подозревала, что, пока дойду до центральной лестницы, посинею от мороза.

– Мне и так неплохо, – простучала зубами.

– Люди будут смотреть, – невыразительным голосом отозвался он.

Никто из нас не был готов отвечать на вопросы, которые, без сомнения, возникнут у досужей публики. Хотелось держаться на расстоянии вытянутой руки, обычного для разорвавшей помолвку пары, но пришлось уцепиться за рукав Алекса и изобразить светскую улыбку на обмороженной ледяным ветром физиономии. До звонка мы успели поздороваться с половиной отцовских знакомых, узнали сплетни о людях, которых никогда не видели, и, выдохнув от облегчения, отправились в ложу.

Свет погас. В зале смолкли голоса, а из оркестровой ямы полилась сильная вибрирующая мелодия. Над зрительным залом завертелись световые вихри, в воздухе мерцали необычные узоры. Магические огни раскрашивали прически и лица людей разноцветными тенями. С высоты балкона было особенно заметно, что на музыкальное колдовство яркими вспышками отвечали замаскированные под украшения защитные амулеты.

Ярко-алый, как в клубе театралов Ос-Арэта, занавес стремительно раскрылся, привлекая внимание публики к озаренной огнями сцене. Появились актеры, и начался музыкальный спектакль с танцами и распевными ариями. Действо шло на азрийском языке, который считали языком поэтов, но уверена, почти весь зал не понимал, о чем шла речь, и думал, будто любитесь историей любви, а в ней-то убивали!

Я смотрела на сцену и ловила себя на странной мысли, что страшно разочарована. Вовсе не темой спектакля, а тем, что все действующие лица одеты в приличные костюмы. Никаких сюрпризов и кривоногих историков в белом трико. Сплошная скукотища!

– Уверена, что уже завтра представление назовут лучшим в новом году, – проговорила я и обернулась к Алексу.

Оказалось, что он не следил за действием на сцене и не пытался прислушаться к душераздирающим ариям (особенно они драли, когда ведущая актриса брала высокие ноты), а, потирая пальцем нижнюю губу, пристально следил за мной через расцветченную магией темноту. На его лице танцевали разноцветные тени, а глаза казались черными.

– Что?

– Ты красивая, Чарли.

Услышать от Александра Чейса в одном предложении комплимент и ласковое прозвище оказалось не волнительно, как я когда-то думала, а тревожно. Волосы на затылке от страха, конечно, не зашевелились, но в душе вспыхнуло дурное предчувствие надвигающейся катастрофы.

– С каких пор? – достаточно резко спросила я.

– Всегда была, – спокойно ответил он. – И злила еще сильнее.

– Ты считал меня красивой? У тебя снова жар?

Совершенно серьезно я стащила перчатку и потянулась проверить, насколько у него горячий лоб. Алекс ловко перехватил мою руку, большим пальцем ласково погладил запястье, где еще два дня назад светилась завязанная им обручальная нить.

– Что ты делаешь? – вкрадчиво спросила я, начиная злиться.

Не разрывая зрительного контакта, он приблизил мою руку к губам и поцеловал, лизнув языком, как раз в том месте, где бился пульс. От злости, удивления и обиды меня покинул дар речи.

Я умудрилась одновременно оттолкнуть бывшего жениха и вскочить со стула. Они оба, и стул, и парень, оказались на редкость устойчивыми и не свалились на пол. Не в силах выдавить ни звука, я швырнула Алексу в лицо снятую перчатку и выскочила из ложи в комнату для отдыха.

– Чарли, проклятие! Постой же! – Он бросился следом.

В театральной гостиной с вычурной мебелью обычно проводились антракты. Великосветская публика даже умудрялась

сходить друг к другу в гости и посплетничать, выпить по бокалу игристого. Но зимой в помещении царил такой ужасный холод, что хотелось подоткнуть снизу дверь одеялом, чтобы ледяной сквозняк не проникал из этой комнатки в зрительный зал.

– Никогда! – Я резко развернулась и со злостью ткнула Алекса пальцем в грудь: – Больше! Не смей! Меня трогать! И извинись немедленно!

– Даже не подумаю.

– Нет?! – Я захлебнулась словами. – Позволь напомнить, если ты забыл в помутнении рассудка: мы разорвали помолвку!

– Я тоже был в том храме, забыла? – невесело усмехнулся он.

То есть память все-таки при нем, и рассудок тоже незамутненный. В таком случае, что за идиотский поступок?!

– Тогда какого демона ты творишь, Алекс?

– Мы расстались с Еленой.

– Чудно, – зло улыбнулась я. – Ты в таком отчаянии, что решил потискать бывшую невесту-дуру? Нас ничто не связывает, кроме театрального приглашения, которое подтвердили еще месяц назад!

– Мы с Еленой расстались почти сразу, как я переехал в замок. Ситуация оказалась для нас слишком... сложной и обременительной.

– Я тебя сейчас разочарую, Алекс: недавно до меня дошло, что простых ситуаций в отношениях не бывает. Все задрало? Просто вернись к родителям, и мир снова заиграет светлыми красками, но меня больше не смей вмешивать в свою жизнь.

– Я ушел от отца сознательно и не собираюсь возвращаться в его дом. Только, Чарли, когда я заболел, а ты все равно появилась, мне в голову кое-что пришло... Все эти годы ты единственная неизменно оставалась рядом и принимала меня таким, какой я есть. Безусловно, несмотря ни на что.

– Ты кое-что попутал, Алекс. Условие было! Оно тебя бесило больше всего. Свадьба! Энтон настаивал, а ты больше двух лет тянул из меня жилы, делая вид, что именно я насильно заставляю тебя жениться. Слава богу, мы наконец развязались, потому что теперь у меня появилось так много всего!

– Зато у меня не осталось ничего.

Неожиданно, портя прическу, он запустил пальцы в мои волосы. Ладонь легла на затылок, и горячие губы накрыли мой приоткрытый

рот. От изумления я вытаращилась. Вблизи Алекс был и смешным, и мрачным одновременно. Настойчивый язык попытался проникнуть за мои крепко сжатые зубы.

Наверное, стоило его хорошенько укусить, но я ловила себя на неуместной мысли, что от Алекса просто следовало держаться подальше – на расстоянии трех шагов он вряд ли сумел бы до меня дотянуться с такой скоростью. Отталкивать его не пыталась – физически он был во сто крат сильнее. Вдруг в нем проснется охотничий инстинкт и для нас обоих вечер закончится по-настоящему паршиво? Я не хотела пережить ужасный опыт в выстуженной комнатухе королевского театра. Просто стояла с открытыми глазами и сжатыми кулаками, ожидая, когда до него дойдет, что вторая сторона остается глухой и нечувствительной к нежеланным ласкам.

Дошло быстро. Алекс вообще отличался умом и сообразительностью. Он замер, открыл глаза и немедленно отстранился от моих губ. В тишине за хлипкой дверью гостиной гремела музыка и звучала тонкоголосая ария, но пауза казалась оглушительной.

– Ты закончил? – с ледяной, как воздух в комнате, интонацией спросила я.

Он убрал руки, отодвинулся.

– Я не жалею.

– Вижу, – согласилась с ним. – Можешь остаться ночевать в особняке, но я возвращаюсь в пансион.

– Шарлотта, ехать в Ос-Арэт ночью – чистое безумие.

Я сама знала, что безумие, но от ночевки в одном доме с бывшим женихом начинало неприятно сводить живот. Вдруг не утерплю и накинусь на него с чугунной кочергой? В синей гостиной родительского дома есть камин в человеческий рост, и кочерга у него соответствующего размера.

– И не смей меня преследовать! – указала в него пальцем и обескураженно заметила, что на руках только одна перчатка из двух.

Что-то перчаткам со мной, честное слово, не везет: вечно они теряются при самых странных обстоятельствах. Смутно припомнив, что швырнула первую в Алекса, я сдернула вторую с руки и выбросила на пол, но успокоиться не помогло. Наверное, стоило ее притоптать каблуком.

На выходе открылась новая замечательная перспектива выплеснуть ярость. Воспитанная леди никогда, ни при каких обстоятельствах не позволяла себе хлопнуть дверью... Какое же это оказалось удовольствие! Грохот разнесся по опустевшему на время спектакля театру и наверняка напугал посапывающего на скамеечке дядюшку-гардеробщика на первом этаже.

Мы, родовитые аристократки, вышколенные учителями хороших манер, выдрессированные, как ручные химеры, лишаем себя стольких маленьких радостей, известных обычным людям! При случае обязательно повторю.

Если кучер и был против поездки в Ос-Арэт, то не высказал ни слова претензии. Буркнул, что выберет самый безопасный маршрут, закрыл дверцу и пристегнул лошадей. Когда огни королевского театра сменились на фонари, а за окном замелькали узкие извилистые улицы Но-Ирэ, города ветров, где даже в солнечную погоду в проулках гуляли сквозняки, меня затрясло крупной дрожью. Казалось, я страшно замерзла. Завернулась в плед, потом накинула еще один. Стянула туфли и спрятала ноги, кое-как нахохлившись на узком сиденье. Однако согреться не получилось.

На въезде в город я попросила кучера ехать напрямиком в академию. Нас пропустили через высокие ворота Ос-Арэта неохотно, лишь отыскав мое имя в длинном списке студентов. Оставив вознице денег на завтрак и на комнату для отдыха, которую можно было снять в замке за скромную сумму, я зашагала к общежитским дверям.

Пронизывающий ветер швырял в лицо пригоршни колючих снежинок, длинное платье льнуло к телу и путалось в ногах, туфли на каблуках скользили по обледенелой брусчатке. Удивительно, как в завершение этого «удачного» во всех отношениях вечера я не свернула себе шею и добралась до дверей без травм.

Ноэль не соврал: обнаружив ночную гостью, домовики в общежитии не подняли шум, более того, на стук бронзовым молотком поспешно открыли тяжелую дверь. В коридорах не тушили свет, а только приглушали, и пространство утопало в таинственном полумраке. В центре холла на мраморном полу светился часовой циферблат, показывающий время. Бегала по кругу секундная стрелка, а минутная и часовая практически сошлись на двух часах ночи.

Кутаясь в куцее меховое болеро, замерзшая до костей, я поскреблась в дверь Ноэля. Он почти сразу отворил, словно ждал на страже, поморщился от света. Волосы были по-домашнему растрепаны, из одежды – низко сидящие на бедрах спальные штаны. На обнаженном скульптурном торсе поперек ребер тянулся столбик из крупных вытатуированных символов первородного языка. Каждый имел веское значение, как королевская печать, которую его величество ставил в особых случаях. Гнев, сожаление, принятие, тишина, любовь.

– Чарли? – в замешательстве произнес северянин, кажется, не уверенный, что ото сна ему не привиделась удивительная галлюцинация...

Когда молчание оказалось нарушено, я подалась к нему, обхватила холодными руками за шею. От Ноэля исходил чистый запах мужского горячего тела и едва заметные нотки благовония.

– Скажи, Чарли, – пробормотал он мне в волосы, – этот парень тебя обидел?

– Нет, – соврала я.

– Что он сделал? – естественно, не поверил Ноэль.

– Ничего. Просто спектакль был дурной. Я чуть не заснула и поняла, что нечеловечески по тебе соскучилась.

– Хорошо, – никак не прокомментировал он шитую белыми нитками ложь и увлек меня в комнату: – Заходи шустрее, ты совсем заледенела.

– Шла по холоду.

– Надеюсь, не из столицы? – пошутил Ноэль, хотя очевидно – ничего смешного в ситуации не находил и все еще раздумывал, что случилось в театре.

– Только из кареты, – пробормотала я, стягивая с плеч меховое болеро. Как показала практика, крошечная красивая вещица, надетая для ансамбля, по-настоящему не грела, а только создавала иллюзию тепла.

Сняв туфли, я со стоном поставила окоченевшие голые ступни на подогретый теплыми жилами пол. В комнате царила такая идеальная чистота, что ходить босой было не страшно, да и сам Ноэль встретил меня без домашних туфель.

Пока я избавлялась от обуви, он достал из шкафа аккуратно сложенные стопкой вещи и положил на письменный стол.

– Тебе надо переодеться. Чистое полотенце на полке над умывальником. Я побуду в коридоре.

– Подожди! – остановила я деликатного хозяина. – Помоги... мне расстегнуть платье, сама я не дотянусь.

Если бы под его вспыхнувшим взглядом можно было сгореть, пожалуй, меня охватило бы жаркое магическое пламя. Чувствуя, что сердце бьется уже не в груди, а горле, я перекинула длинные волосы через плечо и повернулась к Ноэлю спиной.

Второй раз его приглашать не пришлось. Он помедлил мгновение, а потом уверенными пальцами, крючок за крючком, начал расстегивать платье. Выходило ловко, как у заправской горничной, и я старательно душила в себе мысль, какое же количество платьев он расстегнул прежде. Изредка Ноэль случайным скользящим касанием притрагивался к моим выпирающим позвонкам. Казалось, попытка раздеванием никогда не закончится, но последняя застежка была преодолена. Скользящий шелк начал расползаться в разные стороны, открывая лопатки и кружевной лиф. Послав по спине волну мурашек, ладонями Ноэль сдвинул ткань. Горячие губы прижались к плечу, потом к чувствительному месту у основания шеи.

– Покажешь цветы Эна Риона? – глубоко вдохнув запах моей кожи, прошептал он.

Я разжала кулак, комкающийся на груди платье. Наряд с тихим шелестом упал к ногам, оставив меня практически обнаженной, в кружевном белье и с цветочным рисунком из живого металла на теле. Сложнее оказалось перебороть смущение. Сглотнув разом пересохшим горлом, я заставила себя повернуться лицом к Ноэлю. Он казался сосредоточенным и напряженным.

– И как? – выдохнула я севшим голосом. Вместе со снятым платьем исчезли локоны и лак с ногтей, на лице не осталось ни грамма краски.

– Идеально, – прошептал он, хотя даже не взглянул на металлический орнамент, и накрыл мои губы глубоким влажным поцелуем с языком.

Сильные руки подхватили меня под ягодицы и без особой деликатности усадили на стол. Окончательно теряя голову, а вместе с ней стыд, я обхватила Ноэля ногами и ощутила, как он с силой вжался в меня отвердевшим пахом. Смелые губы скользнули по шее, оставили

дорожку поцелуев на горле, заставив запрокинуть голову и впиться пальцами в мужские обнаженные плечи.

С крючками на нижнем белье Ноэль справился еще бодрее, чем с теми, что были на платье. Кружевная штучка была откинута в неизвестном направлении, и с бесстыдством я позволила целовать обнаженную грудь. Выгнулась в поясице, запутала пальцы в густых волосах мужчины, оказывается, умеющего не просто целоваться, а делать так хорошо, что кажется, будто попал в рай или ад. И если он, этот ад, был таким же пламенным и темным, то, пожалуй, я не против в нем задержаться.

Я смутно осознала, как оказалась на кровати. От белья и жесткой подушки пахло Ноэлем.

– Потушить свет? – тихо спросил он.

Провести свой первый раз в темноте и ничего не увидеть? Да ни за что!

– Ни в коем случае!

Не разрывая зрительного контакта, одним скользящим движением Ноэль стянул спальные штаны вместе с исподним. И глупо было жаться, лежа в одном кружевном лоскуте в его постели, поэтому я с большим интересом рассмотрела все, что прилагалось у парней к крепкому рельефному торсу. В откровенных романах описания всегда давали очень туманные, а в атласе о строении человеческого тела заветное непотребство было прикрыто то ли кленовым листочком, то ли гигантским виноградным.

Ни капли не стесняясь, Ноэль позволил изучить все, что меня могло заинтересовать, и только после этого лег. Он навис надо мной, стараясь держаться на руках и не придавливать тяжелым телом. На плечах напряглись мускулы, резко обозначились ключицы, свисали по напряженному лицу волосы с тонкими светлыми прожилками.

Мягко погладила его по шершавой щеке, провела кончиками пальцев по губам и прошептала:

– Я доверяю тебе, но все-таки... можешь быть осторожным? Хотя бы немного.

На мгновение у него оборвалось дыхание. Видимо, прежде Ноэль не допускал мысли, что окажется первым. Переварить новость у него заняло пару бесконечных секунд, которые он внимательно вглядывался

в мое лицо, словно ища в нем окончательное подтверждение сказанному.

– Люблю тебя, – хриплым шепотом наконец ответил он на диалекте.

Единственное, о чем откровенные романы не ввали, – в самый первый раз бывает больно, и эта глубинная боль кажется обидной и ужасно несправедливой. Правда, до того момента, пока мужчина не призовет магию. Понятия не имею, как у других, но у меня от магических токов из головы выбило лишние мысли, а тело накрыло невыносимым удовольствием. Не уверена, но кажется, в какой-то момент, когда наслаждение достигло пика, я не просто застонала, а вскрикнула...

Подперев голову кулаком, я разглядывала лежащего на спине крепкого северянина, мягко пальцами чертила по рельефным линиям, осторожно обрисовывала контуры вытатуированных на ребрах символов. Сегодняшней ночью прикоснуться к Ноэлю стало моим вторым любимым занятием. Первое – мы только закончили.

– Гнев, тишина, – шепча, повторяла кончиком пальца резкие чернильные линии, – принятие, сожаление, любовь. Почему эти знаки? Они не сочетаются.

– Я наносил их постепенно. Когда с чем-то было сложно справиться, рисовал символ на теле. Как ни странно, это приносило облегчение... – после паузы признался Ноэль. – Мне было тяжело осознать гибель родных, с той шхуны вообще мало кто спасся. Нам с дедом пришлось несладко: он понятия не имел, как усмирить подростка в ярости, а я бесился, осознавая, что единственный выжил. Символ «гнев» был в его книге. Я увидел и понял: вот оно. Когда появилась татуировка, меня отпустило.

– Тишина? – тихо спросила, вновь обведя пальцем печальный знак.

– В семнадцать мне перекрыли магию.

– Ты ведь не шутишь. – Я приподнялась на локте и заглянула в его расслабленное лицо.

– Что за жалобный вид? Все давно закончилось. – С улыбкой он поцеловал меня в кончик носа. – Стражи привезли меня домой в кандалах, у деда от переживаний случился удар, а на день рождения

его величество сделал нам обоим королевский подарок – перекрыл мне магию. Поначалу тишина казалась невыносимой.

– Какая жестокость! – прошептала я.

– Она оправданна.

– Я не верю в оправданную жестокость. Всегда есть другой выход.

– Этим он помог мне, Чарли. Оказалось, что в тишине хорошо думается. Я огляделся вокруг и понял, что без стихии у меня ничего не осталось, выжженная пустошь вместо нормальной жизни. Вряд ли отец хотел, чтобы сын превратился в ничтожество, когда сбросил меня с горящего корабля. Я принял все, что со мной случилось.

– И нанес знак «принятие», – договорила я.

– И нарисовал тату, – согласился он.

О «сожалении» спрашивать побоялась. Очевидно, знак появился после той дикой истории с погибшим парнем.

– Понимаю, что сложно справиться с гневом, но чем тебе не угодила любовь? Ты был безответно влюблен?

– Да. – Он ласково погладил мой подбородок. – Но по совершенно непонятной причине ты неожиданно ответила.

Можно мне растаять, как кубик льда в жаркий день? Сердечно благодарю.

Я проснулась от непривычной тесноты в кровати. Открыла глаза и с недоумением обнаружила перед носом необработанную каменную кладку. К спине прижималось сильное крепкое тело, а к ягодицам – совершенно беспардонно и без смущения – каменное мужское естество. Тут-то до меня разом дошло, и губы растянулись в довольной улыбке.

Нахальная ладонь Ноэля между тем гуляла под широкой исподней рубашкой, которую я надела после купальни. Приключение с ночным мытьем оказалось почти безопасным, ведь в дверях дежурил крепкий высокий северянин. Странные типы, неожиданно решившие потереть спинки в четыре часа утра, отправились в зад... в смысле, в противоположный конец этажа, где располагалась еще одна купальня.

Мужские пальцы ласково огладили живот, пробежались по металлическому узору на ребрах, неожиданно ожившему от прикосновения мага, легли на грудь. Горячие губы приложились к чувствительной точке в основании шеи, и я застонала, больше не в силах делать вид, будто сплю.

– Доброе утро, – прошептал Ноэль.

Понятия не имею, сколько времени и почему утро оставалось по-прежнему таким темным, хотя рассвет в горах обычно приходил раньше, чем в городке, но спросила:

– Сколько мы спали?

– Мало, и ты можешь еще подремать, – промурлыкал он, давая понять, что, конечно, можно попытаться подремать, но кое-кто будет активно мешать этому просто жизненно необходимому процессу другим не менее замечательным занятием.

Толкаясь на довольно узкой койке, я перевернулась лицом к Ноэлю и подставила губы для поцелуя. Наше дыхание смешалось, широкая рубаха легко слезла через голову и упала в кучу к дорожному платю (там же валялось болеро из драгоценного меха, соскользнувшее со спинки стула). Ласки становились смелей, настойчивее и напористее. Не хватало воздуха, и одеяло тоже отправилось на пол. Я снова поняла, что погружаюсь в потрясающий ад, полный острого, ни с чем не сравнимого наслаждения, и теперь, пожалуй, буду хохотать над откровенными романами, понимая, что в них написаны сплошные враки...

И тут в комнату тихонечко постучались.

Замерев в весьма выразительной позе, мы прислушались к этому прозаичному стуку, случившемуся ужасно не вовремя.

– Какого демона? – пробормотал Ноэль на диалекте.

Весьма актуальный вопрос! Может, у соседа за стенкой от зависти не выдержали нервы?

Стук повторился, громкий, настойчивый и по-особенному категоричный. На долю секунды в голову пришла идиотская мысль, что колотила Зои! Только она умела так стучаться, словно в здании случился пожар.

От дурацкого чувства, что подобное происходило в пансионе, но тогда мы были по крайней мере полностью одеты, захотелось сначала расхохотаться страшным голосом, а потом злобно швырнуть в дверь туфлю на каблуке. А лучше этой туфлей вмазать гостю! Я-то наивно полагала, что ночью в общежитии все студенты впадали в летаргический сон, а поглядите-ка: один зомби поднялся с кровати и помешал нам просыпаться!

– Может, в общежитии кто-нибудь заклятием разрушил стену? – попыталась пошутить я.

Что еще способно заставить кого-то выносить дверь в мужскую комнату перед рассветом? Только чрезвычайное положение!

– Коэн! Друг! Открой! У меня чрезвычайное положение! – заскулил в коридоре смутно знакомый голос на северном диалекте. – Ноэль! Брат! Я сейчас снесу головой стену!

– Эйнар?! – в два голоса прошептали мы с «другом и братом Ноэлем Коэном».

– Ты там или уже тренируешься? – стонал Эйнар.

Тренируется, но в не боевой магии, поэтому иди-ка уже в зад... в смысле, зал. Атлетический зал!

– Он сейчас уйдет, – убежденно пробормотал Ноэль.

– Я не уйду, пока не откроешь! – пригрозил неожиданный гость, наплевав, что, возможно, перебудил весь этаж и теперь только ленивый не выглянет в коридор, чтобы проверить, а не снес ли кто-нибудь в общаге половину каменной стены и не прорубил ли магией дополнительное окно.

– Он нас слышит?! – тихо запаниковала я.

– Не слышу: ты там разговариваешь во сне, что ли? Проснись и дай мне порошки от головы.

– Я ему сейчас топор от головы дам, – выдавил Ноэль.

На мой взгляд, чугунная кочерга тоже была страсть как хороша, но у нас не имелось под рукой ни того ни другого. Оставалось надоеде съездить стулом по башке.

– Вчера перебрал, на тренировку не могу идти, – жаловался под дверь Эйнар, словно под утро ему было не с кем поговорить, разве что с другом и с закрытой дверью в его комнату. – Чи и так на меня зуб точит...

– Кто такой Чи? – неожиданно заинтересовалась я. Слово переводилось с первородного как «прилипала» и, в общем-то, даже для прозвища звучало обидно.

– Куратор, – отозвался Ноэль. – Не повезло мужику с фамилией.

– Так это не прозвище?! – охнула я, но немедленно прикрыла рот ладонью.

– Не пойму, тебя там нет, что ли? – позвал неожиданный гость. – Уже в зал ушел?

Неожиданно в темноте засветилась ручка. Эйнар, похоже, собрался пожаловать в комнату к «спящему» другу без разрешения и взламывал запертый замок с помощью магии. Торчащий с внутренней стороны ключ со звоном выпал из замочной скважины.

– Так ты дома! – донеслось радостное из коридора.

Ей-богу, этот северянин с Зои были ментальными братом и сестрой! Наверное, поэтому они не питали друг к другу ровным счетом никаких романтических чувств, а просто подружились.

Ноэль выругался на диалекте и тут же прошептал:

– Извини.

Видимо, словцо оказалось бранным, и при девушках его произносить не следовало. И пусть я не знала перевода, учитывая обстоятельства, была полностью с северянином согласна, даже поддакнула бы на шай-эрском, если бы не боялась, что нас раскроют.

Он ловко скатился с кровати, швырнул мне отброшенную рубашку и одним быстрым движением влез в пижамные штаны. Путаясь в рукавах, я пыталась натянуть на себя одежду. В итоге надела наизнанку и задом наперед, а потом в панике посмотрела на дверцы шкафа, прикидывая, сумею ли в него поместиться.

– Даже не думай! – Ноэль поднял с пола одеяло и бросил на кровать. – Просто накройся. Сейчас я от него избавлюсь.

Я с головой натянула на себя одеяло и притаилась, прислушиваясь к тому, как Ноэль пытается избавиться от лучшего друга. В смысле, не прикончить его, а просто отправить в сторону горизонта или в атлетический зал на тренировку, смотря куда тот пойдет охотнее.

Едва я оказалась в темном, теплом коконе, сознание начало уплывать. В голове заговорили громкие незнакомые голоса, перед глазами замелькали неясные образы, как всегда бывает перед самым глубоким сном. Прежде чем окончательно выпасть из реальности, я неожиданно четко услышала восклицание Эйнара, сказанное так громко, словно он все-таки взял комнату штурмом:

– Все! Дошло! Ты не один...

Второй раз я проснулась, когда утро давно рассвело. Сквозь затянутае морозным узором окно пробивалось солнце. В косых полупрозрачных лучах, рисующих на теплом полу квадраты света, плавала пыль. Комната утопала в тишине. Разбросанные вещи исчезли, на дверце шкафа на плечиках висело мое клетчатое платье, а на полу

аккуратно стояли ботинки. Мой парень куда-то запропастился, оставив на столе записку, а под ней – запасной ключ от комнаты.

Я потянулась за бумажкой, неожиданно ощутив ломоту не только в мускулах, но и в тех местах, о существовании которых раньше не особо задумывалась. Ноэль писал, что утром отправил в пансион посыльного за какой-нибудь одеждой, ее доставили, а он совсем скоро вернется с завтраком.

В холщовой сумке, подвешенной на спинку стула, нашлись исподнее из разных комплектов, два чулка на левую ногу и подозрительная косметическая притирка, верно, случайным образом, как и все остальное, выбранная Зои из ряда флакончиков в моей ванной комнате. Некоторое время я с недоумением изучала початую бутылочку, посмотрела на свет, поболтала темную маслянистую жидкость и... узнала подарочек Вербены на Новый год, подложенный предусмотрительной подружкой. Видимо, зверомаг охотно просветила ее о назначении снадобья.

– Господи, не дай мне издохнуть от стыда! – прочла любимую молитву Богу.

Но Всевышнему несколько надоело, что к нему обращались исключительно в позорные моменты, и он решительно огорошил меня громким стуком в дверь. Учítывая, что я по-прежнему стояла в широкой мужской сорочке, с голыми ногами и с прической, не оставляющей простора для фантазии, как прошла предыдущая ночь, предстать перед новым гостем было несколько конфузно.

– Тэйр, тебе лучше открыть! – прозвучал настолько серьезный голос Рэдмин, что у меня не возникло мысли притвориться, будто комната пуста.

Я отперла дверь оставленным Ноэлем ключом и выглянула в щелку, стараясь скрыть nepотребный вид. Вернее, вполне себе потребный для утра, но не для утра в мужском общежитии.

– Останови это! – Северянка смотрела с ненавистью.

– Прости? – Я почему-то покосилась на свои голые ноги, торчащие из-под рубахи.

– Понятия не имею, кто из них начал ссору первым, но они столкнулись в холле и налетели друг на друга, как взбесившиеся! – выпалила она на одном дыхании, и лично у меня не возникло сомнений, о ком именно шла речь.

– Их вызвали к декану?

– Нет, но они назначили поединок. Ты должна убедить их разойтись с миром, иначе кто-нибудь обязательно пострадает. Не знаю, что сказать о твоём женихе, но Ноэлю просто нельзя попадать в неприятности с боевой магией!

Браво, Чарли! Ты едва не проспала драку между бывшим женихом и любимым парнем, который – демоны его дери! – просто вышел за завтраком. Вот так отпускай мужчин за едой! Сидишь и ждешь булочку с заварным кремом, а он втихую участвует в дуэли.

Вызов на поединок являлся, пожалуй, единственным способом устроить магическую стычку в периметре замка и не вылететь из Ос-Арэта. Если, конечно, в итоге все участники оставались живыми. Изредка я слышала, что кто-нибудь из высших магов встречался на арене, но всегда считала эту традицию атавизмом, моветоном и неумением договариваться без применения боевых заклятий. Впервые я осознала, что в некоторых ситуациях противники не то чтобы не умели договариваться, а просто не желали говорить друг с другом.

– Мне надо минуточку, – чувствуя, что от страха закутываюсь в привычную рубашку из надменности, с ледяной интонацией произнесла я и закрыла дверь.

За минуточку не уложилась, успела за пять. Умылась, быстро оделась, кое-как заплела спутанные волосы в простую косу, натянула ботинки и с решительным видом вышла из комнаты. Стараясь срезать путь, в восточное крыло мы направились через крытый ледяной переход между корпусами, перекинутый на невысказанной высоте. Но не успели...

В зале, где проходила дуэль, балкон ломился от зрителей, собравшихся поглазеть на представление вместо лекций. Народ гомонил, что-то выкрикивал, разноголосица сливалась в единый рев. Люди определенно болели за Алекса, кто-то выкрикивал его имя. Пусть он известный паршивец и высокомерная свинья, но паршивцем был местным, в отличие от чужака-северянина.

Увидев меня, пробившуюся ко входу следом за Рэдмин, Эйнар поменялся в лице и накинулся на подругу:

– Какого демона ты ее привела? Почему ты никогда не слышишь того, что тебе говорят?!

– Я надеялась, что она поможет их убедить! – взвизгнула северянка. – Если кто-нибудь пострадает, случится большая беда!

Она ошибалась: беда уже случилась, ведь мы опоздали, и поединок начался. Арену затягивал защитный купол, арочный проход скрывала прозрачная непроницаемая стена. Ощущая себя как в дурацком мучительном сне, я разыскала глазами магистров в черном. Один наблюдал за дуэлью с балкона, другой – куратор Чи из Норсента – находился на арене.

Хотелось верить, если что-то пойдет не так, они остановят бой и помогут пострадавшему, но пока оба равнодушно смотрели, как противники примерялись друг к другу с боевыми мечами, зажатыми в руках. С теми самыми, чей вес совпадал с тренировочными шестами. Я понятия не имела, чем мне поможет это знание, но в голове почему-то крутилась звонкая мысль, что железяки весьма увесистые. Вдруг парни устанут ими размахивать раньше, чем покалечатся?

Вопреки правилам, противники не пожелали переодеться в спортивную форму, так торопились друг друга избить. Ноэль остался в домашних штанах и в узком свитере, видимо, натянутом с единственной целью – добежать до столовой и, прихватив термос с горячим кофе, спешно вернуться в общежитие. На Алексе была надета костюмная тройка и белая рубашка. Вернее, пиджак он снял и швырнул тут же, на пол, а рукава закатал, и на белой ткани уже появились пятна крови. Я видела их так ясно!

Парни кружили, приглядываясь и пытаясь отыскать слабые места. Жадно следя за боем, я не заметила, что все время от напряжения приближалась к прозрачному пологу. От невидимой стены исходил ощутимый жар, воздух плыл, и от этого происходящее в защитном контуре казалось совершенно нереальным.

Противники наконец сошлись, сцепились, встретились сначала мечами, а потом обменялись мощными ударами кулаков. И что-то все время друг другу говорили, словно пытаясь и отношения выяснить, и покалечить! Неожиданно у Алекса из руки выпало оружие. Не задумываясь, какой нанесет урон противнику, он применил боевое заклятие: сложил ладони и, словно из пасти злого дракона, выплеснул яростный поток подконтрольного алого пламени. Безжалостный вихрь огня с головой поглотил Ноэля.

Кажется, я приготовилась упасть в обморок, но секундой позже пламя превратилось в ледяную голубоватую волну. Невредимый северянин ударил по обледенелому потоку мечом, и на каменный пол обрушился поток воды, расплескав в разные стороны темные брызги.

Неожиданно магическая преграда перед моим носом, затягивающая арочный вход, надулась как пузырь, заставив меня резко отпрянуть. В панике я закрутила головой, не понимая, что происходит. С балкона на меня, не моргая и не шевелясь, черными глазищами с ненавистью таращилась Елена Эридан. Ее губы беспрерывно шевелились, а заслонка продолжала надуваться.

Внутри зала вдруг вспыхнул ослепительный магический свет, и тонкий пузырь с хлопком лопнул. Я охнула от сильного толчка в грудь и осознала, что, похоже, падаю на спину, но смягчить удар и как-нибудь извернуться не удалось – тело было нечувствительным к приказам разума. От жесткого приземления вернулись звуки, крики и грохот. Перед глазами поплыл серый потолок, а потом вдруг стало невыразительно тихо, и наступила абсолютная темнота...

Я очнулась рывком. Показалось, что кто-то звонко хлопнул над ухом в ладоши, и сознание послушно вернулось. Потолок атлетического зала исчез, надо мной нависал парчовый балдахин цвета благородного бордо. Я пошевелилась и вдруг поняла, что непослушное тело ноет, руки затекли, а голова похожа на пустой чугунный котелок. Когда ударишь кочергой, то она не разобьется, а задорненько зазвенит.

– Чарли, детка, ты проснулась? – прозвучал рядом женский голос. – Как ты себя чувствуешь?

В первую секунду я даже ушам не поверила! Приподнялась на локтях и действительно обнаружила родную матушку, встающую из кресла, где она почитывала философский трактат «Воины света», подаренный мне Ноэлем. Естественно. До пошленьких любовных романчиков, в ассортименте лежащих среди учебников на секретере, инспектируя комнату, она не опустилась бы.

– Мама, как вы здесь оказались? – спросила я старчески-скрипучим голосом и попыталась опознать это самое «здесь».

Я лежала на знакомой кровати в поместье Чейсов. Не понимаю, почему меня перевезли именно сюда, учитывая, что помолвка с большим пафосом была расторгнута и я прекрасно повалилась бы без сознания в пансионе или в городской лечебнице.

– Вернулась, едва пришла новость, что тебя ранили боевым заклятием. У папы, к сожалению, вырваться не получилось, он должен приехать через пару недель, – проговорила она и, подойдя, положила прохладную руку, пахнущую сдержанным благовонием, мне на лоб. – Хорошо, у тебя больше нет жара.

Учитывая, что Эл-Бланс и королевство Шай-Эр разделяли три порталных перехода и два дня пути, возникал закономерный вопрос:

– Сколько я провела без сознания?

– Четыре дня, – подсказала мама, подложив мне под спину подушку.

– В таком случае почему я чувствую себя такой невыспавшейся? – растерянно пробормотала я и покосилась в окно. На улице разливалась чернильная, густая темнота.

– Ты изредка приходила в себя, Чарли. Ничего не помнишь?

Мама аккуратно налила в стакан воду и открыла какой-то флакон. В воздухе ядрено запахло ментолом. Пара мутных капель упала в прозрачную жидкость, окрашивая ее зеленоватым колером.

– Семейный лекарь прописал укрепляющее и постельный режим. Через пару дней ты будешь как новенькая...

– Вы в курсе, что произошло?

– Да, – сухо бросила она, подавая мне стакан. – Я была у ректора. Можешь ни о чем не беспокоиться.

Если до этой секунды я действительно не беспокоилась, то теперь в душе шевельнулось нехорошее предчувствие.

– Что вы имеете в виду?

– Твоего репетитора по северному диалекту высылают из Шай-Эра без права возвращения. Никому не позволено нападать на королевскую крестницу...

– Ноэля обвинили в том, что он швырнул в меня боевое заклятие?! Вы все с ума сошли?! В таком случае почему не обвинили Александра Чейса? Он тоже участвовал в поединке! – выпалила я, не щадя осиплого горла. – Стипендиатка Елена Эридан сняла защитный контур, и в меня прилетело заклятие!

– Я понятия не имею, кто такая эта Елена, но твоего жениха, к слову, отстранили от занятий до конца месяца. Даже я согласна с решением ректора! Как можно было допустить, чтобы в его невесту ударили магией?

– Может, потому что он мой бывший жених, а Елена Эридан – его любовница? – не без иронии проговорила я. – Мы с вами обговаривали вопрос помолвки.

– Когда? – холодно усмехнулась она, и у меня свело судорогой живот. – Мне кажется, милая, ты все еще немного не в себе после сложного пробуждения. Не переживай, лекарь сказал, что это лишь шок неодаренного человека под гнетом чужой магии.

Не произнося ни слова, я начала выпутываться из-под одеяла, чтобы немедленно ехать к Ноэлю. Наплевать, о чем они говорят. Вместе с ним мы разберемся в этой дикой ситуации!

– И куда ты собралась? Восстанавливать справедливость, полагаю? – спросила мама таким тоном, что я замерла на краю кровати и внимательно посмотрела в ее идеально гладкое, выхоленное лицо.

Она не позволила себе усмешки – считала злорадство моветоном и проявлением дурного вкуса и смотрела так, словно посылала в мою сторону ледяные стрелы. Впрочем, во время нервных срывов, проходящих исключительно за закрытыми дверьми, матушка действительно умела устраивать локальные заморозки в оранжереях, обморожения стеновых тканей и внутрикомнатные метели. Лилии Тэйр не повезло родить чуточку бездарную дочь, но саму-то природа щедро наделила магией. Дар достался под стать характеру: холодный, высокомерный, расчетливый и разрушительный.

– Ты в курсе, что случилось, – оцепенело резюмировала я.

– Шарлотта, ты же знаешь, что панибратство с родителями – дурной тон, – невпопад отчитала она меня. – Этот мальчик из Норсента полностью признал свою вину и теперь собирается домой. Конец истории. Отдыхай, моя радость, тебе нужен покой. И выпей снадобье.

Мама указала пальцем на стакан с мутно-зеленой жижей и, почти бесшумно ступая по ковру, вышла. От злости я даже зарычала!

Соскочила с кровати, но тут же согласилась с закружившейся головой, что взяла слишком резвый темп. До ванной комнаты дошла тихонечко, не пытаясь строить из себя стремительную лесную нимфу. Зеркало подтвердило худшие опасения: если я походила на фею, то эта фея стояла одной ногой в царстве мертвых. Под глазами залегли черные тени, щеки впали, губы были бескровными.

Дальше – больше! В районе солнечного сплетения подживал фигурный ожог в виде знака на первородном языке. Линии сильно расплылись, но интуитивно можно было узнать символ «ослепительный свет». Видимо, по нему опознали создателя магии. Но самое главное, цветы Эна Риона исчезли! Пока я была без сознания, кто-то снял магический узор. Почти не сомневаюсь, что в роли тайного воришки выступила мама и наверняка припрятала в какую-нибудь шкатулку! Отсутствие любимого украшения, значащего для меня больше бабушкиных бриллиантов, ужасно расстроило.

После мытья я надела единственное платье, висевшее на плечиках в гардеробной. Видимо, оно находилось в стирке, когда мои вещи отправляли в пансион, и случайно осталось в поместье. Накинув верхнюю одежду, я отправилась в покои к Ирэне. Мачеха Алекса оказалась у себя и встретила меня с фальшивой радостью:

– Уже слышала от твоей матушки, что ты пришла в себя. Прекрасно выглядишь!

Она наткнулась на мой скептический взгляд.

– Хорошо, признаю: выглядишь как человек, прошедший последние четыре дня в забвении. Что-то хотела, ожившая моя?

– Экипаж, – попросила я.

– Мать придет в бешенство, если ты уедешь без спроса, – заметила Ирэна и тут же улыбнулась пропитанной лицемерием улыбкой: – С другой стороны, она слишком воспитана, чтобы схватить кочергу и начать бить наш фамильный сервиз, как думаешь?

Может, эта женщина втайне умела читать мысли? Иначе откуда она узнала бы о моей голубой мечте переколотить в поместье старинный фарфор? Совершенно точно я о ней никому не рассказывала!

– Полагаю, так и есть, – согласилась я и получила в ответ понимающее подмигивание.

В общежитии Ноэля не оказалось. Я настолько растерялась, когда он не открыл на стук, что поскреблась в комнату справа и нахально спросила, не видел ли сосед северянина. Тот не столько видел, сколько слышал, что «длинноволосые варвары» большой компанией отправились в город. Чувствуя себя растерянной и почему-то очень глупой, я прислонилась к подоконнику и с надменным видом, словно абсолютно всем делала огромное одолжение, что проводила

драгоценное время в общежитском коридоре, начала ждать возвращения собственного парня.

Наконец Ноэль, одетый в знакомое расстегнутое пальто и свитер с высоким горлом, появился в конце коридора. Он заметил меня тут же, но почему-то не прибавил шагу. Я хотела наплевать на гордость и броситься к нему навстречу, но не сдвинулась с места. Дождалась, когда он приблизится и остановится на расстоянии шага.

Некоторое время, как полные тупицы, мы разглядывали друг друга. Он тоже выглядел, мягко говоря, болезненно-бледным и осунувшимся. Внутри меня стучали тревожные молоточки, но я отчаянно цеплялась за надежду. Уговаривала себя, что слишком мнительная, просто не ожидала такой аристократически-сдержанной встречи.

– Какое счастье, что с тобой все в порядке, принцесса! – наконец прервал Ноэль молчание и... очень по-дружески меня обнял, аккуратно прижав к себе. Хорошо, не похлопал по плечу, как дорогого боевого товарища.

– Услышала, что тебя обвинили в нападении, и сбежала из дома, – пробормотала я, наслаждаясь запахом его благовония. Уверена, на этикетке, приклеенной к флакону, написано: «зимний холод, ледяная хвоя, ноты душевной черствости».

– Я уже догадался, – согласился он, аккуратно размыкая объятия.

– И отпустила экипаж, – намекнула, что планировала остаться с ночевкой.

– Мы вернулись из города десять минут назад, и на въездной площади стоял пяток свободных экипажей, – ответил он, отпирая дверь ключом.

С каждой минутой этот разговор пугал все больше. Тревожные молоточки уже не просто стучали, а били в набат. От дурного предчувствия у меня сжималось сердце.

– Зайдешь? – Ноэль любезно пригласил меня в гости.

В комнате по-прежнему царил идеальная чистота. Кровать была аккуратно заправлена, и я старалась на нее не смотреть, чтобы не испытывать неловкости.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил северянин, стягивая с плеч пальто.

Он продолжал себя вести дружелюбно, но отстраненно, как будто между нами не существовало сумасшедших дней до дурацкого заклятия, отпечатанного на моем теле фигурным ожогом.

– Посредственно.

Мне не предложили ни раздеться, ни сесть, а я постеснялась сказать, что очнулась окончательно всего пару часов назад, немедленно сбежала в Ос-Арэт, чтобы с ним увидеться, и все еще плохо держалась на ногах. Из тела не уходило неприятное ощущение, будто в меня не просто попали магией, а хорошенько побили этой самой магией, как чугуной кочергой.

– Ноэль, что происходит? – резко спросила я, осознавая, что перебороть тревогу не дают взвинченные до предела нервы.

– Произошло абсолютно все, принцесса, – ответил он, невольно напомнив, как я сама пыталась подобрать слова, прочитав те мерзостные статьи. – И ничего хорошего.

– Ничего хорошего? – не поверила я своим ушам. – Я знаю, что тебя высылают из Шай-Эра без права возвращения. Завтра утром я пойду к ректору и объясню, что произошло. Елена Эридан должна...

– Они в курсе, Шарлотта, – холодно перебил он и спрятал руки в карманы брюк. – Бывшую девушку Александра Чейса отчислили на следующий день после дуэли. Она решила, что ты мертва, и от страха покаялась перед деканом.

– Тогда почему тебя наказывают? Поединок был одобрен магистрами. Ты не виноват в том, что сделал другой человек.

– У меня есть прошлое, – ответил он. – Совет магистров посчитал, что инциденты похожи, а иностранцев из Шай-Эра отправляют по щелчку пальцев.

– Значит, я уеду на полуостров вместе с тобой! – решительно заявила я.

– Разве похоже, чтобы я тебя звал?

– Прости?..

– Пора остановиться, принцесса, – произнес он, обдавая меня ледяным взглядом.

Никогда не подумала бы, что карие глаза могут быть холодными, как лед.

– О чем ты говоришь? – недоверчиво переспросила я, хотя сама прекрасно осознавала, к чему он вел.

– Давай уже прекратим играть в любовь. Было забавно, но стало слишком хлопотно, не находишь?

Глава 8

Ход Шарлотты

Единственное, что мне действительно хотелось найти, стоя посреди общежитской комнаты Ноэля Коэна, – это точку опоры. Я держалась на чистой гордости, удивляясь, какой, оказывается, огромный нерастраченный запас хранила внутри. Видимо, хорошо сэкономила, пока бегала за бывшим женихом. Теперь с лихвой хватало на любимого парня, который почему-то решил притвориться нелюбимой скотиной.

– Правильно ли я поняла тебя, Ноэль... Все, что происходило между нами, было забавной игрой? И чем же я заслужила великую честь в ней участвовать?

– Ты хочешь, чтобы я сказал вслух? – усмехнулся он.

– Да, будь уж добр. – Я сделала шаг в его сторону, сузив между нами расстояние. – Не собираюсь теряться в догадках и собирать сплетни. Лучше услышать из первых уст, чтобы потом не случилось разночтений.

Если он думал, что я облегчу ему задачу и беззвучно отбуду за линию горизонта, то сильно ошибался. Хочет лгать, как последний мерзавец, пусть постарается соврать красиво, с огоньком и придумкой.

– Александр Чейс – единственная причина, – спокойно произнес он.

– Естественно, – совершенно серьезно кивнула я, надеясь, что со слухом у северянина все в порядке и насмешку он сумел различить.

– Не выношу, когда конфликты заканчиваются ничьей. Он играл нечестно, я тоже. Он отнял у меня победу в турнире, я решил, что отниму у него все: уважение, семью, любимую девушку, будущее. Для этого нужно было сделать единственную вещь. – Ноэль протянул руку и ласково погладил меня по щеке. – Забрать его невесту. Честное слово, Шарлотта, я полагал, что ты окажешься неприступной, как крепость, но ты даже не попыталась сопротивляться. Никаких внутренних противоречий.

Невесело хмыкнув, я отвела его руку от своего лица. Ощущать мягкое ласкающее прикосновение, несоразмерное отвратительной

лжи, что без преград вылетала из его рта, было неприятно.

– Господи, я даже оскорблена! Нельзя было наврать что-нибудь помасштабнее? Не знаю... Сказал бы, что поспорил на меня с друзьями, – усмехнулась я, складывая руки на груди. – Ноэль, даю тебе вторую попытку рассказать, что случилось. И если ты продолжишь нести ересь, я действительно уйду из твоей жизни.

– Зачем ты заставляешь меня быть жестоким, принцесса? – выгнул он бровь. – Ты хочешь, чтобы я произнес это вслух? Хорошо. Без Александра Чейса я не заметил бы тебя в толпе других шай-эрсских аристократок. Ты не просто не в моем вкусе, мне никогда не нравились девушки вроде тебя.

– Неправильный ответ! Но шанс ты уже истратил, поэтому послушай внимательно. В конечном итоге мне станет легче, всегда становилось, но тебя... – я со злостью ткнула его пальцем в крепкую грудь, – еще долго будет терзать это решение, принятое в общежитской комнате Ос-Арэта. Невозможность вернуться превращает сожаления в ад.

Я уже однажды шарахала дверью в театре и позволила себе этот фокус еще раз. Грохот разнесся такой, что в общежитии наверняка решили, будто магией все-таки прорубили окно в какой-нибудь из купален. От удара символично погасли номер комнаты и имя жильца. Глядя на ровные литеры, словно нанесенные угольным карандашом, я ощущала крепкий узел, стянувший живот.

– Иди ты в... свой проклятуший Норсент!

Единственное, чего хотелось по-настоящему, – вернуться и со злостью прокричать паршивцу в лицо, как сильно ранила меня его ложь. Но с миной истинной аристократки я зашагала туда, куда меня недвусмысленно послали: на выход. И меньше всего ожидала, что Ноэль нагонит меня на лестнице и схватит за локоть.

– Чарли, стой!

Показалось, что его прикосновение ужалило. Сама от себя не ожидая, я освободилась резким рывком и отпрянула к стене.

– Ты решил рассказать правду?

Он хмурился, словно не понимая, что сказать и для чего именно бросился вдогонку. На лице ходили желваки.

– Почему ты молчишь? – холодно спросила я.

– Не надо ехать одной.

У меня вырвался смешок, прозвучавший вовсе не издевательски, а жалко и очень горько.

– Что ты сказал? Не надо ехать одной? – повторила, разделяя слова.

– Уже поздно. – Ноэль на мгновение замялся. – Я провожу тебя.

Пожалуй, одной двери маловато, чтобы не взорваться от злости, как воздушный шар! Я осознала, что влепила звонкую пощечину, когда у северянина мотнулась голова, а у меня запекло ладонь. На его лице стремительно расцвел сочный след от женской руки. Кольцо на указательном пальце, обсыпанное мелкими острыми бриллиантами, расцарапало кожу на скуле северянина, и из ранки выступила кровь.

Он даже не подумал ее стереть, смотрел тяжело. Рваное дыхание поднимало грудь, тонкие ноздри расширились.

– Надеюсь, теперь ясно, что меня не надо провожать?

Пристальный взгляд Ноэля я ощущала лопатками, даже когда выходила в услужливо раскрытую домовиками дверь корпуса и шурилась от ледяного сквозняка, ударившего в горящую физиономию. Возможно, мне хотелось принимать желаемое за действительное, но внутренний голос кричал, что он оставался на лестнице до самого конца, пока я не скрылась на улице. Обернуться и проверить не позволила раненая гордость.

На середине пути между замком и пансионом, когда в прохладный салон проникал лишь призрачный свет фонаря, висящего над возницей, а от окна почему-то ужасно дуло, вдруг страшно защипало глаза и перестало хватать воздуха. Впервые в жизни меня душили рыдания, а я оказалась настолько не готова к проявлению женской слабости, что даже не сразу распознала приближение этой нежеланной, пошлой истерики. Во мне как будто проснулась особая слезная стихия, которую никак не удавалось укротить. Покачиваясь в такт движению кареты и шмыгая носом, со злостью кусала губы и стирала с лица непослушные слезы, без разрешения бегущие по щекам.

В пансион я заходила бледная, с опухшими глазами и с обкусанными губами. В особняке мадам Прудо, как и обычно, пахло сладкими булочками, тонкими духами и вишневыми ароматическими свечами. Из гостиной доносилась нестройная фортепьянная игра, звучали громкие девичьи голоса. Одна из соседок выглянула из дверей,

увидела меня и выкрикнула так громко, что на лестнице с хлопком появился домовик в виде ободранного кота и немедленно исчез:

– Чарли вернулась!

В холл высыпали почти все жительницы особняка. Девочки-соседки встретили меня с пресными минами, словно мысленно уже распрощались и яростно спорили, кто переедет на второй этаж в свободную комнату, между прочим, не самую маленькую в доме, а я возьми и воскресни. Мадам Прудо лично вышла из столовой, а кухарка слезно заохала и пообещала прислать в спальню вкусняшек. Признаться, я даже несколько ошалела от ее теплого приема.

Зою поднялась со мной на второй этаж. Шла позади, шаг в шаг, беспрестанно приговаривая ласковые словечки. Едва мы оказались вдвоем, как она, чуть не плача, принялась каяться:

– Чарли, прости меня, пожалуйста! Я ужасная подруга! Беда случилась из-за меня! Я виновата!

– Ты вскрыла защитный полог на пару с Еленой Эридан? – мрачно пошутила я.

– Нет, конечно, – изменившимся голосом буркнула подруга. – Я рассказала Чейсу, что ты ночевала в общежитии. Утром приехал посыльный с запиской из академии, а потом вломился твой бывший жених! Как узнал, что ты не появилась в пансионе, сразу хотел вызвать поисковиков. Кричал, что ты ночью одна уехала из Но-Ирэ и потерялась по дороге. Я и выложила все как на духу: про переданную одежду, про ночевку. Он страшно взбесился. Просто ужас! Выскочил на улицу и так дверью шарахнул, что выпала ручка. Мы еще два дня ждали плотника.

– Все уже утряслось, Зою, – отозвалась я, пытаюсь отпереть комнату ключом. – Не переживай.

– Ой, после того как твоя мама ушла, я запечатала замок заклятием! – вспомнила она.

Мы наконец проникли в спальню. На первый взгляд было незаметно, что мама приходила в мое отсутствие, но учебники и книги на секретере стояли стройным рядком, рассортированные по цветам. В хрустальном графине с водой появилась серебряная ложечка. Мама искренне верила, что от серебра вода приобретает целительные свойства. Наверняка, войдя, первым делом она раскрыла все окна и хорошенько проветрила комнату.

На ходу стянув пальто, я кое-как освободилась от ботинок и без сил рухнула спиной на кровать. Сейчас, когда лихорадочное возбуждение спало, начала накатывать слабость и снова захотелось плакать.

Зои упала рядом, сложила руки на животе и повернула ко мне голову:

– Почему ты сбежала из поместья?

– Узнала, что Ноэля высылают из Шай-Эра, – тихо отозвалась я, разглядывая балдахин над головой. Тело казалось чугунным и тяжелым: не пошевелиться, не поднять рук.

– Он почти не отходил от тебя, пока ты лежала без сознания в лазарете, – вздохнула Зои. – На нем лица не было, так сильно переживал! Лекари обещали, что ты очнешься за пару часов, но ты все время спала. Потом неожиданно появилась госпожа Тэйр с семейным лекарем, и тебя увезли из замка.

– Что ж, видимо, ему надоело переживать, потому что он меня сегодня бросил, – со злой иронией проговорила я и вдруг почувствовала, как в носу опять защипало, поперек горла встал горький ком, а к глазам подступили слезы.

Наверное, я позволила бы себе порыдать в жилетку лучшей подруги, но дверь в комнату торжественно распахнулась и явила Вербену в расстегнутом пальто и с длинным полосатым шарфом.

– Чарли! – вскрикнула она с порога. – Я вернулась со свидания, а мне сказали, что ты жива!

Протягивая руки, она бросилась к кровати, ловко втиснулась между нами с Зои и обеих обняла за шею, словно собиралась то ли поломать позвонки, то ли задушить. Захват у зверомага был преотличный! Сразу видно, что готовилась в будущем скручивать бешеных химер и сворачивать крылья мифическим горгульям, в которых эти самые химеры изредка превращались.

– Господи, обнимай только ее! – прохрипела Зои, кое-как освобождаясь от железных объятий соседки по этажу и осторожненько отползая поближе к подушкам. – Зачем ты меня-то мучаешь?

Вообще, я тоже была против бурного рукоприкладства, которое по какой-то непонятной причине пытались выдать за проявление радости, но с Вербеной следовало вести себя как с игривой химерой: дожидаться, когда она сама отцепится и начнет вещать. Так и случилось.

– Я позавчера сходила в храм, поставила курительную палочку за упокой твоей души и попросила мадам Прудо переселить меня в эту комнату, – поделилась она.

– Да ты настоящая подруга! – издевательски протянула я.

– Ты что же, обиделась? – искренне удивилась Вербена. – Я купила самую дорогую палочку!

– Благодарю за щедрость, – с трудом сдерживая смехок, фыркнула я.

– Между прочим, поселиться в комнате погибшей подруги тоже очень символично. Если ты не знала, то этот шаг – проявление огромного уважения! Вдруг твой злой дух остался бы в спальне и отражался в зеркалах? Тут никто не сумел бы жить, только глубоко любящие тебя подруги! Но нам повезло – ты возродилась! Выглядишь, правда, паршивенько. – Она с прищуром присмотрелась к моему, по всей видимости, бледноватому лицу и торжественно провозгласила: – Но я могу тебя чуточку подлечить.

– Я выгляжу паршиво, но чувствую себя прекрасно!

– Она полностью здорова! – в унисон мне выпалила Зои.

Обидно остаться невредимой после попадания магического заклятия, но потом отравиться дурацкой настойкой, изготовленной зверомагом то ли по наитию, то ли по какой-то тайной книжке.

– Ты выглядишь зеленой и несчастной, – сузила глаза Вербена.

– Мне просто надо хорошенько выспаться!

– Да-да! Сон – лучшее снадобье от слабости! – с жаром поддакнула Зои, которая, к слову, всегда утверждала, что лучшее снадобье от всех болезней и от разбитого сердца – горячее вино. Самое главное, подогреть его до нужной температуры, а для душевных и телесных недугов она разная.

Утро началось со звука открываемой портьеры. В сумрачную комнату хлынул яркий солнечный свет. Сощурившись, я приоткрыла глаза и обнаружила маму, стоящую на фоне окна. Светлые волосы были собраны короной на голове, стройную фигуру, затянутую в идеально сидящую двойку с бархатной юбкой, очерчивал светлый контур.

– Доброе утро, моя дорогая, – произнесла мама музыкальным голосом. – Здесь очень душно. Я попросила горничных проветрить,

пока тебя не будет, и тщательно вытереть пыль. Мы им прилично доплачиваем за уборку, а у тебя страшный бардак.

В спальне царил идеальный порядок, но спорить с родительницей бесполезно. От нее станется натянуть белые бальные перчатки и пройти по всем поверхностям в поисках пыли. Не сомневаюсь, что где-нибудь обязательно отыщется.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она, вытаскивая из ридикюля знакомый флакончик с укрепляющими каплями, выписанными нашим семейным врачом.

– На удивление неплохо, – вздохнула я, потягиваясь. – Отлично выпалась!

После вчерашних злоключений хотелось издохнуть под одеялом под грустную музыку, но крепкий сон и половина бутылочки с настойкой боярышника из запасов Зои явно превратили меня из живого трупа в обычную девушку. Может быть, не особенно счастливую, но точно здоровую.

– И к слову, я не злюсь на твой внезапный отъезд из поместья, но могла бы сказать, что хочешь долечиваться в пансионе, а заодно и извиниться, – заметила мама.

– Извини, – непроизвольно отозвалась я, хотя виноватой себя не чувствовала.

– Завтра я возвращаюсь в Но-Ирэ, приезжай на выходных. Тебе надо показаться хорошему врачу, возможно, даже знахарю, и избавиться от этой... говорящей метки.

– Хорошо, – послушно кивнула я.

– Сегодня ужинаем с Чейсами. Ночевать останешься в поместье.

– Зачем?

– Потому что они пригласили! Что бы ты ни думала, помолвка официально не разорвана, вспомни о манерах и веди себя соответственно, – резковато ответила она и, прочистив горло, словно сожалела о порыве, поправила идеально уложенные волосы. – Попрошу кухарку принести завтрак в комнату. Ненавижу пить кофе в вашей унылой столовой.

Мама вышла, подчеркнуто тихо закрыв дверь. Щелкнул замок, я моргнула, словно выходя из магического транса, и упала на подушки. Ничего себе доброе-бодрое утро!

В середине дня замок напоминал огромный гудящий улей, и отчего-то казалось, будто этот улей гудел именно по мою душу. Стоило зайти в гардеробную, как люди, там находившиеся, мгновенно замолчали и повернулись в мою сторону, разглядывая с таким любопытством, словно в Ос-Арэт заявился несуществующий герой анекдотов. Видимо, история с поединком по-прежнему считалась самой горячей сплетней академии.

Людей и шепотки я старалась не замечать, сложнее оказалось не позволить себе случайно завернуть в восточное крыло, где находились атлетические залы и, возможно, тренировался Ноэль. Желание увидеть его хотя бы одним глазком засело на таком глубоком подсознательном уровне, что причиняло практически физическую боль.

Чейс-младший обнаружился в читальном зале. От занятий его отстранили, но сдачу диплома никто не отменял. Сидя на обычном месте, он обложился учебниками и что-то раздраженно черкал в блокноте. По всей видимости, работа не шла. Я постучала по крышке стола костяшкой пальца, неожиданно заставив замигать настольную лампу. Алекс поднял голову. Всего на одно мгновение, но пронзительно-синие глаза вспыхнули незнакомыми прежде эмоциями, очень подозрительно напоминающими то ли радость, то ли облегчение.

– Надо поговорить, – сухо бросила я.

Как и в прошлый раз, мы поднялись по винтовой лестнице на второй ярус и спрятались за стеллажами, подальше от чуткого слуха смотрящего, с особым пристрастием бдящего за нарушителями порядка. Помня о том, что случилось в театре, я отодвинулась от бывшего жениха на безопасное расстояние.

Видимо, заметив, что леди не желает впускать его в личное пространство, Алекс оперся спиной о книжные полки и нарочито скрестил руки на груди. Прекрасно! Меня устраивало, что он эти самые руки держал на замке.

– Ирэна сказала, что ты в полном порядке и уже со вкусом портишь Лилии настроение. – Он улыбнулся. – Хорошо выглядишь.

– С утра покрасилась, – хмуро пошутила я, но только собиралась начать разговор о предстоящем ужине и договориться, что именно мы собираемся сказать родителям, Алекс вымолвил:

– Чарли, я не знаю, как просить прощения за то, что случилось.

Я несколько опешила и очень по-умному моргнула. Александр Чейс никогда не просил прощения. Иногда казалось, что он просто не знал ни такого слова, ни его значения, а о синонимах вообще ничего не слышал. Оказывается, еще как знал, просто не считал нужным использовать.

– Елену отчислили сразу после инцидента, – добавил он. – Она больше не причинит тебе вреда.

У меня вырвался издевательский смешок.

– Почему ты смеешься? – с претензией спросил Алекс. Он, конечно, искренне старался быть хорошим парнем, по крайней мере лучшей своей версией, но натуру-то не переделаешь.

– За театр не хочешь извиниться? Или за то, что сцепился с Ноэлем, хотя не имел на это морального права.

– Отчего же не имел?

Очевидно, бывший жених не испытывал ни капли сожаления. Более того, я удивилась бы, возникни в нем чувство вины.

– Вообще-то, Алекс, он не ответил на удар, когда ты налетел на него перед Новым годом, – фыркнула я, не обращая внимания на то, что он поджал губы и сузил глаза, явно недовольный тем, куда зашел разговор. – Хочешь услышать, что я думаю о Елене? Она заслужила отчисление! Но выставлять свою бывшую серийной убийцей как минимум низко. Во всем, что случилось, есть и твоя вина. Люди не перестают любить в тот же миг, как расстались. Чувства угасают постепенно и зачастую мучительно.

– С каких пор Шарлотта Тэйр стала специалистом?

– Не забыл? У меня богатый опыт безответной любви...

Мы помолчали.

– Ссориться бессмысленно, – прекратила я дурацкий спор. Очевидно же, что каждый останется при своем мнении. – На самом деле я хотела поговорить о сегодняшнем ужине. Родители наверняка поднимут тему помолвки. По-моему, отличный момент сказать им, что мы хотим мирно разойтись и не имеем друг к другу претензий.

– Зачем? – неожиданно бросил Алекс.

– В смысле – зачем? – опешила я. – Не ты ли говорил, что не собираешься жениться?

– Что-то такое припоминаю... – пробормотал он и почесал бровь. – Хорошо, я буду готов, если речь пойдет о нас... о нашей

помолвке.

Неожиданно совсем рядом зазвучали приглушенные голоса, говорящие на северном диалекте.

– Ты не поможешь мне с переводом? – канючила Рэдмин на диалекте. – Я принесла взятку: перекус и кофе!

– В библиотеке запрещено есть, – с раздраженной интонацией отбрил Ноэль.

Они появились в проходе. Высокая девушка с термосом из академической столовой в руках и мой первый мужчина, оставивший в груди не сердце, а растерзанные клочья, которые неожиданно начали болеть даже от мимолетной встречи.

Ноэль повернул голову, обнаружил нас с Алексом и, не замедляя шага, с равнодушным видом отвернулся. Я поймала себя на том, что до побелевших костяшек вцепилась в край книжной полки, словно подсознательно ища опору, чтобы удержаться на ногах и не свалиться в обморок.

– Коэн, тебе сложно по-дружески помочь? – снова заговорила Рэдмин, исчезнув из поля зрения. – Все равно уже не ходишь на занятия.

– Может, мне просто за тебя написать? – Он резко повысил голос.

Некоторое время мы с Алексом сохраняли принужденное молчание. Я сосредоточилась на том, чтобы кое-как отцепиться от стеллажа. Держалась так крепко, что пальцы свело.

– Если ты меня подождешь, то поедem в поместье вместе, – предложил он. – Я освобожусь через полчаса.

– Хорошо, – согласилась я, надеясь, что за книжными шкафами нас тоже слышат. – Как раз успею заглянуть к Канахену.

Профессор встретил меня неласково. Как выяснилось, только смерть являлась достаточной причиной, чтобы вовремя не сдать сочинение, а четыре обморочных дня не считались. Очередной раз, наверное, сотый со дня поступления в Ос-Арэт, он отчитал меня на северном диалекте, употребив в пламенной тираде такие витиеватые обороты, что я и половины не поняла. К счастью!

В итоге старик сменил гнев на милость, а заодно тему сочинения, и разрешил сдать работу до конца недели. Не сказать чтобы до этого самого конца оставалось много дней, но, выйдя из преподавательской,

я всерьез поцеловала словарь по диалекту и мысленно поблагодарила северных богов за отсрочку.

– Посмотрите-ка, у Тэйр никакого стыда! – заговорили девчонки, стоящие возле подоконника. – Такой переполох случился, а она носит себя с видом королевы.

Несколько обалдев, что меня обсуждают посреди коридора, даже не попытавшись понизить голос до заговорщицкого шепота, я обернулась к «громким» сплетницам. С неприятной улыбкой на меня тарасилась ректорская племянница и ее свита в полном составе.

– Говорят, Шарлотта, что жених разорвал помолвку, потому что ты изменяла ему с северянами, – проговорила она.

– И сколько их было? – хмыкнула я.

– Не знаю, я же вам свечку не держала, – фыркнула ректорская родственница.

– Говорят, Гвендолен, что тебя взяли в академию только потому, что твой дядя – ректор, иначе ты никогда не прошла бы вступительное испытание, – не осталась я в долгу. Говорить гадости вообще несложно, особенно под соответствующее настроение. – Люди, похоже, не соврали. Ведь мне хватало мозгов не озвучивать идиотские сплетни вслух, а тебе – нет.

– Мало тебе досталось боевым заклятием! – злобно сощурилась она, пригрозив физической расправой, словно действительно ей хватило бы смелости послать в мою сторону что-то пострашнее злобного шепотка. – Еще хочешь?

– То есть ты решила повторить путь Елены Эридан? – издевательски заключила я. – Не скажу, что тоже очень умный ход, но отговаривать не буду. Удачи, Гвендолен!

Честное слово, думала, что она действительно напросится на разборки с собственным дядькой и окатит меня какой-нибудь магической гадостью или просто по старинке вцепится в волосы, но ректорская племянница судьбу отчисленной стипендиатки повторить не пожелала. Зато настроение подпортила знатно!

* * *

Семейные ужины обычно доставляли удовольствие только двум людям: моей матери и Энтону Чейсу. Остальные, как правило, мрачно жевали угощения и считали главной задачей вовремя вставить в разговор уместную реплику. В этот раз Чейс-старший выписал из Но-Ирэ известного повара, создающего блюда с помощью магии, а не на очаге. Видимо, поэтому вся изысканная еда была чуть тепленькая, а порции отличались таким условным размером, что заподозрить кого-то за столом в переедании было невозможно даже при богатой фантазии.

В приглушенном свете, разбавленном огоньками зажженных для красоты свечей, влажно поблескивал политый маслом с перцем яркий омар. Никто не стремился его испробовать, и монструозное ракообразное, как и канделябры, красовалось на столе исключительно как часть сервировки. В камине потрескивали вишневые поленья, и в целом обстановка отличалась домашним уютом, который обычно обнаружить в поместье Чейсов очень и очень сложно. Жаль, компания к милой атмосфере подобралась не особенно приятная.

– Позвольте тост! – приторно улыбаясь, Энтон поднял бокал с густым красным вином. – За здоровье нашей дорогой Шарлотты! К счастью, ужасная ситуация с несчастным случаем разрешилась наилучшим образом. Виновные наказаны, содействующие... тоже.

Он покосился на своего сына, и тот, не дождавшись окончания тоста, сделал из бокала глубокий глоток. Я скрипнула зубами от ненависти к этому отвратительному человеку, но фужер подняла и вежливо улыбнулась, изображая благодарность. Не очень талантливо, но всех устроило.

– Александр, а ты не собираешься возвращаться домой? – задала мама, по всей видимости, самый больной вопрос, который волновал обоих Чейсов, притом каждого по-разному. В ожидании ответа Ирэна не донесла до рта широкий бокал с прозрачным вермутом.

– Нет, – не разочаровал мачеху пасынок. – В замке удобно жить. Не приходится каждый день мотаться на тренировки.

– Когда-то птенцы должны улетать из гнезда, – не скрывая облегчения, улыбнулась она. – Как твои уроки северного диалекта, Шарлотта?

Возникла странная пауза. Я понятия не имела, куда деть глаза от неловкости, и очень захотела спрятаться под стол.

– Прекратились, – несмотря на внутреннюю панику, с достоинством ответила на каверзный вопрос. – Я, к слову, в прошлый раз отдала Алексу шкатулку, которую вы мне передали.

Мы обменялись с Ирэнной недобрыми взглядами.

– Так что же вы решили с помолвкой? – вдруг спросила она, и в воздухе мигом сгустилось такое напряжение, что даже зажженные в канделябре свечи вытянулись острыми длинными пиками. Не шучу!

Мы с Алексом встретились глазами. Он облизал пунцовые, обветренные на морозе губы и перевел взгляд на мою мать.

– Лилия, по просьбе Шарлотты мы погасили обручальные нити. Носить свадебный символ в академии иногда бывает обременительным. Он привлекает внимание и вызывает много вопросов у сокурсников, – вдруг понес бывший жених страшную околесицу. – Но это никак не изменило моих планов жениться на вашей дочери.

– Алекс! – рывкнула я, пялясь на него, как на чокнутого.

– Что? – У него дернулся на лице мускул.

– Ты голову отбил?! Какого демона ты несешь?

Неожиданно горло перехватило невидимым ледяным ошейником. По телу вихрем пронеслась чужая колючая магия, царапающая жилы изнутри. Я попыталась выдавить хотя бы слово, но получилось только сипло кашлянуть.

Требовалось время, чтобы мои собственные крохи дара изгнали чужое заклятие, и от ярости я швырнула тяжелую серебряную вилку на фарфоровую тарелку. Одну из тех, что тысячу раз колотила в мечтах. Проклятущая посудина, к слову, выстояла.

– Полагаю, что Шарлотта переволновалась, – спокойно заявила мать, заткнувшая рот собственной дочери с помощью колдовства.

Мгновением позже магия растаяла, и я с возмущением выдохнула:

– Господи, мама, вы применили ко мне стихийное заклятие! Теперь я действительно начинаю волноваться!

– Шарлотта, пожалуй, тебе стоит уйти к себе в комнату и позволить нам спокойно закончить ужин, – резко приказала она. – Видимо, ты не до конца восстановилась после несчастного случая, раз совершенно не способна следить ни за своими словами, ни за своим поведением. Иди.

Мы с Ирэнной встретились глазами. Она спокойно потягивала приторно-сладкий, не разбавленный ничем, даже водой, напиток и издевательски ухмылялась, словно без слов говоря, что по-хорошему предупреждала, чем закончится этот мой... предсвадебный бунт.

– Благодарю за ужин. – Я отвела взгляд и с улыбкой, вернее, с кривоватым подобием улыбки, поднялась из-за стола. – И кстати, Алекс... В день, когда приехал Ноэль, ты сказал, что умение отказывать когда-нибудь очень сильно пригодится мне в жизни. Так вот я всегда умела отказывать, просто не тебе. Какое счастье, что и это тоже изменилось! Нет! Я не принимаю предложение.

– Шарлотта Мария Тэйр! – охнула мама, опешив от моей неумной дерзости.

– Еще раз используете магию?

– Если понадобится!

– Прекрасно, но сначала позвольте договорить. – Я дрожала от нервного возбуждения, но говорила твердым, уверенным голосом. – Господин Энтон?

Тот сидел бледный от ярости и, кажется, не меньше мамы хотел использовать пару-тройку каких-нибудь противных заклятий, способных заставить меня немедленно, без колебаний и обсуждений, поскакать галопом по морозу к обручальной чаше.

– По соглашению за разрыв с вашим сыном я обязана выплатить компенсацию своим имуществом. Забирайте все. Именно об этом я написала отцу сразу после Нового года. Мама в курсе. Понятия не имею, почему она делает вид, что ничего не знает. Приятного ужина.

Она ворвалась в спальню практически следом за мной. Подчеркнуто аккуратно закрыла дверь. Торчащий из замка ключ три раза провернулся сам собой. Вряд ли мама замечала, что у нее под ногами стелилась белая поземка, напрочь портящая замечательный азрийский ковер, купленный еще первой госпожой Чейс. С другой стороны, как бы это цинично ни звучало, родная матушка Алекса никогда не предъявит претензий.

– Почему ты решила, что кто-то позволит тебе разорвать эту помолвку? Потому что тот мальчик из Норсента так сильно вскружил тебе голову, что жениху пришлось вызвать его на поединок?

Ничего себе поворот! От вольной трактовки событий я, прямо сказать, даже рот открыла. Потом, правда, закрыла – очень захотелось

заскрипеть от злости зубами.

– Посмотри на вещи трезво, Шарлотта, – процедила она сквозь зубы. – Александр Чейс – тот мужчина, которого ты выбрала. Он поведет тебя к венчальной чаше!

– Нет.

– Так и будет! – жестко произнесла она. – Не в этом году, так в следующем, а может быть, через два года. Вы все равно в итоге поженитесь!

Некоторое время мы пытливно изучали друг друга, излучая откровенную враждебность. Снежный след, оставленный мамой на полу, стремительно таял. Вода впитывалась в ковер, не оставляя ему ни единого шанса остаться невредимым.

– Подумайте, мама, вы действительно хотите, чтобы лет через десять я превратилась в уставшую от жизни несчастную женщину, которая начинает каждый новый день с глотка коньяка и носит в сумочке фляжку с бренди?

– Не драматизируй, – сухо бросила она, явно распознав намек на Ирэнну. – Нас с семьей Чейсов слишком многое связывает. Тебе стоит смириться и перестать витать в облаках. Мы с твоим отцом тоже поженились по договоренности.

– Но вы папу любите!

– Уже да.

– А я Алекса – уже нет.

– Ты взрослая женщина, Шарлотта, и должна понимать, что брак – это не всегда история о любви. – Она усмехнулась. – Я попрошу, чтобы десерт принесли к тебе в комнату. Магистр-шеф приготовил чудный малиновый пудинг.

– Ты всегда так поступаешь! – не удержалась я.

– Что? – Мама обернулась и от возмущения, что к ней обратились без должного уважения, сузила глаза.

– Обесцениваешь мои слова, заканчивая разговор какой-нибудь несущественной мелочью. словно мы обсуждали погоду, а не судьбоносное решение, способное полностью изменить мою жизнь!

– Иногда завравшихся детей нужно осекать, дорогая дочь, – холодно ответила она. – Ты поймешь меня, когда у вас с Алексом появится свой ребенок.

Хотелось вернуться в пансион, но даже я понимала, что после скандала, учиненного за ужином, побег из поместья окажется большим перебором.

Заснуть не получалось. Я вертелась в кровати, взбивала подушку, путалась в одеяле, но от ярости сон не шел. Не выдержав, поднялась и отправилась в библиотеку, чтобы отыскать какой-нибудь любовный роман и почитать вместо снотворного. Желательно, чтобы в конце истории главный герой издыхал, а навязанная невеста цвела, пахла и прекрасно жила до самой глубокой старости с мужчиной, способным сделать ее самой счастливой женщиной на земле.

Предположительный отец моих будущих детей не нашел времени и места получше, чтобы надраться бренди из «глобуса» будущего счастливого деда. Хотелось верить, что двадцатилетним крепким алкоголем Алекс лечил не только потрясенную мужскую гордость, но и жесточайшее несварение. Этот паршивец просто заслужил, чтобы от блюд высокой кухни, созданных магией, а не приготовленных на огне, у него заболел живот!

Когда я заходила, он доливал в испитый широкий стакан остатки темного напитка из практически пустого хрустального графина.

– Завтра у тебя будет похмелье, – уверенно предрекла я и с непроницаемым видом направилась к книжным шкафам.

– Давай поговорим? – вдруг предложил то ли бывший, то ли настоящий жених. Признаться, уже сама запуталась.

– О том, что ты сначала не хотел на мне жениться, а потом вдруг захотел? – огрызнулась я. – Нет, спасибо. Я уже сказала, что выплачу компенсацию. И закончим разговоры.

– Скажи, Шарлотта, я настолько тебе противен? – глухим голосом спросил он.

Неожиданно оказалось, что он гораздо трезвее, чем мне подумалось, глядя на пустой графин. Видимо, Алекс был не первым человеком в доме, решившим подлечить нервишки элитным бренди, и только-только приступил к дегустации, когда я нарушила его уединение с отцовским тайником.

– Я люблю тебя, Чарли!

– А я люблю его, Алекс!

В замешательстве бывший жених хотел глотнуть напиток, но отставил стакан на столик и нервно взлохматил аккуратно уложенные

на косой пробор волосы. Синие глаза казались одновременно и испуганными, и злыми.

– Проклятие! Лучше бы ты сказала «спасибо», честное слово, – наконец высказался он и растер лицо ладонями. – Предпочитаю чувствовать себя кретином, у которого есть шанс завоевать собственную невесту, чем кретином, которому ничего не светит.

Раньше у тебя светилась обручальная нить, Александр Чейс, но ты все просп... упустил все шансы.

– Прости, Алекс, – развела я руками.

– Ты еще и прощения попросила! – невесело хмыкнул он. – Не замечал, насколько ты на самом деле жестокая, Шарлотта Тэйр.

– Но ты все еще хочешь на мне жениться?

– Да!

– Мы были близки с Ноэлем, – ни капли не смущаясь, призналась я.

Алекс побледнел, но быстро взял себя в руки.

– И что? – бросил он. – Я собираюсь быть твоим единственным, и мне не важно, кто оказался первым!

– Но это важно для меня.

Мы помолчали. В тишине книжными страничками шуршали библиотечные духи.

– Алекс, на самом деле ты любишь не меня, а то, что я олицетворяю в твоей жизни, – мягко проговорила я.

– И что же? Озвучь, может, я чего-то не знаю?

– Порядок, спокойствие и, главное, неизменность. Но когда-нибудь появится женщина, непохожая на меня или на Елену Эридан, ты в нее влюбишься по-настоящему и снова решишь, что меня ненавидишь. Навязанных невест всегда ненавидят, Алекс. Может, поступим по-умному и расстанемся, пока еще можем остаться друзьями?

– Я не готов тебя отпустить, – твердо отказался он поступать по-умному. – Не сейчас!

– А я не готова оставаться твоей невестой ни на каких условиях!

Знаете, мне тоже очень сложно вести себя спокойно и рассудительно, когда хочется побить кретина чугунной кочергой. Меня останавливало исключительно отсутствие этой самой кочерги!

– Они не позволят нам разойтись, Шарлотта. – Он указал пальцем на закрытую дверь библиотеки, видимо, намекая на наших родителей. – В конце концов мы все равно придем к венчальной чаше.

– Самое главное, чтобы у венчальной чаши меня ждал другой мужчина, а ты ожидал другую девушку, – пошутила я и протянула раскрытую ладонь для рукопожатия: – Останемся друзьями, Александр Чейс?

Он сбежал из библиотеки, не пожав моей руки и прихватив отцовский бренди, видимо, в качестве сердечного болеутоляющего. Зато подробно объяснил, в каком гробу видел дружбу с невестой, променявшей его на какого-то северянина.

«Он даже не шай-эрец!» – воскликнул Алекс и шарахнул дверь, перепугав трудолюбивую книжную нечисть.

Не сказать, чтобы я сильно расстроилась из-за его отказа. Женихом Александр Чейс был отвратительным, просто какой-то жених из ада! Вряд ли из него вышел бы хороший друг.

В столовой Чейсов мы завтракали с мамой вдвоем, и от продолжения скандала нас спасло лишь то, что я выбрала стратегически правильное место на противоположном конце стола. Правда, совместной поездки в карете избежать не удалось. Она уезжала в Но-Ирэ и непременно пожелала подбросить меня до академии, словно боялась, что я тихо соберу дорожный сундук и с самого утра дерну в Норсент. Без разрешения на въезд и порталный переход, чтобы уж наверняка прославить семью Тэйр на два королевства, если о нас еще где-то не слышали!

По дороге я все ждала, когда начнется новый акт обручально-свадебной драмы, но не случилось. Довезли меня быстро, в принужденном молчании, видимо, призванном продемонстрировать, насколько родительница опечалена глупостью взбунтовавшейся дочери. Выходя из кареты, я сделала вид, что забыла попрощаться.

– В выходные я жду тебя дома, – строгим голосом напомнила мама о поездке в столицу.

– Слушаюсь, мадам, – буркнула я и, накинув на плечо портфель с учебниками, пошла к парадным дверям.

День был загружен занятиями, к вечеру больше всего хотелось вернуться в пансион, но пришлось отправиться в читальный зал за книгами для сочинения Канахену. К сожалению, оно само себя писать

никак не желало, и страница блокнота какой день подряд оставалась удручающе пуста.

Профессор потребовал, чтобы я выбрала несколько известных высказываний и рассказала, какую мудрость они несут миру. Но для начала «мудрость» следовало отыскать, свериться со словарем и понять, несет ли она вообще что-нибудь, кроме пустых слов.

За фолиантами на северном королевском диалекте смотритель отправил меня в отдел литературы на иноземных языках, на второй ярус. Набрав целую стопку книг, я выбрала стол в нише, зажгла лампу и разложила вещи. Северный диалект традиционно ввергал меня в сон. Зевая, я листала зачитанные книги. Раскрыла очередной том на развороте, где предыдущий чтец сломался: заложил ленточкой-закладкой и сунул обратно на полку.

Посреди желтоватой страницы без особенного пиетета кто-то подчеркнул чернильной линией пару строчек. Невольно я пробежала глазами по фразе, прочла шепотом. Она звучала подозрительно знакомой...

Перед мысленным взором появился Ноэль на фоне новогоднего дерева. Он бросал эту самую фразу раздраженным голосом и отказывался давать точный перевод. Невольно представилось, как, сидя на втором этаже библиотечного зала, северянин твердой рукой, продавливая пористую бумагу острым кончиком пера, подчеркнул нужную фразу в книге. Видимо, считал, что я ради интереса отправлюсь в библиотеку, но мне не хватило любопытства.

С энтузиазмом, достойным исключительно сочинения для Канахена, я схватилась за словарь, собрала предложение, как мозаику: слово к слову, литера к литере, и получила в итоге сущую нелепицу.

– Господи, чем я только занимаюсь? – в сердцах проворчала я, растерев лицо ладонями, и снова схватилась за словарь. Через некоторое время переведенная фраза аккуратно легла на бумагу.

«Оберегай любовь свою, даже если тебя посчитают злодеем».

– Алекс, значит, тебе жить мешал? – пробормотала я себе под нос и решительно полезла в книжку – искать, кто первым высказался о таком возмутительном принципе причинения добра и защиты большой любви. У этих северян вечно все не как у цивилизованного мира! Никогда не считала себя поклонницей искаженной теории, что

жесткость можно оправдать, а добро должно обладать крепкими кулаками...

Проснулась я, сладко прижимаясь щекой к раскрытой книжке с тем самым высказыванием, по которому жил Ноэль. Огонек в настольной лампе оказался приглушен, нишу и стол обступал полумрак. Тишина стояла, как в заброшенном склепе. Стопка книг со стола исчезла, зато появился термос с питьем. Теплым, если судить по мерцающему на боку символу. С недоумением я выпрямилась и обнаружила, что плечи прикрыты мужским пиджаком. Не возникало никаких сомнений, кто именно проявил неожиданную заботу.

Со злостью я стянула пиджак и отправилась на поиски его хозяина. Ноэль нашелся довольно быстро по яркому свету, мерцающему за стеллажами. В рубашке с закатанными рукавами он стоял возле полок с книгами, написанными на языке северного полуострова, и с сосредоточенным видом просматривал какой-то фолиант. На табуретке возвышалась аккуратная, уголок к уголку, башня из томиков.

– Проходил мимо библиотеки и решил подучиться родному языку? – проговорила я, не заботясь, что в читальном зале следует вести себя очень тихо. Полагаю, правило не действовало, когда не слышал зритель.

Ноэль оторвался от текста и устремил на меня нечитаемый взгляд. В ярком магическом свете можно было рассмотреть каждую черточку лица и то, как напрягались под тонкой тканью строгой рубашки мускулы на руках. Он казался очень красивым, далеким и чужим, даже в груди щемило.

– Забери, мне не нужно!

Я швырнула в него пиджак, но чуточку не докинула. Вещь свалилась северянину под ноги и покрыла пол.

– В пятницу я покидаю Шай-Эр, Чарли, – неожиданно прервал он молчание.

– И решил напоследок написать за меня сочинение? – огрызнулась я. – Спасибо, сама справлюсь! Счастливого пути.

Теперь следовало красиво и гордо уйти, но ноги не шли. Мы смотрели глаза в глаза и не шевелились. Внутри у меня не просто болело, а перемалывало. Кажется, было больно даже костям.

– Почему ты меня бросил? – вырвалось внезапно, сама не ожидала.

– Позови я тебя с собой, ты уехала бы? – вопросом на вопрос ответил он.

– Да, – не задумывалась ни секунды. – Ты сам знаешь.

– Поэтому.

– Поэтому – что? – Я услышала свой голос, словно звучащий со стороны, а в нем – ярость.

– Ты хотела правду, почему я решил расстаться. Вот она – правда. Я расскажу, как будет: ты бросишься за мной следом на полуостров, оставишь позади все, что связывает тебя с Шай-Эром: семью, друзей, привычную жизнь. Побег тебе никогда не простят, не девушке твоего положения и круга. Ты превратишься в изгоя здесь, но останешься чужой там. В конечном итоге жизнь со мной сделает тебя глубоко несчастной.

– «Оберегай любовь свою, даже если тебя посчитают злодеем», – со смешком процитировала я. – Я все-таки нашла словарь и проверила перевод. Верный?

– Вольный, – спокойно поправил он.

– Без разницы, – чувствуя, что готова кидаться книгами от злости, бросила я. – Ты действительно считаешь меня полной тупицей, Ноэль Коэн? Думаешь, я не осознавала, чем рискую, когда говорила, что готова уехать с тобой? Я не собираюсь терять ничего из того, что у меня есть! Понятно?

– В Норсенте умение укрощать стихию перевешивает любые человеческие качества. После смерти того парня репутация Коэнов оказалась под большим вопросом. Чарли, я не уверен, что смогу защитить тебя, как должен, а в Шай-Эре тебе уготовано блестящее будущее. Здесь ты будешь сверкать, как заслуживаешь.

– Видимо, я заслуживаю сверкать, как увядающее новогоднее дерево, – издевательски протянула я. – Если ты не догадался, то блестящее будущее мне уготовано замужем за парнем, которого одобряют родители. Как подумаю, так даже мысленно жизнь сияет яркими красками!

– Ты ерничаешь.

– Конечно! Что мне еще останется, если я слушаю любимого мужчину, а слышу свою мать? Ты как будто говоришь устами Лилии

Тэйр!

Неожиданно непроницаемая маска, обычная для Ноэля, дала трещину. Он начал меняться в лице.

– Бог мой, ты говорил с ней! – опешила я.

– Твоя мать приходила ко мне, и я согласен с Лилией, Чарли.

От неожиданного понимания, что мы расстались благодаря моей «заботливой» маменьке, захотелось не просто швыряться учебниками, а еще треснуть северянина куда-нибудь... в глаз. Я уперла руки в бока и перевела дыхание.

– Поверить не могу! У меня просто слов нет, Ноэль! Уму непостижимо!

– Чарли, послушай меня...

– Помолчи! – рявкнула я, выставив вперед палец. – Иначе меня разорвет от злости! Выходит, Лилия в своей обычной манере приказала нам расстаться, а ты пораскинул мозгами, взял и сделал? Как ты позволил ей влезть в наши отношения?

– Она твоя мать.

– Она женщина, умеющая манипулировать людьми почище прожженного дипломата! Отцу фору даст! – выверилась я. – Как вспомню, какую безобразную сцену она вчера устроила, когда я отказала Алексу, так хочется поехать в Но-Ирэ и закатить грандиозный скандал!

Мы замолчали. У меня першило горло, в ушах стоял звон. Не осознавая, впервые в своей жизни от злости я орала на человека. Открытие по-настоящему ошеломило, ведь в меня с детства вбивали, что повышать голос на кого бы то ни было, даже на обнаглевшую химеру, сгрызшую лучшие туфли и закусившую бабушкиным колье, совершенно недопустимо. Странно, как не прискакал смотритель и не вытолкал нас взащей за возмутительное поправление принципа библиотечно-мертвой тишины.

– Людям, которых любишь, надо давать второй шанс, Ноэль, поэтому спрошу еще раз... – быстро проговорила я, боясь, что он меня перебьет и выдаст очередную глупую, жестокую гадость. – Ты позовешь меня с собой?

Последовала пауза. Тяжелая, долгая, полная моей отчаянной надежды и его мучительных колебаний.

– Чарли...

Сердце упало.

– Не повторяйся. Я с первого раза тебя услышала и поняла.

Уходила гордо, с видом независимой, самостоятельной женщины... Эта самая женщина заплатила огромное состояние за расставание с одним мужчиной и пожертвовала гордостью, чтобы оказаться брошенной второй раз – другим. Просто чемпион в любви, золотой орден прикалывать некуда!

Ноэль нагнал меня неожиданно. Сжав локоть, резко развернул к себе лицом и обхватил руками. Зарылся пальцами в волосы, прижал так сильно, что остановилось дыхание. Я затрепыхалась, пытаюсь освободиться, и знакомым жестом он придавил ладонью мою поясницу, спокойно преодолевая вялое сопротивление.

Мы замерли, оба ошарашенные этими тесными долгожданными объятиями. Знакомый запах Ноэля пьянил, его сердце грохотало под щекой. Можно было услышать каждый заполошный удар. И мраморная плита, лежавшая на моих плечах и клонившая к земле, в одночасье растаяла.

– Я люблю тебя, – прошептал он. – Люблю и желаю самого лучшего.

– Знаю, – пробормотала. – Просто все мне желают самого лучшего, но никто не учитывает, чего именно хочу я.

– Чего ты хочешь? – тихо спросил он.

– Разве не очевидно? Опубликовать переводы норсентских классических манускриптов, написать книгу о путешествиях по северному полуострову и тебя.

Еще, как бы тривиально ни звучало, шарик яблочной карамели. Очень от нервных встрясок помогает.

– Что скажешь, Ноэль?

– Я по-прежнему согласен с твоей матерью. Эгоистично удерживать тебя ради туманных перспектив в королевстве, где нас никто не ждет.

– Тогда зачем ты меня остановил? Обняться напоследок?

– Я остро понимаю, что вряд ли мне поможет еще одна татуировка, чтобы войти в жизнь, где тебя нет.

Господи, и почему этот мужчина все еще продолжает говорить о расставании?

– Возвращайся, – едва заметно улыбнулась я, понимая, что он почти сдался. – Ты стоишь перед открытой дверью, Ноэль.

– И ты меня примешь?

– Конечно. – Я помолчала и, подняв голову, посмотрела в его нахмуренное, сосредоточенное лицо. – Но прощения ты попросить обязан. Попробуй, маэтр Коэн, ты удивишься, узнав, какая у тебя отходчивая девушка.

Вообще, думала, что он просто извинится, но мы по-разному представляли, как нужно просить прощения. Способ Ноэля мне понравился больше. Так отчаянно, сладко и горячо он не целовал меня даже в нашу первую ночь. Когда платье было напрочь смято и дурак бы догадался, что на втором этаже читального зала мы вовсе не читали книжки, смотритель не выдержал и поднялся проверить, что происходит. Полагаю, теперь на втором ярусе появится отдельный архивариус, приглядывающий за порядком.

Основательно мирились мы уже в общежитии, крепко-накрепко заперев дверь. Когда я засыпала, расслабленная и такая счастливая, что сама себе завидовала, Ноэль сладко поцеловал меня в плечо.

– Больше всего на свете я хочу, чтобы ты приехала, – прошептал, щекоча дыханием.

– Это хорошо, – пробормотала я сквозь накатывающую дрему. – Иначе я заявлюсь на твой холодный полуостров, а ты и ждать не будешь...

В четверг я сдала Канахену сочинение, написанное без единой ошибки и три раза проверенное родовитым северянином, а в пятницу проводила этого самого северянина к порталным воротам. Пожалуй, не броситься за ним следом оказалось самым трудным поступком в моей жизни.

Стена перехода, как черная дыра, поглощала людей и дорожные сундуки, озаряя зал короткими вспышками. Мы с Ноэлем целовались отчаянно, так, что было больно губам, и ни о чем не говорили. Казалось, если я открою рот, то начну рыдать в голос, как будто кто-то умер. Не к лицу принцессам плакать, как деревенским простушкам.

– Маэтр Коэн! – позвал куратор Чи, вежливо ожидавший в сторонке, пока мы попросаемся. – Уже пора идти.

Магистру надлежало проводить подопечного до портала, словно Ноэль собирался сбежать. Или вместо холодного северного

полуострова взял бы и умотал куда-нибудь во влажный Эл-Бланс, где даже зимой стояла страшная духота.

– До Норсента всего один порталый переход, Чарли, – повторил Ноэль, уже однажды высказанную мысль. – Очень короткое расстояние. Я напишу, как только доберусь до дома.

– Удачного перехода.

Он поднял дорожный саквояж и направился за защитный полог, отделяющий портал от людного зала. Я стояла возле прозрачной стены и следила, как страж, хмурый человек, ничего не знающий, но смотрящий на моего парня, словно на преступника, ставил на документах красную метку и запрещал въезд в королевство. Нам еще предстояло побороться за право Ноэля вернуться в Шай-Эр.

Прежде чем войти в портал, северянин остановился. Нас разделяло не более шага, но плотная прозрачная стена, гудящая от переизбытка магии и заметная даже невооруженным глазом, не позволяла протянуть руку.

– Я хочу видеть на тебе мою обручальную нить, – вдруг проговорил он. – Слышишь?

– Пощади! Я еще за предыдущую не расплатилась, – не удержалась от мрачной шутки. – Подозреваю, маэтр Коэн, в итоге к вам приедет полностью разоренная невеста.

– У меня достаточно денег, Чарли, но нет уверенности, что ты не сбежишь к другому парню, пока мы находимся на расстоянии.

– К другому парню? – искренне рассмеялась я. – Не мечтай! Так просто ты от меня точно не отделаешься!

Всю дорогу до «высокого» квартала, где находился родительский дом, перед глазами стояла сцена, как Ноэля поглощала черная порталая стена. Однажды он спросил, о чем я сожалела по-настоящему. Глядя на вспышку, ознаменовавшую переход из Шай-Эра в Норсент, я действительно жалела, что не могла прыгнуть следом, вжаться в его широкую спину и никогда не отпускать.

Теперь было ясно, что главное испытание в любви – уметь отпустить. Не важно, куда и на какое время: на свободу или в соседнее королевство, на минуту, на год или навсегда. Ноэль отпускал меня не раз. Понятия не имею, как он сумел пережить столько крошечных расставаний.

Наш старинный особняк окружал самый обычный сад с яблоневыми, сливовыми и грушевыми деревьями, зимой напоминающими голые скелеты. Заваленный снегом, без вечнозеленых хвойных, он выглядел жалким, но зато ничто не мешало дневному свету щедро вливаться в окна спален.

На стук молоточка никто не открыл. Пришлось найти в ридикюле резной ключ и самой отпереть замок. Я настолько обалдела от сдержанного приема в родном доме, что не сразу обнаружила очередную странность: особняк обезлюдел. В смысле, обстановка никуда не делась: по-прежнему радовала глаз сдержанной импозантностью, намекающей, что обошлась владельцам в исключительно круглые суммы, но ни лакей, ни горничная ко мне не вышли.

– Матушка, вы здесь? – все больше недоумевая, позвала я, но комнаты отозвались тишиной. Возвращения дочери здесь явно не ждали.

В гостиной возле закрытого ширмами камина на кофейном столике стояли пара чашек с нетронутым кофе, хрустальный графин с вином и два бокала на высоких ножках. Тут же нашлась тележка с закусками под серебряными колпаками. Из любопытства я один приподняла, обнаружила внутри маленькие пирожные с масляным кремом. Значит, матушка еще не успела поменять и уволить всех горничных во главе с отцовским лакеем, как любила делать каждый раз, когда возвращалась на пару недель в Шай-Эр. Подозреваю, в столице скоро не останется ни одного простого горожанина, не пытавшегося удержаться в услужении у придирчивой Лилии Тэйр.

С возрастающим недоумением я поднялась на второй этаж и тихонечко постучалась в родительские покои. Никто не ответил, и я заглянула в комнату. На разобранной кровати в полутьме закрытых тяжелых портьер, обнявшись, крепко спали мама и Энтон Чейс. Обнаженные плечи, руки и торчащая из-под простыни мужская нога не оставляли простора для фантазии о том, чем именно эти двое были заняты. Чувствуя себя в нелепом сне, я ошеломленно втянулась в коридор, прикрыла дверь и огляделась вокруг, почему-то не узнавая собственного дома.

Ждать, когда они проснутся, пришлось почти два часа. Я сидела на синем диване с резными ножками, невидящим взглядом смотрела в

окно и складывала кусочки очередной мозаики, пытаюсь принять правду. В памяти всплывала то глубоко несчастная Ирэна, аккуратно поправляющая мне волосы со словами, что локоны делали меня похожей на мать, то возникало ухоженное лицо мамы, настойчиво убеждающей меня, четырнадцатилетнюю девчонку, что единственный сын ее хорошего друга Энтона Чейса, с которым они вместе учились в академии, ужас как хорош собой. Алекс красивый, добрый и талантливый! Как, заморозив ковер в поместье у Чейсов, она заявляла о том, что вынудит выйти замуж за этот кладезь талантов, словно мы жили в темные времена первородного языка и девушки не имели права выбора.

Я сгрызла половину жестяной банки карамельных шариков, но такое количество лжи было невозможно ни заесть сладким, ни переварить. Все равно к горлу подступала желчь.

Наконец на втором этаже раздались приглушенные голоса, потом на лестнице зазвучали шаги. Когда любовники спустились в холл, я громко произнесла:

– Ты именно это имела в виду, когда говорила, что наши семьи тесно связаны?

Измученная пауза была достойна лучших театральных подмостков! Какой там клуб любителей-театралов в белых подштанниках, молчание любовников тянуло на королевскую сцену.

Я поднялась с дивана, простучала каблуками к дверному проему и, скрестив руки на груди, привалилась плечом к косяку. Мама в шелковом халате и Энтон Чейс в отцовской белой рубашке выглядели такими же ошеломленными, как и я всего пару часов назад. Но у меня было время осознать случившееся, а у них – нет.

– Кажется, теперь я понимаю, почему ты каждый сезон меняешь горничных, – холодно улыбнулась я. – Господин Чейс, отличная рубашка! Я помню, как мы с папой ее выбирали.

Темные глаза Энтон вспыхнули нехорошим огоньком. Он что-то хотел сказать, но мама дернула его за руку, приказывая прикусить язык.

– Шарлотта, ты все неправильно поняла! – в ее голосе, впервые на моей памяти, прорезались визгливые, истеричные интонации.

– Я видела вас двоих обнаженных и в кровати, – прямо заявила я, бросив на Энтон косой взгляд, и вдруг подметила, как внешне они

сильно похожи с Алексом. – Думаю, я поняла все правильно, поэтому сейчас время не для скандала, а для переговоров.

Мы устроились тут же, в синей гостиной, подозреваю, видевшей много непотребных вещей, но с шантажом столкнувшейся впервые. Заняли места, как фигуры на шахматной доске перед серьезной партией. Мне досталось кресло, в котором обычно сидел отец. Помоему, весьма символично, как любила говорить Вербена.

– И долго у вас это длится? – спросила я, но тут же оговорилась: – По-видимому, очень долго, поэтому не отвечайте. Полагаю, Ирэна в курсе, а отца я слишком уважаю, чтобы рассказывать... о таких вещах.

– Твой отец обо всем знает! – бросила мама.

– Значит, ты будешь не против, если мы поговорим об этом за семейным ужином?

– Не много ли ты себе позволяешь? – проворчал Чейс.

– Полагаю, вы позволяли себе в этой гостиной гораздо больше, – улыбнулась я одними губами. – Хотите стереть мне память с помощью магии, да? Я права, мама? Признайся, ты сидишь и обдумываешь, насколько будет бесчеловечно превратить единственную дочь в калеку, чтобы сохранить секрет. Так?

Вообще, я просто бравировала, но она отвела глаза.

– Господи, ты действительно об этом думаешь! – изумилась я. – Ради кого? Ради этого человека?

– Просто скажи, чего ты хочешь, – глухо произнесла она.

– Помолвка! – Я повернулась к Энтону: – Вы расторгнете обручение по соглашению сторон, и я не заплачу вам ни сантима. Думаю, вы достаточно имеете от нашей семьи.

– Еще? – коротко бросил он.

– Мама, ты больше никогда не заговоришь о свадьбе с Александром! Согласись, выдать меня замуж за сына своего... настолько близкого друга – даже не дурной тон, этот поступок находится за гранью добра и зла. Хуже разве что выдать за самого друга. Или позволить ему оставить собственную дочь в одном исподнем. Считаешь, что это должно меня отрезвить? Поверь, отрезвило. К предательству родной матери ни в одной академии не готовят.

– Шарлотта! – посмела она возмутиться.

– А я не права? – оцетинилась я. – И верни мне цветы Эна Риона. Их подарил мужчина, которого я люблю. Знаю, что они у тебя.

– Верно, – прошелестела она.

– Верно – это когда они на моем теле, а не в твоей шкатулке.

Мама шумно вздохнула, набрав полную грудь воздуха и явно намереваясь по привычке выдать уничижительную отповедь, но, видимо, догадалась, что ситуация не подразумевает лекций о дочернем уважении, и промолчала.

– Верни сейчас, мама! – кивнула я на двери гостиной.

– Хорошо, – сквозь зубы процедила она в ответ.

Мама поднялась с дивана, затянула пояс халата и походкой ледяной королевы, разве что не оставляя снежных следов, отправилась на второй этаж. Мы с Энтоном остались вдвоем, друг напротив друга.

– Отмените запрет Ноэлю Коэну на въезд в королевство, – резковато произнесла я.

– Даже я кое-что не в силах сделать, – отказал он в просьбе. – Должно пройти не меньше пары лет, прежде чем подавать ходатайство. По просьбе твоей матери его величество лично подписал запрет. Ты знаешь вспыльчивый характер короля, нужно время.

– Сколько?

– Год или два, когда все забудется.

– В таком случае на эти год или два я хочу уехать за Крушвейскую гряду по программе обмена студентами с Норсентской королевской академией. Записать меня в какую-то группу ведь в ваших силах?

– Безусловно, – сухо отозвался он.

На лестнице зашелестели быстрые шаги – мама торопилась вернуться со второго этажа, и мы прервали разговор.

– Господин Чейс, буду ждать хороших новостей. – Я поднялась с дивана, подхватила со стола сумочку и усмехнулась: – Мои наилучшие пожелания Ирэне. И еще... бога ради, снимите эту рубашку!

Я вышла в холл. Ледяными нервными руками мама передала крохотную шкатулку-табакерку, украшенную резьбой и драгоценными камнями. На черной ткани лежала знакомая бляшка размером с монетку с выгравированным символом первородного языка. Она тускло светилась в дневном свете, падающем из узких решетчатых окон.

– Я одного не понимаю, – закрыв крышку с громким хлопком, я посмотрела в мамино лицо, самое обычное – непроницаемое и холодное, – как ты можешь быть такой идеально-лицемерной?

Мама поджала губы.

– Когда-нибудь я прошу тебя, но не сейчас, – кивнула я, хотя она и не думала извиняться за то, что пыталась сотворить с моей жизнью.

– Я не нуждаюсь в твоём прощении, Шарлотта, – с ледяной интонацией заметила она.

– Уверена, об этих словах ты будешь сожалеть больше всего, – усмехнулась я и вышла из дома на аккуратно вычищенные от снега ступеньки. Полной грудью вдохнула холодный воздух и спустилась с крыльца.

В Ос-Арэт пришлось добираться с извозчиком. Оказалось, что кучера мама тоже отпустила на выходной. Покачиваясь в такт карете, я вновь открыла маленькую шкатулку, вытащила символ Эна Риона и аккуратно приложила к внешней стороне запястья. От телесного тепла живой магический металл за секунды превратился в красивый цветочный орнамент, обхватил руку, протянул тонкие лозы к пальцам и разрисовал предплечье. Мне нравилось, что теперь его не надо скрывать.

Один порталный переход до полуострова растянулся почти на полгода. Пришлось набраться терпения, окончить третий курс Ос-Арэта и дожидаться августа. С мамой мы по-прежнему не разговаривали, но расстояние и время умело сглаживали острые углы. Мы увиделись весной, когда пришло приглашение в Норсентскую королевскую академию на факультет языковедения, и папа захотел лично поздравить меня с таким замечательным событием. За ужином нам с мамой удалось ни разу не поцапаться.

После экзаменационной декады дни побежали с немислимой скоростью. Казалось, только я страдала и отправляла Ноэлю слезливые письма, что никак не могу дождаться отъезда, как вдруг подступил август. Пришлось спешно покупать вещи, утрясать дела и решать, что стоит взять в первую очередь. Понятия не имею, каким образом в первую очередь я взяла с собой энергичных подруг.

В августе в северном Норсенте стояла вполне себе южная духота. Воздух даже в столице пах соленым морем, хотя главный город

сурового королевства, спрятанного от Шай-Эра за Крушвейской скалистой грядой, находился в центре полуострова.

Путь от порталной гавани до академии занял два часа по равнине, окрашенной ярко-желтым солнечным колером. В Шай-Эре из земли везде торчали валуны, глубоко проросшие в землю. Даже фермеры не пытались их выкорчевывать, разбивали отвоеванные у скал пшеничные и ржаные поля вокруг этих каменных гигантов. На полуострове возникало ощущение бесконечного простора, здесь пространство словно расширилось до бесконечности и на горизонте сливалось с пронзительно-синим небом.

Норсентская королевская академия не походила на Ос-Арэт. «Змеинная башня» выглядела единым мощным гигантом, крепко пустившим корни в скалистые уступы. Здесь же было множество зданий, хаотично рассыпанных за замковой стеной и одетых в густые покровы плюща. Даже главная башня из серого камня и с круглыми часами тоже была окутана зеленым одеялом. На остроугольных двускатных крышах сидели каменные горгульи, они же разевали зубастые пасти на водостоках.

Выйдя из тяжелых дилижансов, осоловевшие от долгой дороги, мы невольно потягивались, разминали ноги. Следом за пассажирскими экипажами вкатил подвода с дорожными сундуками, накрытая сверкающей магической сетью, крепко-накрепко удерживающей багаж в открытой повозке.

– Господи боже, Чарли, напомни, почему я решила припереться в Норсент? – простонала зеленоватая Зои. – Что мне не сиделось в Ос-Арэте?

Оказалось, что при порталном перемещении ее нечеловечески укачивало, и двухчасовая тряска на колдобинах не способствовала возвращению в мир живых людей.

– Потому что Эйнар тебе три месяца ездил по ушам, рассказывая, какой здесь замечательный курс бытовой магии, – отозвалась я и протянула подружке термос с холодной лимонной водой.

– Точно-точно, – прошептала она, отвинчивая крышку. – Во всем виноват этот северный демон! Я его не видела всего месяц, а уже ненавижу.

– Почему на северном полуострове жарко, как на южном? – донесся из кареты недовольный голос Вербены. – Я думала, здесь уже

в августе снег лежит!

Подруга действительно взяла с собой только теплые вещи, парилась в шерстяном платье и всю дорогу таскала в руках плотную накидку. Странно, как ее еще не хватил тепловой удар.

– А зачем мы взяли с собой зверомага? – уточнила Зои.

– Потому что она решила, что Валериан слишком прост и восторжен, а в Шай-Эре не нашлось ни одного приличного северянина, – хмыкнула я.

Вообще-то, соседка по этажу заявила, что до разрыва аорты желает пройти практику в Норсенте, где обитали драконовые химеры и прочие страшные крупные твари, способные плевать огнем и откусывать головы, но мы-то все знали истинную причину.

– Точно! – Зои отхлебнула питье. – Надеюсь, она найдет в местном зверинце какого-нибудь подопытного кролика для своих настоек.

Мы так заговорились, что пропустили появление северян. Это было ужасно странно: я растерянно обернулась, а Ноэль уже оказался рядом, всего-то в паре шагов, и старательно сдерживал улыбку. Долгожданная встреча показалась оглушительной! Я вытаращилась как дура и боялась пошевелиться, чтобы не спугнуть дивное видение.

Как правило, в воспоминаниях люди кажутся физически привлекательнее, красивее и сексуальнее, чем бывают в реальности. В случае с Ноэлем все случилось ровно наоборот: он выглядел во сто крат лучше парня из фантазий. К слову, наплевав на местные обычаи, он по-прежнему коротко стриг волосы.

– Коэн всегда был таким красавчиком? – тихо спросила Зои.

– Естественно, – отозвалась Вербена. – Тэйр умеет отхватить самую сладкую середку именинного пирога.

– Что за середка? – Мы обе с недоумением покосились на целительницу-зверомага.

– Та, что с розочками. – Она закатила глаза. – Вы как будто в кондитерские никогда не ходили.

– Я знаю, что в группе есть студенты, приехавшие на факультет языкознания, – неожиданно произнес куратор академии, вынуждая прекратить перешептывание, и оглядел нестройный ряд измученных шай-эрцев. – Кто?

Я подняла руку и представилась на диалекте:

– Шарлотта Тэйр. Добрых дней!

– У вас отличное произношение, – удивленно похвалил он.

Понимаю: когда северяне появились в Ос-Арэте, от них тоже не ждали особых познаний в языке и недоумевали, как они будут ходить на занятия.

– Благодарю, в Шай-Эре у меня был превосходный репетитор. – Стараясь сдержать смех, я покосилась на Ноэля.

И словно не было мучительных месяцев, когда мы, словно сумасшедшие, каждый день отправляли друг другу письма. Именно из них я узнала, что Коэнам принесли извинения, а в статьях теперь рассказывали о благотворительности и прочих заслугах семьи.

– Маэтр Коэн свободно владеет шай-эрским языком, и он проведет вам экскурсию по зданию факультета.

Потеряв ко мне интерес, куратор продолжил сортировать приехавших студентов по направлениям.

– Ноэль, – шагнув ко мне, с улыбкой протянул он руку.

– Шарлотта.

Включаясь в игру, я вложила пальцы в его теплую, чуть шершавую от тренировок с оружием ладонь. Цветочный орнамент из живого металла, украшающий мое предплечье, как необычная татуировка, задорно блеснул на солнце.

– Знаешь... Шарлотта... – выстрелив в меня пронзительным взглядом из-под ресниц, проговорил северянин на шай-эрском языке. – Наплевать!

– На кого?

Секундой позже на глазах у толпы народа, действительно наплевав на правила приличий, он смял меня в объятиях. Вокруг стояла адская, совсем не северная жара, а люди удивленно шептались, не понимая, что происходит. Уверена, мы уже стали главной сплетней еще не начавшегося учебного года.

– Добро пожаловать в мой дом, принцесса, – облегченно выдохнул Ноэль мне в волосы.